

Скифская эпоха Алтая

(Тезисы докладов к конференции)

Барнаул—1986

КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКИФСКАЯ ЭПОХА АЛТАЯ

(Тезисы докладов к конференции)

Барнаул - 1986

В сборнике опубликованы тезисы докладов и сообщений для прочтения на научной конференции по теме "Скифская эпоха Алтая". Конференция созывается в г.Барнауле (апрель 1986 г.) и посвящается 100-летию со дня рождения С.И.Руденко.

Редакционная коллегия:

к.и.н. Ю.Ф.Киришин (ответст.редактор), В.М.Шелудченко, д.и.н.
А.П.Уманский, к.и.н. В.Н.Владимиров, к.и.н. С.В.Цыб, А.Б.Шамшин

Адрес оргкомитета: 656099, г.Барнаул, ул.Димитрова, 66, АГУ,
лаборатория археологии

Бородаев В.Б.

С.И.РУДЕНКО И АЛТАЙ

Сергей Иванович Руденко родился 29 января 1885 г. в Харькове. Позже семья переехала в Пермь, где Руденко-гимназист начал этнографическое изучение башкир. Эти исследования он продолжал и обучаясь в 1904-1909 гг. на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. В 1908 г. в Париже была опубликована первая работа молодого ученого по этнографии. В том же году он принял участие в изучении Мезинской палеолитической стоянки, получив навыки археологических раскопок. По окончании университета С.И.Руденко в течение года занимался этнографическими и антропологическими исследованиями среди хантов, манси и ненцев Нижнего Приобья, произвел раскопки остяцкого могильника близ Обдорска.

Оставленный в университете для подготовки к профессорскому званию, С.И.Руденко в 1913-1914 гг. посетил Турцию, Сирию, Палестину, Египет, Италию, в течение года слушал лекции и занимался антропологическими исследованиями в Париже. Вернувшись в Россию, Сергей Иванович преподавал на кафедре географии и антропологии Петербургского университета. В 1915 г., участвуя в почвенно-ботанической экспедиции на Урал, он произвел раскопки знаменитых Прохоровских курганов. В 1918 г. за работу "Башкиры" ему была присуждена степень магистра географии.

С этого времени научная деятельность С.И.Руденко оказывается тесно связанной с Сибирью. В 1919 г. он избирается профессором Томского университета по кафедре географии, а позже становится деканом физико-математического факультета. В 1920 г., приняв участие в комплексной экспедиции в Минусинскую котловину, Сергей Иванович производил раскопки тагарских курганов. После избрания в 1921 г. заведующим этнографическим отделом Русского музея и, одновременно, заведующим кафедрой антропологии и этнографии Петроградского университета, С.И.Руденко возвратился в Петроград. В это время он активно работал в Особом комитете по исследованию союзных и автономных республик, где в числе других руководил и Алтайской экспедицией. Тогда же ученый был избран старшим научным сотрудником ГАИМК.

В 1924 г. С.И.Руденко впервые приехал на Алтай. Ему шел сороковой год. Позади было много лет плодотворной и напряженной работы в антропологии, этнографии и археологии. Сергей Иванович не был археологом в узком современном понимании этого термина. Он был блестяще эрудированным, широко образованным Географом, в объект исследования кото-

рого входили как люди, современные ему, и древние, так и природные условия среды, в которой эти люди жили. Именно в чрезвычайно широком подходе ученого к историко-этнографическим вопросам, в тесной увязке их с естественно-географическими условиями и проявилось своеобразие Руденко-историка.

За всеми работами ученого виден не только его талант, но и исключительно большой труд. В 1924 г. кроме С.И.Руденко и А.Н.Глухова Алтайская экспедиция Русского музея состояла всего из двух сотрудников-студентов и проводника-алтайца. Путь был составлен так, что проходил через районы Восточного Алтая, в то время еще не описанные географически. Продвигаясь на лошадях по маршруту Улала-Кебезень-Артыбаш - р.Чулышман и далее долиной р.Улаган на р.Башкаус - Курайский перевал - р.Чуя и вверх по ней в Чуйскую степь - верховье р.Байлгем - ур.Язула на р.Чулышман - Телецкое озеро, отряд на всем пути провел барометрическое нивелирование, что позволило вычертить профиль пройденного маршрута; было составлено геоморфологическое описание края и собрана коллекция горных пород; выяснились границы распространения высокогорной тундры и территории, пригодные для скотоводства и земледелия; была составлена маршрутная карта распространения различных видов почв в связи с границами распространения растительных сообществ, собрана коллекция почвенных образцов и гербарий. Экспедиция посетила тубаларов, теленгитов и казахов. По заданию Комиссии АН по изучению племенного состава населения СССР были выяснены границы расселения и численность этих народов Алтая. Их быт и особенности расселения изучались в тесной связи с окружающими природными условиями. Была собрана значительная коллекция вещей, проводились антропологические обмеры.

Этот длинный список работ Алтайской экспедиции 1924 г., состоявшей лишь из пяти человек, все же не полон. Ведь тогда же был открыт и раскапывался могильник Кудыргэ, велись раскопки в разных пунктах на р.Улаган, в том числе и в долине Пазырык, проводились другие археологические работы (Руденко С.И., 1926; Грязнов М.П., 1926; Гаврилова А.А., 1965).

Не менее напряженно трудилась Алтайская экспедиция и в 1925г., когда отрядом С.И.Руденко была изучена западная часть бассейна р.Катушь, А.Н.Глухов продолжил исследование могильника Кудыргэ, а М.П.Грязнов провел свою первую археологическую разведку по рекам Бии и Оби. В 1927 г. работало два отряда: С.И.Руденко - в южной части Горного Алтая, М.П.Грязнов и М.Н.Комарова - в долине р.Урсул, где ими был раскопан Шибинский курган. К сожалению, результаты значи-

тельных по объему этнографических работ Алтайской экспедиции так и остались почти не опубликованными. Пожалуй, можно сказать, что С.И. Руденко как исследователь современного ему населения Горного Алтая полностью еще не открыт. Далеко не в полной мере изданы и материалы археологических памятников, раскопанных на Алтае в те годы. Находки из них затмили Пазырык.

Алтайская экспедиция открыла Пазырыкские курганы в 1924 г. Тогда проводилось географическое изучение долины, брались пробы грунтов, для чего производилась шурфовка возле больших насыпей. Велись раскопки мелких археологических объектов. Удаленность урочища от населенных пунктов и возможность добраться туда только зычными тропами первоначально заставили отказаться от крупномасштабных раскопок.

Подсурганная мерзлота на Алтае была известна давно. В 1927 г. ее обнаружили в Шибинском кургане, схожем по размерам с Пазырыкскими, но расположенном в зоне более мягкого климата. Следующая экспедиция С.И. Руденко на Алтай, организованная в 1929 г., начала раскопки большого кургана на Улаганском нагорье. Не случай, а точный научный расчет привел ученого к открытию: первый Пазырыкский курган, с большой тщательностью исследованный М.П. Грязновым под непосредственным руководством С.И. Руденко, дал небывалый по характеру, сохранности и объему материал, с немалым трудом вывезенный по р. Чулышману, через Телецкое озеро и далее на плотах вниз по р. Бий.

Обработка уникальных находок только началась, когда в августе 1930 г. ученый был надолго оторван от своих исторических исследований. Судьба бросила его в Карелию. Потом были исследования в Гидрологическом институте (в 1945 г. Сергей Иванович получил за них степень доктора технических наук); блокадная зима 1941 г., когда С.И. Руденко, назначенный начальником одного из отделов гидрометеослужбы Ленинградского фронта, занимался прогнозами ледового режима Дороги жизни; возвращение в ИИМК, эвакуация и работа по изучению культуры народов Чукотки и Камчатки. С 1944 г. Сергей Иванович возобновил преподавание в Ленинградском университете. Тогда же в "Известиях АН СССР" появилась его первая после тринадцатилетнего перерыва статья по истории - "Скифская проблема и алтайские находки". Без преувеличения можно сказать, что эта тема была выношена и выстрадаана ученым, надолго оторванным от Алтая. С.И. Руденко ясно понимал, что сделано открытие мирового значения, что необходимы новые раскопки в Пазырыкье.

В 1947 г. стала возможной поездка на Алтай. Экспедиция состояла из самого С.И. Руденко, его жены Н.М. Руденко, принимавшей участие во всех полевых исследованиях с 1925 г., и С.А. Семенова. Курганный мерз-

лоту тогда же изучал специальный отряд Института мерзлотоведения в составе четырех человек. Начав раскопки второго Пазырыкского кургана, С.И.Руденко смог завершить их только на следующий год, одновременно вскрыв третий и четвертый курганы. Шестидесятилетний ученый с удивительной энергией воспользовался предоставленной ему возможностью вести исследования на Алтае. Об интенсивности научного труда С.И.Руденко в это время говорит такой факт: книга "Второй Пазырыкский курган" была издана Эрмитажем в год окончания его раскопок. Последний из больших Пазырыкских курганов - пятый изучался в 1949 г. На следующий год экспедиция, возглавляемая С.И.Руденко, раскопала два Башадарских кургана, а в 1954 г. - два Тузуктинских. Тогда же отрядом А.А.Гавриловой был исследован большой Катандинский курган.

В результате этих работ был получен совершенно исключительный по обилию, разнообразию и научной ценности материал. Была выявлена самобытная и богатая культура племен Алтая скифского времени с их удивительным искусством и обширнейшими связями с цивилизациями Ближнего Востока и Китая. В 1954 г. ученый был награжден орденом "Знак почета". Изучение С.И.Руденко заледенелых курганов Алтая принадлежит, по выражению В.М.Массона, к числу наиболее значительных и всемирно известных достижений советской археологии (Массон В.М., 1965).

Первоначально дискуссионным являлся вопрос о возрасте открытых памятников, которые С.И.Руденко неизменно относил к скифскому времени. Отстаивая эту точку зрения, ученый широко привлекал естественно-научные методы датирования, что позволило ему в конечном итоге создать небывало точную для того времени хронологию алтайских курганов (Руденко С.И., 1960, с. 335-336; сравн. Марсадолов Л.С., 1985). Раскопки могильников скифского времени в Туве подтвердили вскоре правоту С.И.Руденко: стало ясно, что отнесение Пазырыка в 3-И вв. до н.э. не верно. Впоследствии был передатирован по схеме С.И.Руденко Шибинский курган (Руденко С.И., 1969, с. 336; сравн. Баркова Л.Л., 1978).

Научная прозорливость исследователя не случайна, как не случайны были открытие Пазырыка или раскопки алтайского палеолита.

По сути дела, Усть-Канская пещера была первым гротом, замеченным С.И.Руденко с дороги. Но не надежда на случайный успех или простое любопытство, а истинное научное предвидение привело ученого к раскопкам этого памятника в 1954 г. Соглашаясь с выводом предшествовавших исследователей о том, что чарышские пещеры вряд ли могли быть населены теми животными, остатки которых в них обнаружива-

ли, С.И.Руденко понимал, какое открытие должно ждать археолога в Усть-Канской пещере, и сделал его.

Показательна датировка этого памятника. Не являясь специалистом в такой специфической области археологии как палеолит, С.И.Руденко, верный своей методике, пристальное внимание уделил реконструкции природных условий, окружавших обитателей стоянки. Опираясь на определения Н.К.Верещагина, считавшего, что фаунистический комплекс Усть-Канской пещеры характерен для сухой, но относительно теплой фазы, С.И.Руденко датировал находки "верхним плейстоценом - теплой фазой, предшествовавшей последнему оледенению Алтая" (Руденко С.И., 1969, с.125). Весь археологический материал он считал одновременным. Позднейшие исследования С.М.Цейтлина, пытавшегося установить геологический возраст памятника, позволили ему предполагать наличие в пещере двух разновременных культурных комплексов. Однако характерно, что и в этом случае дата стоянки, предложенная С.И.Руденко, "справедлива по крайней мере для нижних ее слоев" (Цейтлин С.М., 1979, с.84).

Причина научной прозорливости С.И.Руденко заключалась в умении проводить широкое, всестороннее изучение объектов, привлекавших внимание ученого. В его работах гуманитарные исследования, как ни у кого другого, тесно взаимосвязаны с естественными и техническими, что позволяло подойти к археологическим источникам с разных сторон. Так, при раскопках в Пазырыке и в ходе обработки полученных материалов, были проведены исследования в следующих областях: мерзлотоведение, ботаника и палеоботаника, палеозоология, типология, антропология, дендрохронология, радиоуглеродное датирование, трассология, спектральный и металлографический анализы металлов; специальному изучению подвергались ткани. Вместе с тем, проводилось изучение находок и традиционными археологическими методами, привлекались этнографические данные и письменные исторические источники. Тщательному анализу и всестороннему описанию подвергались искусство пазырыкцев, а также художественные изделия, попавшие на Алтай из других областей. И везде С.И.Руденко проявлял себя как крупный специалист.

Своеобразие методов работы Сергея Ивановича хорошо видно при сравнении его исследований с раскопками заледенелых курганов Алтая и Тувы, проведенными позже другими исследователями и нацеленными в основном на обычные узкоархеологические нужды. Так, например, после С.И.Руденко дендрохронологический метод нигде на Алтае не применял-

ся, хотя памятники с курганной мерзлотой вскрывались. То же самое можно сказать и об исследованиях ученого во многих других областях.

Уникальность археологических работ С.И.Руденко на Алтае оказывается еще и в том, что он, как никто другой, использовал данные раскопок для научной реконструкции природной среды, в которой жили люди, оставившие тот или иной памятник. Тщательный анализ данных о флоре и фауне времени сооружения Пазырыкских курганов позволил С.И.Руденко сделать вывод, что природные условия тогда не отличались сколько-нибудь существенно от современных (Руденко С.И., 1953). Исходя из этого, хозяйство пазырыкцев он считал комплексным, причем ведущая роль принадлежала скотоводству. Естественно-географические условия Горного Алтая, по мнению С.И.Руденко, вполне обеспечивали потребности в пастбищах не только летом, но и зимой, требуя незначительных сезонных передвижений стад. В противоположность М.П.Грязнову, ученый не видел в пазырыках кочевников и настойчиво отрицал сам термин "ранние кочевники", равно как и расчленение культуры древних горноалтайцев на три хронологических этапа. Одним из показателей их полуседлого или даже седлого образа жизни С.И.Руденко считал хорошо развитую строительную технику. Он был уверен в существовании у пазырыкцев постоянных поселений.

Эти выводы не утратили своей значимости и по сей день. Конечно, в книгах С.И.Руденко можно найти отдельные неточности, спорные места и некоторые неверные замечания, однако частные поправки, даже если они справедливы, возможны лишь после того, как написано обобщающее исследование. Прекрасно подготовленные, богато иллюстрированные и хорошо изданные монографии Сергея Ивановича о культуре населения Алтая скифского времени как раз и являются в совокупности таким капитальным обобщающим историческим трудом, к которому еще многие десятилетия будут обращаться историки, искусствоведы, археологи, этнографы, специалисты других дисциплин.

По объему научных работ, посвященных Алтаю, о С.И.Руденко не может сравниться ни один советский археолог. Его статьи и книги о горноалтайских курганах публиковались в ГДР, Италии, Китае, Швейцарии, неоднократно издавались в США. Творческое долголетие исследователя удивительно. Ученый победил старость. Последняя книга С.И.Руденко об алтайских находках вышла в 1968 г., за год до смерти, когда ему шел восемьдесят четвертый год.

В нестарелых монографиях С.И.Руденко об Алтае - его жизнь, полная напряженного творческого труда, мужества и негасимой энер-

гии. В этих книгах сохранилось обаяние человеческой личности автора. В них — бессмертие ученого, для которого годы, связанные с Алтаем, были одними из лучших в его жизни.

Долуханов П.М.

С.И.РУДЕНКО И РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИИ

Одним из аспектов многосторонней и плодотворной научной деятельности С.И.Руденко было широкое внедрение в практику археологических исследований методов естественных наук. В Лаборатории археологической технологии, созданной С.И.Руденко в 1958 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (являющейся продолжением традиции Института археологической технологии, существовавшего в составе ГАИМК), были представлены следующие научные направления: радиоуглеродное датирование, дендрохронология, палеозоология, палеогеография, палинология, качественный и количественный химические анализы, спектрография, металлография, геофизика.

В настоящее время в Лаборатории археологической технологии ЛОИА успешно развиваются научные направления, намеченные С.И.Руденко. В настоящем докладе характеризуется современное состояние радиоуглеродного датирования и палеогеографии первобытных культур на территории СССР.

Первоначальное заселение палеолитическими людьми значительных пространств Восточно-Европейской равнины и Сибири произошло, по-видимому, в течение ранневалдайского-зырянского оледенения (80—40 тыс.л.н.) — к этому времени, в частности, относится пещерная стоянка Усть-Канская, открытая и исследованная С.И.Руденко.

Наиболее широкое распространение палеолитического человека в приледниковой зоне Евразии произошло в течение верхнего палеолита, нижняя граница которого определяется в 36—40 тыс.л.н. Оптимальная адаптация к полярным ландшафтам, выразившаяся в приросте населения и появлении постоянных поселений, соответствует максимуму валдайского — сартанскому оледенению (18—13,5 тыс.л.н.).

Длительное позднеледниковое потепление (13,5—II тыс.л.н.), а также позднедрясовое похолодание (II—10 тыс.л.н.) привели к кризису верхнепалеолитической экономики, что сопровождалось общим понижением плотности населения.

Наиболее ранние проявления производящего хозяйства (II—10 тыс. л.н.) локализуются в области "благодатного полумесяца" Передней Азии. Широкое распространение производящего хозяйства на террито-

рии Евразии совпадает с климатическим оптимумом голоцена — 8–5 тыс. л.н. Раннеземледельческие культуры Прикарпатско-Молдавского региона, Закавказья и предгорий Средней Азии соответствуют начальному этапу климатического оптимума (8–7 тыс.л.н.).

Распространение неолитических (керамических) культур в лесной зоне Евразии произошло 7–6 тыс.л.н. и не сопровождалось перестройкой хозяйства, основанного на эффективных отраслях присваивающего типа. Наиболее высокая степень адаптации присваивающего хозяйства к лесным экосистемам была достигнута на этапе "развитого" неолита — 6–5 тыс. л.н.

Начиная с 5 тыс. л.н., повсеместно в Евразии происходит понижение температур и уменьшение влагообеспеченности ("постоптимум"). В этих условиях происходит постепенное угасание земледельческих цивилизаций в лесостепной зоне (трипольской), а также в предгорьях Средней Азии (типа Намазга У). В то же время на западе лесной зоны происходит распространение "шнуровых" культур, хозяйство которых было основано на присваивающих отраслях с элементами скотоводства. В пределах степной зоны Евразии происходят формирование преимущественно скотоводческих культур пастушеского типа.

Наибольший расцвет пастушеских цивилизаций степной зоны приходится на I тыс. до н. э. — первые века н.э., когда в условиях нарастающей аридизации климата здесь возникали государственные образования, оказывавшие существенное влияние на ход исторического процесса.

Изученные С.И.Руденко горно-алтайские памятники "скифского" времени, соответствующие одному из сегментов степной цивилизации, свидетельствуют о достаточно высоком уровне общественного развития и о сложности культурно-хозяйственных связей, установленных объединениями кочевников с раннеклассовыми образованиями на востоке и на юге.

Савинов Д.Г.

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ УЗУНТАЛА

Первые археологические исследования в Узунтальской степи (Кош-Агачский район Горно-Алтайской а.о.) провел в 1925 г. С.И.Руденко, раскопавший здесь несколько древнетюркских оградок и впускных теленгитских захоронений. Почти через 50 лет в 1971–1973 гг. серию курганов скифского времени в Узунтале исследовал под руко-

водством автора Алтайский палеоэтнографический отряд ЛГУ. Материалы этих раскопок, за исключением двух курганов позднескифского времени, остаются практически не опубликованными. За прошедшее десятилетие трудами многих исследователей достигнуты значительные результаты по изучению памятников скифской эпохи Горного Алтая (В.Д.Кубарев, В.А.Могильников, А.С.Суразаков, А.П.Погожева и др.), однако материалы узунтальских курганов не только не потеряли своего значения, но и продолжают оставаться одними из наиболее ярких в ряду других погребений ранних кочевников Горного Алтая.

Скифские курганы Узунтала представляли собой каменные насыпи диаметром до IО-II м и высотой до 0,7-0,8 м, расположенные цепочками, преимущественно в направлении С-Ю. От некоторых из них в восточном направлении отходили ряды камней-балбалов. По обряду погребения раскопанные курганы (всего IО) четко делятся на два типа: I) коллективные (преимущественно парные) погребения в вытянуто-прямоугольных срубках с сопроводительными захоронениями коней (от I до 4) с северной стороны и положением погребенных на правом боку головой на ЮВ; ориентировка срубов -- углами по сторонам света; 2) коллективные (до 5 человек) погребения в квадратных срубках без сопроводительного захоронения коней и положением погребенных головой на ЮЗ; ориентировка срубов -- сторонами по сторонам света (2 кургана). Из деталей погребального обряда следует отметить случаи искусственной мумификации и отверстия для трепанации в черепах погребенных в курганах первого типа; использование камней подушек в курганах второго типа; в парных захоронениях -- обычай укладывания погребенных в юго-западной половине сруба.

Сопроводительный инвентарь, найденный в узунтальских курганах, многочисленен и разнообразен -- бронзовые медалевидные зеркала (некоторые в кожаных чехлах); серия проушных чеканов с деревянными рукоятками; бронзовые кинжалы с крыловидными перекрестиями и прорезной рукояткой в деревянных односторонних ножнах, украшенных резным орнаментом и зооморфными изображениями; бронзовые кольчатые удила с деревянными псалиями, завершающимися головками птичьих грифонов; петельчатые ножи; костяные подпругные пряжки; крупные кожаные изображения рыб; многочисленные фрагменты золотой фольги -- обкладки деревянных украшений с растительными, геометрическими и зооморфными мотивами; деревянные фигурные срубные украшения; остатки шерстяной и кожаной одежды, керамика и т.д. Многие из этих предметов имеют аналогии в материалах больших (Пазырык, Туэкта) и

малых (Уландрык) алтайских курганов. В соответствии с хронологией, разработанной С.И.Руденко и М.П.Грязновым и уточненной в настоящее время данными радиоуглеродного и дендрохронологического анализа (Л.С.Марсадалов), они могут быть датированы V—IV вв. до н.э.

Различия в обряде погребения узунтальских курганов объясняются не хронологическими, а, скорее всего, этническими причинами. Уже отмечалось, что те же два типа погребений, но в обратной пропорции, встречаются в соседних районах Юго-Западной Тувы: из всей серии раскопанных здесь курганов саглынской культуры известно только одно погребение с конем узунтальского типа (А.Д.Грач). Разные по обряду погребения памятники пазырыкского времени с тувинской и алтайской стороны, как уже отмечалось в литературе, оставлены близкими в культурном, но различными в этническом отношении группами населения, граница между которыми не служила препятствием для этнокультурных связей и взаимного проникновения иноплеменников. Прделанный нами в 1971 г. пеший маршрут в этом месте хребта Чичачева показал, что памятники скифского времени Юго-Восточного Алтая и Юго-Западной Тувы разделяет только небольшой, легко проходимый участок протяженностью около 20—30 км.

Значительно больше общего между Узунтальскими курганами первого типа и южно-алтайскими курганами, расположенными южнее Катунского и Кюно-Чуйского хребтов (Аргут, Коксу), а также территориально близкими памятниками Восточного Казахстана (Катонский могильник), исследованными С.С.Сорокиным. Близкие формы погребального обряда (восточная ориентировка и преимущественное положение погребенных на правом боку, продолговатая форма погребальных камер, конь на приступке с северной стороны) и предметов сопроводительного инвентаря (медальонные зеркала, петельчатые ножи, кинжалы с прорезной рукояткой) говорят о сложении здесь определенной этнокультурной общности, которую больше всего оснований отождествлять с племенем, как союзом родственных родов, но не союзом племен, как объединением этнографических групп различного происхождения.

Все названные признаки, особенно по линии основных данных погребального обряда (восточная ориентировка, положение коней за северной стенкой сруба, искусственная мумификация и трепанация черепов погребенных) характерны и для больших курганов пазырыкского типа, только там из-за масштабности сооружений они имеют иную социальную окраску. Расположенные рядом малые пазырыкские курганы, в частности курган 6, аналогичны узунтальским погребениям. Поэтому можно предполагать, что именно в рамках этнокультурной общности, которая

может быть названа южно-алтайской, охватывавшей и соседние районы Восточного Казахстана, образовалась та родоплеменная верхушка, представители которой похоронены севернее по Катунь (Туэкта и Башадар) и в Улагане (Пазырык).

Балонов Ф.Р.

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ПАЗЫРЫКСКОМ ВОРСОВОМ КОВРЕ

1. Представляемый доклад впервые был прочитан на X научной сессии "Проблемы отечественной и всеобщей истории" на историческом факультете ЛГУ 13 апреля 1981 г., повторно — на заседании Отдела культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа в мае того же года. В более широком контексте (в связи с повозками, погребальными ритуалами, жертвоприношением и молитвенными формулами) тема смысловой структуры изображений на рассматриваемом в докладе ковре была освещена автором в январе 1985 г. на конференции "Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд". (Москва, Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР).

2. В основу доклада положены многочисленные публикации ковра и других пазырыкских материалов в трудах С.И. Руденко и проведенное автором исследование ковра в экспозиции Гос. Эрмитажа. Исходным принципом является рассмотрение изображений на данном ковре как структурированной системы через призму математической теории симметрии. Дополняющими, но равноправными, являются принципы семиотики и искусствоведения. В качестве типологических параллелей приводятся данные этнологии, лингвистики, культурологии, сравнительной мифологии, письменных источников, фольклористики. Ученым обстоятельством местонахождения ковра в погребении — "археологический контекст".

3. Исследователи, занимавшиеся ковром, рассматривали изображения на нем как элементы чисто орнаментальной композиции, пригодной для помещения на любую вещь независимо от предназначения данной вещи, от вещественно-ритуального контекста, в котором вещь исполняла функции, присущие только ей. Однако, для орнамента (в строгом смысле слова), необходимо в ряду других условий, использование групп симметрии для создания эффектов движения, связанных с временем и пространством (Берсенева, Яглом, 1974). Система же размещения изображений на пазырыкском ковре только по видимости носит симметрический характер. На самом деле здесь наблюдаются многочисленные отступления от симметрии. Согласно же теории симметрии, "асимметрия эффек-

та говорит об отклонении от периодичности причины" (Сенешаль, Флек, 1980). Такой "периодичной причиной" для ковра было бы логичным считать задачу создания сугубо орнаментальной композиции с симметрией любой из 17 теоретически возможных групп плоских орнаментов ("Федоровских групп"), тем более, что "образцы всех 17 групп симметрии обнаружены среди декоративных узоров древности" (Вейль, 1968). Особенно показательны в отношении асимметрии II, III, IV пояса ковра (считая от его краев к центру) и его центральное поле. Так как появление любой 18-й и т.д. группы симметрии исключается даже теоретически, остается признать, что эти изображения обладают сложной семантикой, являются неким закодированным сообщением, имплицитным кодом.

4. Декодировка этого сообщения может быть успешно осуществлена лишь с учетом особенностей характера общества, от которого дошло данное сообщение, плана содержания изображений (ПС), семантики контекста, в котором обнаружен ковер (КК) и синтактики изображений (СИ), т.е. отношения изображений (знаков) друг к другу.

5. КК. Первоначальный "контекст" был нарушен грабителями и требует реконструкции. Одной из последних вещей, положенных при погребении в могилу был ворсовый ковер. Он лежал на трупах двух из четырех упряжных лошадей рядом с колесом повозки.

6. ПС. Пять поясов с изображениями: (I) грифоны, (II) всадники на конях и коневоды, ведущие лошадей под уздцы, (III) цветки и чашелистики, (IV) олени, (V) грифоны и (VI) центральное поле с изображениями, близкими помещенным в поясе III. В одном из углов ковра в поясах I и II помещено по две розетки-разделителя. Доказывается, что они играли роль "отправных точек". Ту же роль играет барьер в одном из углов пояса III. Изображения в поясах II, III, IV чередуются и дифференцируются несимметрично и непериодично. "Нарушения" такого рода есть и в центральном поле. Изображения отличаются многими чертами, сложно чередуются форма и цвет, например цвет обуви всадников и коневодов, количество отростков рогов оленей и проч.

7. Сопоставление ПС и КК обнаруживает общие элементы и различия. Явна связь ковра с культом коня и колесницы. Об этом говорят изображения на ковре, общность древней терминологии для обозначения ковроткачества и изготовления повозок и конского снаряжения. Вся представленная в докладе аргументация подводит к необходимости признать ковер покрывкой погребальной колесницы (Балонов, 1985).

8. С.И. Важнее других СИ пояса II. Здесь ритмика изображений

настолько разнообразна, что заставляет подозревать неслучайность и связь с другими жанрами и формами искусства, "мусическими" и "техническими" (М.С.Каган), наследие синкретизма первобытного искусства. При сопоставлении этих черт выявляется синхронизация ритуальных действий и действий изобразительных (или следующих готовым изображениям), совпадение ритмики и метрики ритуала-действия, мелодекламации и сопровождающей ее мелодии, совпадение начала и конца ритуала с началом и концом мелодекламации и "иллюстрированием" их содержания. Особенно показательна в этом аспекте терминология ведийских сочинений (Топоров, 1974), в которых продолжные нити плетеного изделия называются ричами (гимнами) и саманами (обрядовыми песнопениями), а поперечные – яджусами (магическими изречениями и молитвами, произносимыми жрецами во время песнопений). В свете этого особый характер приобретает то, что метрика композиции изображений на ковре напоминает метрику поэтических форм. Метрика же и ритм отражают пространственные и временные характеристики поэтических и музыкальных произведений, часто – произведений изобразительного искусства, не говоря уж об архитектуре, театре и т.п. Для сравнения: система изображений на персидских коврах, весь узор в целом называется *земān* /'время'/, а основа, фон, на котором изображения расположены – *земīn* /'пространство'/. Таким образом, единство пространства и времени создает модель мироздания.

9. Огромную нагрузку несут здесь и числовые соответствия, особым образом моделирующие год и его составные части, семантически равнозначные 'мировому дереву', 'вселенной', микро- и макрокосму. Создатели таких взаимосопоставляемых моделей, как доказано, руководствовались тем же принципом, что и пифагорейцы: "Числа правят миром."

10. Символика цвета, скорее всего, отражает здесь четырехчастную социальную структуру общества, а через нее – четырехчастность мира, пространства и времени в целом, в их многообразных проявлениях.

Киреев С.М.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Рядом исследователей отмечается слабая изученность памятников второй половины I тыс. до н.э. северо-западной части предгорий Алтая, в первую очередь поселений, хотя здесь и исследованы частично или полностью также поселения как Майма-П, городище Иша, пещера Иульчак, поселение на р.Улалушка, а также поселения Усть-Куба и Кара-Тенеш на средней Катунь. Известны могильники Сростки П, Быстрьянский, Алферовский и отдельные погребения в различных пунктах. Многие из этих материалов опубликованы лишь частично или совсем не опубликованы (Майма-П, Иша, Усть-Куба, Улалушка).

В последние годы в предгорьях Алтая стали известны новые поселения эпохи раннего железа, с которых получены вещественные и керамические серии. Это поселения Майма-І, Кызыл-Озек-П, Бочкаревка в Майминском районе Горно-Алтайской а.о. Получены дополнительные материалы с поселений Майма-П и Улалушка.

Самый обширный комплекс, насчитывающий около 1500 единиц, не считая остеологического материала, происходит с поселения Майма-І. Сосуды имели, в основном, плоскодонно-баночную форму открытого и закрытого типов, встречаются кувшины со слабо профилированной шейкой. Найден чашевидный сосуд, почти аналогичный березовскому с Ближних Елбан (Грязнов, 1956) и миниатюрный толстостенный сосудик. Ряд сосудов под венчиком имели дырочки для подвешивания. Венчики имеют округлую, несколько уплощенную форму или же скошены во внутрь. Орнаментация - ряды жемчужки и вдавлений под венчиком и на шейке, прочерченная елочка, жемчужки и треугольные вдавления между ними. Подобная традиция украшения и формы сосудов свойственны керамике бийского и березовского этапов большебереченской культуры.

На поселении встречены многочисленные обломки зернотерок, курантов, пест со следами работы, тесловидное орудие, обломки литейного сопла и бронзолитейные шлаки.

Основной материал поселения Майма-П, содержащий керамику, обломки литейных форм, пряслица, казлы бронзы, не опубликован и хранится в Бийском музее (колл.І47). Б.И.Лапшиным и Б.Х.Кадиковым поселение датировано бийским этапом (1981). А.С.Суразаковым опубликована небольшая часть керамики с поселения (1982), дополнительные сборы проведены автором. Керамика орнаментирована круглыми и овальными вдавлениями, а также сочетаниями жемчужин, треугольников и

вдавлений.

На поселении Кызыл-Озек-II, имевшем, очевидно, сезонный характер, собраны обломки зернотерок, курант, глиняное пряслице и фрагменты керамики от сосудов баночной формы, орнаментированных в один или два ряда круглыми вдавлениями, расположенными под венчиком, жемчужинами, ногтевыми вдавлениями. Ряд венчиков, косо срезанных во внутрь, имеет насечки.

Недалеко от поселения Кызыл-Озек-II найдена каменная курильница.

На поселении Бочкаревка подняты обломок пряслица и фрагменты керамики, украшенные вдавлениями круглой, подтреугольной и запятообразной формы и жемчужинами, принадлежащие сосудам баночной формы.

На поселении по р.Улалушке найдена керамика таких же баночных форм и сосуды со слабо выраженной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Орнаментация - круглые и подтреугольные вдавления, ряд прочерченных линий. На поселении встречены обломки зернотерок и глиняное пряслице.

По всем признакам керамический комплекс поселений Кызыл-Озек-II, Бочкаревка и Улалушка также датируется бийским и березовским этапами большереченской культуры.

Таким образом, все указанные памятники укладываются в хронологические рамки V-I вв. до н.э.; именно в это время наблюдается "проникновение по долинам рек большереченского населения" (Могильников, 1980). Возможно, это связано с отмеченной значительной подвижностью населения степей и лесостепей в III в. до н.э. (Мартынов, 1980).

Не исключено, что движение в предгорьях Алтая большереченских племен было связано с давлением на них носителей культур Восточного Казахстана и Южного Приуралья (Завитухина, 1966; Могильников, Уманский, 1981), начавшегося, по мнению А.П.Уманского, в конце IV-начале III вв. до н.э. (1981), а Г.Е.Иванова и Э.М.Медниковой не позднее VI-V вв. до н.э. (1982), и с движением тагарцев с востока (Мартынов, 1979). Тагарские элементы фиксируются на керамике поселения Майма-I.

Несомненно, что продвигавшееся на юг большереченское население должно было активно контактировать с пазырыкским, использовавшим районы предгорий с глубоким зимним снежным покровом в качестве временных летних выпасов.

В свою очередь с V-III вв. до н.э. наблюдается проникновение пазырыкцев в предгорные районы (Руденко, 1960; Могильников, 1980), которое отмечено появлением здесь погребений с конем, небольшим количеством керамики с налепными валиками. "Под влиянием скотоводов возрастает роль скотоводства у населения большереченской культуры

(Могильников, Уманский, 1981). Поселение Майма-1 дало значительный остеологический материал, принадлежащий в основном домашним животным: корове, лошади, овце. Присутствие в могильнике Алферово и на поселении Майма-1 сосудов с дырочками для подвешивания под венчиком, появившихся на березовском этапе, связывается с развитием отгонного скотоводства. В могильнике Алферово, наряду с типично пазырыкским обрядом труположения с ориентацией на восток, на правом боку с подогнутыми ногами и пазырыкскими бронзовыми зеркалами, находилась керамика большебереченского облика (Суразаков, 1982).

По вопросу о культурной принадлежности памятников предгорий второй половины I тыс. до н.э. у исследователей нет единого мнения. Т.Н.Троицкая отрицает их принадлежность к большебереченской культуре и относит к "пазырыкско-шибинскому кругу памятников" (1985). В.А.Могильников (1983) и А.С.Суразаков (1983) включают данный район в территорию выделяемой ими кара-кобинской культуры (группы).

Очевидно, обстановка второй половины I тыс. до н.э. характеризовалась или мирным соседством на одной территории пазырыцев и большебереченцев со взаимными тесными контактами, или же сложением в предгорьях своеобразной группы населения, включавшей в себя черты большебереченской и пазырыкской культур, с преимуществом традиций одной или другой в различных сферах хозяйственной и духовной деятельности и испытавшей значительное западное влияние.

Дальнейшее исследование поселений этой зоны позволит более ясно зафиксировать пути движения большебереченских племен, более точно установить время их появления в этих районах, проследить их контакты с другими группами населения.

Молодин В.И.

К ИЗУЧЕНИЮ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРНОГО АЛТАЯ

1. Скифская эпоха на территории Горного Алтая исследована на сегодняшний день, пожалуй, наилучшим образом. Важнейший вклад в ее изучение несомненно внес Сергей Иванович Руденко, которому принадлежит честь раскопок Пазырыкского и Батадарского курганных могильников. Материалы этих памятников играют важнейшую роль в изучении скифской эпохи не только Горного Алтая, но и всего Евразийского континента.

2. Важные результаты в деле изучения культур эпохи раннего железа получены за последнее десятилетие благодаря исследованиям

"рядовых" могильников этого времени, проведенным В.Д.Кубаревым, В.А.Могильниковым, Д.Г.Савиновым, А.С.Суразаковым и другими специалистами.

3. Наиболее слабым местом в изучении скифской эпохи Горного Алтая являются исследования поселенческих комплексов. Вместе с тем, совершенно очевидно, что без должного изучения поселений невозможно представить себе уровень развития палеоэкономики, вопросы домостроительства и т.д. Изучение поселенческих комплексов может способствовать выявлению локальных археологических культур скифского времени, которые несомненно существовали в различных экологических зонах Горного Алтая.

4. Западно-сибирский отряд Северо-азиатской комплексной экспедиции ИИГиФ СО АН СССР в результате разведочных работ выявил несколько поселений эпохи раннего железа. К их числу принадлежат такие памятники как Мунушка-1, расположенный в долине р.Мунушка, в 3 км вверх по течению от места впадения ее в р.Катунь; поселение Идрала-4, расположенное на правом берегу р.Идрала в 2 км от места впадения ее в р.Катунь.

Особенно перспективным для дальнейших исследований является поселение Муны-1, расположенное в долине р.Муны, в 2 км вверх по течению от с.Усть-Муны на Чуйском тракте. Поселение расположено на правом берегу, в своеобразном чашевидном расширении, в которое превращается до этого предельно узкая долина р.Муны. Культурный слой памятника, местами нарушенный промывами, достигает мощности 60-80 см. Собран довольно значительный комплекс керамики, позволяющий датировать памятник эпохой раннего железа.

5. Из других поселений, которые исследовались в Горном Алтае, следует отметить памятники Кара-Тенеш (Погожева,Кадиков,1979; Погожева,Молодин,1980) и Лебедь-1 (Лапшин,Молодин,Петрин,1982), где наряду с находками других эпох были обнаружены материалы скифского времени.

6. Особый интерес представляют находки материалов рассматриваемой эпохи в пещерах Горного Алтая. Изучение вертикальных пещер - святилищ, какой к примеру является хорошо известная Айдашинская пещера, ярко свидетельствует об особом отношении племен скифского времени к пещере. Причем, как выяснилось на примере Айдашинской пещеры, очевидно, что подобное отношение к пещере свойственно как для лесостепного, так и для таежного круга культур эпохи раннего железа (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с.84-94).

В горизонтальных пещерах Горного Алтая, где проведены стацио-

нарные раскопки голоценовых культурных отложений, обнаружены мощные напластования рассматриваемой эпохи. Это пещеры Иульчак (Барышников, Кирюшин, Малолетко, 1980), Денисова (Деревянко, Васильевский, Молодин, Маркин, 1985), Каминная. Важно отметить, что в Денисовой пещере удалось зафиксировать не только земляные сооружения скифского времени, но и динамику напластований культурных слоев этой эпохи, наиболее ранние из которых могут относиться к майамирскому времени.

В сводке В.К.Вистингаузена отмечается, что отдельные находки эпохи раннего железа известны из Алтайских пещер Водяная, Небо, Страшная, Пролетарская, Большая Талдинская, Кротовская (Вистингаузен, 1982).

7. Изучение пещерных отложений скифского времени имеет чрезвычайно важное значение в плане определения внутренней стратиграфии поселенческих памятников скифского времени Горного Алтая.

8. Небольшой опыт поисков археологических памятников (прежде всего поселений различных эпох) в районе правобережья р.Катунь в зоне Манжерок – Усть-Сема (Молодин, Петрин, 1985) свидетельствует, что поиски поселенческих памятников эпохи раннего железного века следует вести не вдоль магистральной водной артерии, а по небольшим притокам, речушкам и ручейкам, долины которых были чрезвычайно удобны и благоприятны для устройства стационарных поселений.

Шульга П.И.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ СКОТОВОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ В VI–II ВВ. ДО Н.Э.

Археологические исследования в 1960–80 гг. показали, что ранний железный век в Горном Алтае представлен несколькими группами памятников. Наиболее многочисленную и хорошо изученную группу памятников составляют погребения VI–II вв. до н.э., в значительной степени отличающиеся от более ранних. В археологической литературе не существует общепринятого определения памятников VI–II вв. до н.э. В последнее время все большее распространение получает понятие "пазырыкская археологическая культура", но хронологические рамки и содержание этого понятия конкретно не рассматривались.

В 1983 г. из круга памятников VI–II вв. до н.э. была выделена новая кара-кобинская культура, занимавшая территории Восточного Казахстана, западную часть Горного Алтая и его предгорья и граничащая "с племенами каменной культуры" (Суразаков, 1983; Могильников, 1983, 1985). Выделение культуры сделано на основании неко-

торых черт в погребальном обряде и имеющейся, по мнению авторов, территориальной обособленности памятников кара-кобинского типа от известных ранее пазырыкских. Указанные положения, на наш взгляд, являются спорными.

Во-первых, в Горном Алтае известны не только погребения в каменных ящиках или в срубках с конскими подхоронениями. Значительное количество погребений в срубках, в том числе и погребения воинов, не имеют конских захоронений. Встречаются погребения людей с лошадьми, совершенные не в срубках и не в каменных ящиках. Многие погребения имеют смешанный характер: иногда каменные ящики сопровождалась подхоронениями лошадей или покрывались лиственничной корой, при сооружении срубков широко применялся камень. Количество вариантов погребального обряда пазырыкцев еще более увеличится, если учитывать влияние населения предгорий Алтая, Казахстана и Тувы, прослеживаемое в керамике и погребальном обряде на северо-западе и юго-востоке Горного Алтая. Все эти захоронения имеют между собой много общего.

М.П.Грязнов отмечал, что конкретная культура характеризуется комплексом признаков, присущих лишь ей одной (Грязнов, 1969). Для погребений VI—II вв. до н.э. можно выделить следующий комплекс признаков: 1) расположение курганов цепочками; 2) установка балбалов; 3) наличие каменной насыпи с кольцевой конструкцией; 4) под насыпью находится лишь одна могила, ориентированная, как правило, в широтном направлении; 5) умерший и часто подхороняемая с ним лошадь укладывались головой на восток (Киселев, 1951); 6) погребенный находится либо в срубке, либо в каменном ящике, либо обложен камнями или тонкими жердями; 7) в могилу помещался определенный набор инвентаря.

Сопоставление характерных черт погребального обряда и сопроводительного инвентаря показывает, что смежным культурам степного Алтая, Казахстана, Монголии, Тувы и тагарской культуре присущи только отдельные черты из комплекса, характерного для пазырыкской культуры Горного Алтая. В настоящее время нет материалов, позволяющих утверждать, что предгорья и степи Алтая до границ обитания "племен каменной культуры" занимало население, оставившее после себя погребения кара-кобинского типа. Все типы погребений довольно равномерно распределены по различным районам Горного Алтая. Памятники "кара-кобинского" типа найдены в пределах современных Шебалинского, Онгудайского, Усть-Канского и Кош-Агачского районов Горно-Алтайской автономной области. В этих же районах имеются памятники

пазырыкского типа.

Во-вторых, пазырыкская культура была культурой скотоводческой (Грязнов, 1956; Руденко, 1960), оставившей после себя подкурганные захоронения. Природно-климатические условия Горного Алтая определили тип хозяйства, видовой состав стада, территорию расселения скотоводов и сезонность перекочевков, носящих вертикальный характер. Горный Алтай является высокогорной страной, в которой занятие земледелием возможно на сравнительно ограниченной территории. Население было вынуждено искать средства к существованию в охоте и скотоводстве.

Границы расселения пазырыкцев, определенные на основании анализа археологического материала и природно-климатических условий, почти полностью совпадают с территорией распространения курганных погребений в Горном Алтае и распределением поселений раннего железного века.

Картографирование оградок эпохи неолита, курганов раннего железного века и тюркского времени показало, что почти все они расположены в границах территории, где в зимнее время выпадает небольшое количество снега, и скот мог добывать себе корм. Скотоводческие районы отделены от алтайских степей поясом предгорий и северного низкогорья (Чарышский, Солонешенский, Алтайский районы Алтайского края, Майминский, Чойский и Турочакский районы Горно-Алтайской автономной области), где зимний выпас скота затруднен или совсем невозможен. В этом поясе шириной 60-100 км курганы скотоводов встречаются в незначительном количестве. Горные хребты и тайга, ограничивающие территорию Горно-Алтайской автономной области с северо-востока, востока и юго-востока, обусловили компактное расселение скотоводов на этой территории в раннем железном веке. По условиям выпаса скота и имеющейся кормовой базе Горный Алтай не уступает или даже превосходит смежные территории, в частности, степной Алтай. Это способствовало стабильности проживавшего здесь населения. Вполне закономерно, что погребения пазырыкской культуры не найдены в Хакасской автономной области, Кемеровской области и даже в степях Алтайского края. За этой границей племена пазырыкцев длительное время обитали лишь на территории Восточного Казахстана вплоть до Калбинского и Нарымского хребтов (Черников, 1975), где ландшафт и природно-климатические условия близки Горно-Алтайской автономной области.

Экологическая среда не только обусловила скотоводческий тип хозяйства населения Горного Алтая в древности, но и жестко ограни-

чивала расселение древних скотоводов.

Итак, в Горном Алтае, на строго определенной территории, в одно и то же время (VI–II вв. до н.э.) попеременно обитали группы скотоводов, оставившие после себя погребения, характеризующиеся высокой степенью сходства погребального обряда и инвентаря. Имеются все основания говорить о единой пазырыкской культуре в скотоводческой зоне Горного Алтая, включающей в себя несколько типов погребений.

Суразаков А.С.

K СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БАШАДАРСКОМ САРКОФАГЕ ^I

I. Как известно, в 1950 г. в процессе раскопок С.И. Руденко второго Башадарского кургана был обнаружен деревянный саркофаг-колода, содержащий, судя по сложности и грандиозности погребального сооружения, захоронение представителя родо-племенной знати. На крышке и одном из бортов колоды вырезаны изображения тигров и попираемых ими животных. Цепь изображений и на крышке саркофага, и на его борте в смысловом отношении представляется единой. Последовательность их следующая. Вся цепочка образов начинается с крышки и направлена справа налево. В верхней ее части изображено четыре шестюглых друг за другом тигра. Под лапами хищников воспроизведены фигуры лосихи с вывернутой задней частью тулова, бегущего барана, припавшей на задние ноги лосихи, стоящего кабана, лежащего барана, оцетинившегося кабана, вновь лежащего барана. Заняв все пространство крышки, цепочка образов как бы заворачивает на борт колоды и продолжается здесь уже в другом направлении – слева направо. В данном месте также изображены четыре шестюглых друг за другом тигра. Однако в нижнем ряду воспроизведен образ лишь одного животного – лосихи с вывернутой задней частью тулова, которая находится под передними лапами самой левой фигуры в цепочке хищ-

¹Редколлегия настоящего сборника считает необходимым указать на то, что существует другая точка зрения на расшифровку семантики изображения с башадарского саркофага: Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана. – АСТЭ, вып.25, с.83–89

ников. Пространство под остальными тремя тиграми не заполнено (Руденко, 1960).

В данной публикации автор в тезисной форме делает попытку расширить башадарскую композицию, увязывая ее смысловую нагрузку с воспроизведением на саркофаге-колоде батальных сцен, в которых участвовал при жизни погребенный в нем военный предводитель.

2. Следует исходить из того, что башадарская колода изготовлена специально для погребения, стало быть, изображения на ней должны нести смысл, непосредственно связанный с погребенным здесь человеком. Во втором Башадарском кургане захоронен мужчина, занимавший высокое положение в социальной иерархии пазырышцев. Наряду с другими одной из основных функций представителей родо-племенной знати указанных племен была, несомненно, военная, о чем свидетельствуют, в частности, находки вооружения в больших пазырыкских курганах. К тому же это были не рядовые воины, а предводители, занимавшие в войске положение, соответствующее своему социальному рангу. Если мы предположим, что во втором Башадарском кургане погребен широко известный в свое время военный предводитель, а на поверхности саркофага в своеобразной звериной форме воспроизведены батальные сцены, в которых он участвовал при жизни, то смысл всей композиции предстанет перед нами вполне понятным и законченным.

3. Изображение батальных сцен в звериных образах представляется вполне возможным. Судя по изобразительному искусству пазырышцев, удельный вес антропоморфных изображений в нем очень мал. Все свои представления об основных явлениях окружающего мира, как настоящего, так и воображаемого, мифологического, они стремились передать через звериные образы, что могло отразиться и в передаче событий, имевших место в реальной жизни. В фигурах тигров, попирающих расположенных в нижнем ряду животных, древний художник, скорее всего, стремился передать образ последовательно выступавшего в различных прижизненных военных ситуациях военачальника. Образ тигра, видимо, в данном случае означает -- победитель. Подтверждается это эстетическим идеалом евразийских кочевников, когда в сценах противоборства или терзания различных животных побеждает всегда сильное существо, часто кошачий хищник. Названия кошачьих хищников (лев, тигр, барс) часто входили в состав имени более поздних воинов-кочевников, что могло быть отголоском более раннего времени, когда их и изображали в этом облике.

В поштраемых тиграми животных можно видеть тотемические образы побежденных башадарским военачальником в свое время родо-

племенных групп. Автор, конечно, далек от мысли возрождать теорию тотемической основы искусства "звериного стиля" вообще, поскольку оно представляет собой явление, порожденное уже другой стадией идеологического развития. В то же время, широко известно насколько сильны тотемические пережитки в такой области человеческих представлений, как генеалогия различных родо-племенных групп. Пережитки эти дошли до этнографической давности и тем более были сильны в эпоху раннего железа.

4. Итак, если предположение о том, что на башадарской колоде воспроизведены батальные сцены, в которых участвовал при жизни погребенный здесь военачальник верно, то смысл изображений можно прочесть следующим образом (начиная с крышки, откуда начинается вся изобразительная цепь). В начале своей воинской деятельности башадарский военачальник разгромил (вывернутая задняя часть тулова) родо-племенную группу, тотемическим предком которой считалась лосиха, затем прогнал от границ своей территории группу барана (убегает), подчинил вновь было отложившуюся родо-племенную группу лосихи (поставлена на согнутые задние ноги), усмирил род кабана (стоит потушенно), подчинил прогнанный ранее род барана (поставлен на колени), сразился с ранее усмирённым, но теперь взбунтовавшимся родом кабана (стоит ошетилившись), вновь подчинил ставший выходить из повиновения род барана (поставлен на колени), разгромил ранее подчиненный, но теперь вновь выступивший против род лосихи (с вывернутой задней частью тулова). На этом деяния военачальника закончились, и место в нижнем ряду под остальными тремя фигурами тигров изображениями побежденных животных не заполнено.

Однако это не единственный вариант прочтения. При внимательном анализе изображенных на колоде сцен сразу же бросается в глаза то, что под каждой отдельно взятой фигурой олицетворяющего военачальника тигра воспроизведено различное количество попираемых им животных — тотемических предков. В двух случаях под фигурой хищника изображено по одному животному, в трех — по два. В данном случае можно поставить вопрос о коалициях родо-племенных групп, выступавших в разное время против башадарского военачальника, а само прочтение башадарской идеограммы зазвучит следующим образом.

В первое свое сражение он разгромил род лосихи (одно изображение под передними лапами). Второе сражение произошло с объединенными силами родов барана и лосихи. Первый из них был прогнан с поля боя (убегает под задними лапами), второй подчинен (с подогну-

тими ногами под передними лапами). Третий раз башадарский военачальник сразился с объединенными силами родов кабана и барана. Первый из них был усмирен (стоит потуленно под задними лапами), второй подчинен (поставлен на колени под передними лапами). В четвертый раз военачальник вступил в бой с объединенными силами вновь выступившей против него предыдущей коалиции — с объединенным войском родов кабана и барана. Наиболее упорно сражались воины из рода кабана (стоит оцетинившись под задними лапами). Вновь был подчинен род барана (стоит на коленях под передними лапами). Пятое сражение произошло с родом лосихи, который был разгромлен (одно изображение с вывернутой задней частью тулова под передними лапами).

Итак, если следовать этому варианту прочтения башадарской идеограммы, то против погребенного в колоде военачальника в процессе его жизни выступали силы трех родов — лосихи, барана и кабана, причем род лосихи выступал против военачальника два раза самостоятельно и один раз в коалиции с родом барана, род барана — один раз совместно с родом лосихи и два раза с родом кабана, род кабана — оба раза с родом барана.

Как видим, в башадарском саркофаге в свое время был погребен знаменитый по тем временам военачальник. Популярность его была настолько велика, что основные выигранные им сражения были зафиксированы на сооруженной для погребения колоде.

Членова Н.Л.

АЛТАЙСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ И ОРНАМЕНТ

Горно-алтайские экспедиции С.И.Руденко, его сотрудников и последователей открыли совершенно новый мир пазырыкского искусства, представлений предметами из непрочных материалов (дерева, кожи, тканей, войлока), которые, как правило, не сохраняются и не доходят до нас. В настоящем докладе будут рассмотрены некоторые вопросы, связанные с алтайским звериным стилем.

При изучении евразийского звериного стиля, в частности, звериного стиля Минусинской котловины тагарской эпохи, мною был сделан вывод, что там существовало два стиля: минусинский и алтайский (названный так по наиболее выразительным находкам, представленным в Горном Алтае), причем тенденции их развития различны: минусинский стиль, развиваясь и вырождаясь, геометризуется, алтайский же — превращается в криволинейный орнамент. Эта тенденция

развития алтайского стиля и превращения его в орнамент может быть хорошо прослежена и объяснена на примере предметов, происходящих из самого Горного Алтая.

Алтайский звериный стиль мало представлен круглой скульптурой, в основном он представлен рельефом и плоскими изображениями из дерева, кожи, войлока, бересты и других материалов, что объясняется назначением предметов: они прежде всего связаны с конским убором.

Как показано историками искусства (А.Д.Столяр), развитие искусства в историческом плане проходит стадии – от скульптуры к рельефу, от рельефа – к плоскостному изображению. Этот же путь повторяло развитие искусства, во всяком случае, многих конкретных культур в весьма сжатые сроки. Путь этот хорошо виден на примере искусства Горного Алтая пазырыкской эпохи. Первый пример: рельефная голова барана в профиль, при этом рог положен поверх головы и заходит на морду, кольца на роге выполнены в рельефе. Превращался в плоскостное изображение, выполненное в мягком материале (войлок), этот же сюжет преобразуется таким образом, что рог должен быть в одной плоскости с головой и мордой, а именно рог образует как бы рамку вокруг головы, а кольца на роге изображены чередующимися цветными полосками. И, наконец, следующая стадия – та же головка, вырезанная из кожи, где внешний край рога украшен спиральями ("турьими рогами" по С.И.Руденко), – головка приобретает полуорнаментальный вид. Все три стадии развития этого мотива – от рельефа к плоскостному изображению и от реалистического, лишь слегка стилизованного изображения к полуорнаментальному – проходят в самый короткий срок, не улавливаемый археологическими методами: все эти изображения происходят из одного и того же кургана (Пазырык, курган I).

На втором примере – головка кошачьего хищника – можно проследить более сложные и разветвленные пути развития. Первой стадией здесь можно считать скульптурные деревянные головки, слегка стилизованные, в частности, в ушах изображены завитки (Пазырык, курган 5). Вторая стадия – плоский рельеф, изображающий ту же голову в фас; она уже полуорнаментальна: завитки в ушах, нос в виде сердцевидной фигуры, по бокам морды – спирали ("турьи рога"), лишь глаза сохраняют реалистический вид (Пазырык, курган 3). Третья стадия – морда хищника в фас полностью превратилась в орнамент (Пазырык, курган 3). Но это только первая из линий развития. Вторая линия: головка, переходя из скульптуры в рельеф, изображается

не в фас, а в профиль. Промежуточной стадией можно считать уже упомянутое полуорнаментальное изображение из Пазырыка, к. 3, которое можно рассматривать не как морду одного хищника в фас, а как две морды в профиль, так, что они касаются друг друга лбами и носами. Есть и одинарные рельефные изображения головы хищника в профиль (Пазырык, курган 5). Последующие стадии — профильные головки кошачьего хищника из кожи, где затылок обрамлен орнаментальными спиралями (Пазырык, курган 1).

В растительный орнамент превращались и изображения птиц. С.И. Руденко хорошо проследил, как вполне реалистические головки и фигурки петухов превращаются в орнамент: в запятую с прорезным гребнем или гребневидную рамку, окаймляющую довольно реалистическую баранью головку; вся эта трансформация видна на изображениях, происходящих из одного и того же кургана (Пазырык, курган 2), т.е. происходила в очень короткий срок.

Подобным же образом развивается и головка хищной птицы. Простейшие, реалистические рельефные головки хищной птицы в профиль, с глазом и клювом, каких много в архаическом скифском искусстве, в Средней Азии и тагарской культуре VII-VI вв. до н.э., на Алтае крайне редки (Бухтарма). Чаще всего простейшие алтайские головки хищной птицы уже несколько стилизованы, они имеют вид запятой (Маймыр, Туэкта, Башадар). Дальнейшее развитие идет по нескольким линиям. Первая из них: клюв удлиняется, а на месте головки с глазом остается завиток; такие головки комбинируются попарно и между ними вставляются кафельные фигурки; композиция в целом приобретает вид растительного орнамента (Туэкта). Вторая линия развития — головка становится прорезной, внутри ее появляется прорезная запятая на месте глаза (Башадар, Пазырык) или несколько прорезей (Башадар, курган 2; Пазырык, курган 2), а очертания самой головки усложняются, по краю ее вырезаются полукруглые фестоны (Башадар, Туэкта); такие головки могут комбинироваться по четыре (Туэкта); наконец, они теряют клюв и окончательно превращаются в растительный орнамент (Туэкта, курган 1).

В евразийском зверином стиле птичьими или грифоньими головками часто украшали рога оленей или фантастических животных с телом кошачьего хищника и птичьим клювом (Катанда; Верхнеудинск; Пазырык, курган 2). На кафтани из Пазырыкского кургана № 2 эти грифоньи головки на рогах оленя становятся уже полуорнаментальными; наконец, на рогах фантастических зверей они окончательно превратились в подобие цветков (Пазырык, курган 2, татуировка).

Приведенные примеры, число которых можно умножить, хорошо показывают, как и через какие стадии проходила трансформация алтайского звериного стиля в орнамент. Она происходила, видимо, очень быстро (как было показано, иногда и первая и последние стадии ее представлены в одном и том же кургане, а иногда более поздние стадии представлены в курганах относительно более ранних – по дендрохронологии). Основной причиной, способствовавшей трансформации звериного стиля в криволинейный орнамент, были мягкие материалы, с которыми работал мастер: войлок и кожа, но, появившись благодаря им, эта же тенденция стала проявляться и в других материалах – роге, дереве.

В пазырыкском искусстве Алтай есть много таких уже чисто орнаментальных мотивов, которые трудно возвести к какому-либо определенному зооморфному образу. Это ряды и фигуры из всевозможных "бегущих волн", простых и двойных спиралей и некоторых других элементов. Вероятнее всего, в основе большинства их также лежат какие-то зооморфные образы, но трансформация их в орнамент зашла так далеко, что они уже не читаются.

Могильников В.А.

К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА АЛТАЕ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

В скифскую эпоху территория Алтайского края являлась ареной контакта двух крупных этнокультурных массивов – горного Алтае-Саянского, тесно связанного в этническом и культурном отношении с прилегающими горно-степными районами Западной Монголии и Восточно-Юго-Казахстана, который принято идентифицировать в основном с кочевниками, и лесостепного и степного массивов, памятники которого локализируются от правобережья Оби и предгорий Алтая на востоке и юге, занимают степь и лесостепь Обь-Иртышского междуречья, вплоть до Павлодарского Прииртышья. В культурном и этническом отношении этот массив тесно связан со степным иранским сакским и сарматским миром.

Обильный материал, полученный в ходе длительных полевых исследований в Горном Алтае, обусловил относительно хорошую изученность пазырыкской культуры. Анализ погребального ритуала и отчасти инвентаря рядовых курганов привел к выделению отличной от пазырыкской и в то же время тесно связанной с ней кара-кобинской культуры, локализовавшейся в северных и северо-западных районах Горного Алтая (Суразаков А.С., Могильников В.А.). При этом следует отметить, что

специфичные черты той и другой культур начали формироваться уже в раннескифское время, в конце VIII-VI вв. до н.э., на майэмирском этапе, который сейчас, вслед за С.В.Киселевым, видимо, целесообразно именовать майэмирской культурой с намечающимися в ней двумя последовательными хронологическими этапами.

Сложными и дискуссионными представляются проблемы формирования и динамики степного и лесостепного населения Алтая скифского времени. Выделенный М.П.Грязновым большереченский этап УП-VI вв. до н.э., вероятно, целесообразно отождествлять с большереченской культурой, локализуя ее в Верхнем Приобье от района Бийска до Томска. Некоторые локальные различия, прослеживаемые в этом ареале, вполне объяснимы его обширностью и разнообразием связанных с этим внешних контактов. Почти все памятники большереченского этапа расположены вдоль Оби. К западу от Оби находки керамики большереченского этапа известны нам только в районе с.Завьялово, где среди степи находится обширный массив реликтового бора, что в данном микрорайоне создавало экологическую обстановку, аналогичную району Верхнего Приобья. Культура населения обширного района Кулундинской степи УП-VI вв. до н.э. остается почти невыявленной. Отсюда известны лишь отдельные находки бронзовых двулопастных наколочников стрел. Надо полагать, что в это время данный регион был слабо заселен, а культурный облик проживавшего здесь населения, в основном, отличался от большереченского. Это предположение базируется на облике материала последующего периода из этого района. Керамика исследованного нами могильника УП-V вв. до н.э. Кирилтовка III в Бурлинском районе Алтайского края характеризуется кувшиновидными сосудами с гладко заглаженной поверхностью почти без орнамента или украшенной рядом ямочных наколов вдоль шейки, что отличает ее от довольно богато орнаментированной посуды большереченского этапа. По форме эта посуда ближе керамике сако-массагетских памятников типа могильника Уйгарак.

В V-IV вв. до н.э. происходят, очевидно, изменения в культурном облике и этническом составе населения большереченской культуры Верхнего Приобья. Распространяется обряд погребения под курганами с кольцевыми розиками, расчлененными перемичками. Характерны захоронения в довольно глубоких прямоугольных ямах с заплечиками в придонной части, обрамление придонной части ям обкладками из колотых бревен обычно в один, реже - в два венца, продольные перекрытия в один или несколько рядов бревенчатого наката. Под курганом обычно находится несколько погребений. При этом, для раннего перио-

да V—IV вв. до н.э. свойственно расположение под одним курганом одного или небольшого числа захоронений, а для позднего III—I вв. до н.э. характерно наличие под насыпью большого числа захоронений, количество которых под одним курганом доходит до двадцати. В небольшом числе представлены неизвестные ранее и в целом нехарактерные для культуры захоронения в больших прямоугольных ямах, перекрытых бревенчатым накатом около уровня древнего горизонта с диагональным расположением погребенных, напоминающие диагональные сарматские погребения. Для инвентаря типично снабжение погребенных глиняными сосудами, обычно по одному, реже — два, в которых находилась "жидкая" пища, а также мясом животных в виде бока лошади, поясничной, крестцовой и курдючной частей барана. Довольно часто находятся в погребениях каменные краскостерки казахстанского типа без ножек или со слабо намеченными ножками, а также пряслица. Примечательно малое количество оружия в погребениях. Эта деталь в совокупности с особенностями керамики сближает ритуал погребения населения степных и лесостепных районов Алтая с сако-усуньскими памятниками Казахстана и позволяет предполагать приток населения в степные районы Обь-Иртышского междуречья с запада и юго-запада в V—IV вв. до н.э. Довольно широко распространенной в это время становится меловая подсыпка в захоронениях.

Принимая во внимание появление в культуре ряда новых черт, устойчиво сохраняющихся с некоторыми изменениями на протяжении V—II вв. до н.э., очевидно, целесообразно культуру этого времени рассматривать отдельно от большебереченской, более ранней, и принять предложенное для нее наименование каменная (Уманский А.П., Могильников В.А.). Внутри этой культуры, видимо, стоит сохранить предложенное М.П.Грязновым деление на два этапа — бийский — V—IV вв. до н.э. и березовский III—II вв. до н.э. с возможным заходом в IV в. до н.э. Хронологически предшествовавшее население большебереченской культуры было включено в состав этноса вновь сложившейся каменной культуры. Этим объясняется сохранение в каменной культуре V—II вв. до н.э. некоторых большебереченских черт и, в частности, баночной формы у крупных кухонных сосудов. При этом большебереченские черты в большей мере выражены непосредственно в районе Верхнего Приобья, где большебереченские памятники были представлены в достаточном количестве.

Проникновение нового населения с запада и юго-запада захватило не всю территорию большебереченской культуры V—II вв. до н.э. Вне зоны его инфильтрации, очевидно, осталось Томское Приобье, наи-

более северный район большеереченской культуры, где формируется кижировская культура, находившаяся под тагарским влиянием, основным путем распространения которого, видимо, служила долина р.Томи. Эти обстоятельства, видимо, в значительной мере обусловили наряду с северными связями культурное своеобразие и особый путь развития кижировской культуры.

В родственную каменской, но особую культурную группу, выделяются памятники степных предгорий Алтая, локализующиеся по верхнему Чумышу, в низовьях Бии, Катуня и, вероятно, в степных районах к западу от нее, почти до верховий Алая. Ряд черт сближает эти памятники с пазырыкской культурой Алтая, что связано, видимо, с расположением их в зоне контакта с горами. К таким чертам относятся наличие погребений с конем, хотя они и совершены по отличному от пазырыкцев обряду, лежат вдоль южной стенки могильной ямы, а не вдоль северной, как в Пазырыке. В захоронениях каменской культуры в изголовье обычно лежат кости животных и нож, а сосуд стоит в ногах. В предгорьях у головы обычно находится нож, сосуд и кости барана, что подобно ритуалу пазырыкской и кара-кобинской культур Горного Алтая. Орнаментация глиняных сосудов палеными валиками весьма специфична для предгорий, нехарактерна для равнинных степных районов и представлена в памятниках Горного Алтая, что, в свою очередь, отражает воздействие степного предгорного населения на этнос Горного Алтая. При этом, по речным долинам население из степных предгорий проникало довольно далеко в горы (поселение Кара-Тенеш у Кууса, находки керамики на могильнике Кударга в низовьях Чулымана).

В III-I вв. до н.э. в районах Верхнего Приобья, вплоть до низовий Катуня, отмечается влияние саргатской культуры, которая, видимо, в какой-то мере мигрировала из Барабы на юг и юго-восток под давлением кулайцев.

Уманский А.П.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ БОЛЬШЕЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1946-1949 гг. Северо-Алтайская экспедиция ИИМК под руководством М.П.Грязнова исследовала уникальный комплекс разновременных археологических памятников близ с.Большая Речка (ныне с.Чаузово). На основе большого материала, полученного экспедицией, М.П.Грязнов разработал периодизацию памятников раннежелезного века лесного правобережья Верхней Оби. Он выделил особую большеереченскую культу-

туру, датировав ее УП в.до н.э.—I в.н.э., и разделил ее на три последовательно сменявших друг друга этапа — собственно большереченский (УП—УI вв.до н.э.), обийский (У—II вв.до н.э.) и березовский (II в.до н.э.—I в.н.э.).

Для своего времени эта периодизация являлась последним словом науки и способствовала углубленному изучению памятников раннежелезного века на юге Западной Сибири в целом и в Верхнем Приобье в частности. Однако, последующие работы археологов показали, что далеко не все памятники раннежелезного века в верхнеобской археологической провинции могут быть безоговорочно определены как большереченские и отнесены к тому или иному ее этапу. Прежде всего сказались, что нельзя без оговорок вписать в схему М.П.Грязнова синхронные большереченским памятникам курганы степного и лесостепного Алтая, исследованные автором в 1959—1965 гг. в ур.Раздумье, Гоньбе, Кочках, Зайцеве и других пунктах. Впервые вопрос о своеобразии этой группы памятников, о существенных отличиях в погребальном инвентаре и обряде их от захоронений большереченской культуры, с одной стороны, и от курганов Горного Алтая (майэмдрско-пазирнико-шибинских), с другой стороны, был поставлен автором на Пленуме Института археологии АН СССР в 1966 г. Но в своем докладе автор тогда еще не ставил вопроса о принадлежности исследованной им группы курганов к особой культуре и потому не привел достаточно развернутой аргументации в пользу этого положения.

Позже автор этих строк, В.А.Могильников, С.В.Неверов и другие археологи, работавшие в конце 60-х —70-х гг. в степном и лесостепном Алтае, раскопали большую серию курганов в пунктах Соколово, Дресвянка, Андроново, Камень-П, Масляка-I и П, Новотроицкое-I и П и другие. Ряд курганов этого типа в Новосибирском Приобье исследовала Т.Н.Троицкая и ее ученики, изучавшие также поселения раннежелезного века. Т.Н.Троицкая пришла к выводу о необходимости выделения новосибирского варианта большереченской культуры, определив южную границу его памятников на широте г.Камня-на-Оби. Хронологические рамки новосибирского варианта большереченской культуры она ограничила У—II вв.до н.э., т.е. рамками обийского этапа большереченской культуры, не считая возможным отнести завьяловские городища, датированные УП—УI вв.до н.э., к большереченской культуре и отнеся памятники III—I вв.до н.э. к кулайской культуре (Троицкая, 1979).

Тогда же, на конференции в Кемерово, В.А.Могильников выступил с изложением нашей общей точки зрения на культурную принадлежность курганов степного и лесостепного Верхнеобья, доказывая необходи-

мость выделения особой каменской культуры, памятники которой могут быть датированы концом IV—I вв. до н.э. Это встретило возражение Т.Н.Троицкой и других археологов. В 1983 г. в Новосибирске Т.Н.Троицкая выступила с развернутой критикой точки зрения В.А.Могильникова и автора этих строк, настаивая на большереченской принадлежности этой группы памятников. Ее поддержал М.Ф.Кирякин и некоторые другие товарищи.

Эта дискуссия заставляет снова обратиться к периодизации большереченской культуры, в частности, остановиться на генетических связях между ее отдельными этапами, особенно между бийским и березовским.

Нельзя не отметить, что эти связи прослежены М.П.Грязновым фактически исключительно по керамике, по типам и орнаментации сосудов. Что касается погребального обряда, то генетическая близость между этапами усматривается лишь в преимущественной юго-западной ориентировке погребенных, но ведь весьма важной чертой является и положение умершего, а оно заметно различается по этапам: на большереченском — скорченнов на боку, на бийском — с подогнутыми ногами на боку, на березовском — вытянуто на спине. Традиции особенно сильны в религии: христиане уже 2 тысячи лет хоронят единоверцев вытянуто на спине, со сложенными на груди руками, многие наши современники, порвав с христианством, хоронят умерших в том же положении, в гробах. Нет оснований считать древние языческие верования менее консервативными и по комплексу идей, и по обрядовости. Чем же объясняется столь быстрая эволюция в погребальной обрядности большереченцев, особенно если учесть, что характер их хозяйственной деятельности с VII по I вв. до н.э. практически совершенно не изменился? Чем были обусловлены сдвиги в их идеологии?

Но погребальная обрядовость березовцев отличается от собственно большереченцев и рядом других существенных черт, например, большей глубиной могильных ям, наличием внутренней конструкции в виде сруба в 2—3 бревна с поперечным или продольным бревенчатым или дощатым перекрытием, составом погребального инвентаря (например, наличием кубашников в могилах, что неизвестно на первых двух этапах) и другим.

Нам представляется, что существенные изменения в погребальной обрядовости большереченцев на березовском этапе являются не столько результатом внутренней эволюции их идеологии, сколько результатом воздействия на них пришлых племен, которых мы называем каменскими. Именно в процессе ассимиляции большереченцев пришлыми из

Казахстана каменцами у них изменилось положение умерших в могилах, ямы стали укрепляться срубам с мощными перекрытиями, в инвентаре появились кувшины, в некоторых могилах каменные алтарики.

Процесс взаимодействия пришельцев с аборигенами начался еще на бийском этапе, по нашему мнению, в основном с конца IV в. до н.э.: вторжение греко-македонян в Среднюю Азию могло вызвать подвигку скотоводческих племен от междуречья Аму- и Сыр-Дарьи на север и северо-восток, могли вызвать такую подвигку несколько раньше и персидские завоевания в Средней Азии. Но она могла быть и результатом отпочкования дочерних племенных групп вследствие роста стад и недостатка пастбищных угодий на прежних местах обитания.

Процесс смешения пришельцев с аборигенами, на наш взгляд, нашел отражение в неустойчивости погребального ритуала в курганах с земляными насыпями в Быстринском могильнике, датированном М.П.Грязновым V-III вв. до н.э. (Грязнов, 1956). Здесь умерших хоронили и в грунтовых ямах, и в каменных ящиках, в разных позах - на правом и левом боку, на спине, преобладала западная ориентировка. Причиной неустойчивости погребального обряда, по мнению М.П.Завитухиной, является неоднородность физического типа населения, оставшегося степные курганы. В свою очередь, неоднородность физического типа в Быстринском и других могильниках Алтая установлена работами антропологов, в частности, Г.Ф.Дебеца, считавшего, что быстринцы были европесидами, ... некоторые из них имели монголоидную примесь (Дебец, 1948). М.П.Завитухина считает, что для V-IV вв. до н.э. основным направлением связей степного Алтая с соседями было юго-восточное, а в III-I вв. до н.э. направление этих связей изменилось, наибольшие связи в эту пору прослеживаются с племенами Восточного Казахстана - близость отмечается "не только в инвентаре, но и в устройстве могил, и в погребальном обряде" (Завитухина, 1966). Отмеченное М.П.Завитухиной усиление связей степного Алтая с населением Восточного Казахстана мы объясняем миграцией части последнего в пределы алтайских степей и лесостепей.

Все это позволяет нам утверждать, что каменная культура - это не вариант большереченской культуры, это культура пришлых племен, ассимилировавших большереченцев, а березовский этап как раз фиксирует эту ассимиляцию, и потому не без основания в нем можно видеть вариант каменной культуры. В степях, где не расселилась большереченцы, культура пришельцев лишена черт синкретичности, представлена в наиболее чистом виде. Сама по себе массовость памятников каменского типа, преимущественное размещение их не в

лесной, а в лесостепной и даже степной зоне не позволяет согласиться с утверждениями об их большеереченской культурной принадлежности и тем более включать такие из них как Масляха-І, ІІ, Камень-ІІ, Соколово, Дресвянка в число памятников новосибирского варианта этой культуры.

Алехин Ю. П.

ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (V-I ВВ. ДО Н.Э.)

Вопросы истории, хронологии и культурной принадлежности племен Барнаульского Приобья были впервые освещены в должной мере М. П. Грязновым (Грязнов, 1956), которым была выделена большеереченская культура (УП-I вв. до н.э.), разделенная на три хронологических этапа: большеереченский (УП-VI вв. до н.э.), бийский (V-III вв. до н.э.), березовский (II-I вв. до н.э.). Значение работы М. П. Грязнова трудно переоценить, однако, к настоящему времени она требует значительных дополнений, а некоторые ее положения нуждаются в пересмотре. К тому же территориальные рамки работы М. П. Грязнова ограничиваются лишь Барнаульским Приобьем, тогда как истории всего лесостепного Алтая в скифское время не рассматривается.

В дальнейшем работы по исследованию памятников лесостепного Алтая в скифское время проводились А. П. Уманским, В. А. Могильниковым, Ю. Ф. Киришиным и другими исследователями. Памятники большеереченской культуры Новосибирского Приобья исследовались Т. Н. Троицкой, где ею был выделен новосибирский вариант большеереченской культуры (Троицкая, 1981). К сожалению, среди исследователей нет единой точки зрения по вопросам истории древних племен лесостепного Алтая в рассматриваемую эпоху, что объясняется отчасти использованием в качестве базового только своего материала, отсутствием сравнений с материалом других исследований по этой тематике (А. П. Уманский, В. А. Могильников). Обобщение и исследование всего известного ныне археологического материала эпохи раннего железа в лесостепном Алтае позволило нам прийти к следующим выводам.

В V-I вв. до н.э. территорию лесостепного Алтая заселяли оседлые племена, в основном, большеереченской культуры, которая сложилась на местной основе и памятники которой входят в круг скифо-сибирской культурно-исторической общности.

Деление большеереченской культуры на три хронологических этапа (по М. П. Грязнову) вряд ли ныне приемливо. Результаты последних исследований четко показали, что памятники УП-VI вв. до н.э. (боль-

шереченский этап по М.П.Грязнову) немногочисленны и имеют определенные отличия от памятников У-І вв. до н.э. по погребальному обряду и инвентарю и являются по своей сути переходным этапом от эпохи бронзы к раннему железному веку; памятники этого этапа в отличие от таковых У-І вв. до н.э. не входят в круг скифо-сибирской культурно-исторической общности (Троицкая, 1981). В рамках же У-І вв. до н.э. никаких отличий между памятниками У-ІІ и ІІ-І вв. до н.э. нет, за исключением локально-территориальных, вызванных влиянием соседних культур, что позволяет рассматривать большещеченскую культуру без разделения на хронологические этапы (байский и березовский) и выделить в ней несколько локально-территориальных групп памятников: староалейский тип, каменский тип, Чумшско-Ишникскую группу, которые, в целом, имея некоторые отличия, вызванные контактами с соседними племенами, составляют единую большещеченскую культуру.

Памятники староалейского типа локализуются, в основном, в Барнаульском Приобье. Погребальный обряд характеризуется грунтовыми могильниками, где могилы имеют срубы в 2-3 венца или рамы с перекрытием, иногда могилы имели перекрытия, но не имели срубов или рам. Погребенные в индивидуальных могилках укладывались на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад, снабжались заупокойной пищей и сопроводительным инвентарем (Киршин, 1984). В некоторых случаях зафиксирована меловая подсыпка, угольки в могилках. Прослеживаются некоторые контакты с населением тагарской культуры и в меньшей степени с сарматскими племенами.

Памятники каменского типа локализуются в основном в лесостепном и степном междуречье Оби и Иртыша. Они отличаются от памятников староалейского типа лишь традицией погребения в курганных, а не в грунтовых могильниках. Под курганом, как правило, находится от 1 до 16 могил, в остальном погребальный обряд ничем не отличается от такового в грунтовых могильниках староалейского типа, инвентарь также в основном идентичен. Прослеживаются некоторые контакты с сарматскими племенами. Условно называемый нами каменский тип памятников на Алтае, ничем в целом не отличается от памятников Новосибирского Приобья, которые относятся Т.Н.Троицкой к новосибирскому варианту большещеченской культуры. Эти памятники по всем данным составляют одну локально-территориальную группу памятников большещеченской культуры. В свете вышеизложенного очевидно необоснованность выделения так называемой "каменской культуры", якобы параллельно существующей с большещеченской, как

считают А.П.Уманский и В.А.Могильников.

Чумышско-Ишинская группа памятников локализуется в междуречье рр.Чумыша и Иши (Суразаков, 1985). Отличается от памятников староалеийского типа наличием каменно-земляных или земляных курганов; от каменского и староалеийского типов памятников наличием в ряду человеческих погребений сопроводительных конских, что объясняется пазырыкским влиянием на большереченские племена этой группы. Это влияние подтверждается и некоторыми видами инвентаря, характерного для памятников Горного Алтая в это время. Наряду с курганными могильниками, к этой группе памятников относятся и грунтовый могильник Аэродромный, где зафиксированы погребения человека с конем. В остальном погребальный обряд и инвентарь Чумышско-Ишинской группы памятников ничем не отличается от памятников староалеийского и каменского типов. Здесь также наблюдается прямая преемственность в погребальном обряде от населения лесостепного Алтая УП-VI вв. до н.э.

Памятники Юго-Западного Алтая составляют особую группу памятников, не входящих в большереченскую культуру и свидетельствуют о наличии здесь своеобразной контактной зоны между казахстанскими, горноалтайскими и, в меньшей мере, североалтайскими племенами.

Население лесостепного Алтая в рассматриваемое время было оседлым, проживало в долговременных поселениях (зафиксировано 133 поселения). Поселения (за исключением 1 городища) не имели каких-либо оборонительных сооружений. Хозяйство было комплексным: придомное скотоводство и мотыжное земледелие, сочетавшиеся с рыболовством и охотой.

Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х.

НАХОДИСЬ У ПОСЕЛКА ИСГАЧ НА ТЕЛЕЦКОМ ОЗЕРЕ

Первые археологические материалы с Телецкого озера в виде случайных находок и сведений об отдельных памятниках стали известны в XIX в. Специальные археологические исследования в северной части озера были начаты С.И.Руденко, который в 1924 г. произвел раскопки в урочище Артыбаш (ГЭ, колл. № 4208). В дальнейшем северное побережье озера и верховья р.Биц оказались вне поля зрения археологов. Новые материалы отсюда были получены лишь в 1965 г. в ходе разведки Б.Х.Кадикова, который собрал на берегу озера небольшую, но выразительную коллекцию керамики.

Находки были сделаны на Мису Шучьем, в 1 км восточнее пос.Исгач Турочакского района Горно-Алтайской автономной области. У кром-

ки воды и в глубине мыса, примерно в 30—40 м от озера, было найдено полтора десятка черепков, в том числе обломки венчиков от 5 сосудов (БЭМ, колл. № 218).

Ближайшей аналогией для керамики, украшенной под краем венчика одним рядом ямочных вдавлений или жемчужника, чередующегося с оттисками угла штампа, является посуда с поселения Лебедь I, которое расположено в 70 км ниже по течению р. Бия (Лаплин, Молодин, Петрин, 1932). Подобная керамика довольно часто встречается на памятниках У—II вв. до н.э. и в лесостепном Барнаульско-Бийском Приобье.

От этих находок отличаются фрагменты сосуда, украшенного двумя чередующимися орнаментальными полосами из ряда жемчужин, разделенных отпечатками угла штампа — лопаточки, ниже которых оттиснуты две горизонтальные линии, выполненные гребенкой, и поясик вдавлений уголком лопаточки. Хотя полных аналогий этому сосуду среди алтайской керамики не находится, вряд ли будет ошибкой отнесение его к переходному времени от бронзового века к железному. Посуда с подобной, но чуть более бедной орнаментацией известна на раннебольшереченских поселениях III—VI вв. до н.э. в Предгорном Алтае — в Усть-Ише и Бростках (сборы Б.К. Кандидова, БЭМ, колл. № 236 и № 169). Сходство с керамикой больше-реченского этапа Барнаульско-Бийского Приобья выражено слабее.

Таким образом, керамика, собранная на Мысу Шуцьем, на изгиб взгляд, разновременна и относится, по-видимому, к двум периодам раннего железного века Алтая. В пользу разновременности материала говорит и то, что все черепки У—II вв. до н.э. на изломе красно-оранжевого цвета, а обломки предположительно более раннего сосуда на изломе черные, в тесте имеют примесь слюды. Указывая на сходство последнего сосуда с раннебольшереченской керамикой III—VI вв. до н.э., отметим в то же время, что вполне возможна и несколько более ранняя его датировка — концом эпохи бронзы. Генетическая связь подобной "слозковидной" посуды с раннебольшереченской сомнений не вызывает.

Факт обнаружения керамики больше-реченского облика в притомской тайге имеет большой научный интерес. Помимо значительно-го расширения привычного ареала расселения больше-реченских племен, эти находки, возможно, позволят определеннее говорить об этнической принадлежности населения, оставившего памятники с посудой подобного типа в Предгорном Алтае и в лесных массивах Барнаульско-Бийского Приобья.

Изучая в 1924 г. быт и особенности расселения тубаларов, живших вдоль северной оконечности Телецкого озера, С.И.Руденко отмечал: "Тубаларов нельзя назвать скотоводами, так как они по многим причинам (высокотравье, глубокие снега, небольшая величина площадей, удобных для выгона и покоса и т.п.) не могут держать много скота, которого не в силах прокормить в течение зимы" (Руденко, 1926). Действительно, природно-климатические условия таежного района северной части побережья Телецкого озера и бассейна р.Бии в верхнем ее течении практически исключают круглогодичный выпас скота. Следствие этого — полное отсутствие здесь курганов, оленных камней, петроглифов раннего железного века, то есть археологических памятников, характерных для ираноязычных скотоводческих племен скифского времени и в изобилии встречающихся в степенных районах Горного Алтая. Такое отсутствие, по-видимому, говорит о том, что население прителецко-бийской тайги отличалось от скотоводческих ираноязычных племен Алтая скифского времени не только системой хозяйства, но и целым рядом этнических признаков, таких как погребальный обряд, изобразительное искусство и, возможно, язык.

Весьма вероятно, что ранняя керамика Мыса Щучьего оставлена не ираноязычными, а угро-самодийским или кетским этносом. Тождество поздней керамики Мыса Щучьего с посудой второй половины I тыс. до н.э. из лесостепного Приобья, по-видимому, говорит о проникновении в это время в верховья Бии с севера каких-то групп скотоводческого населения. Вынужденные приспособлять привычные системы хозяйства к новым природно-географическим условиям и, возможно, смешиваясь с местными племенами, эти группы, очевидно, приобретали некоторые специфические этнические черты.

Таким образом, не исключено, что таежные районы бассейна р.Бии от самых ее истоков выделятся в дальнейшем в особый, своеобразный локальный вариант большебереченской культуры.

Худяков Д.С.

ХЕРЕКСУРЫ И ОЛЕННЫЕ КАМНИ

Своеобразные каменные курганы с кольцевой или квадратной оградой, соединенной с насыпью каменными "лучами", получившие в научной литературе наименование "херексуры" (от монгольского слова "хяргяс-ур" — "кыргызское гнездо"), издавна попадали в поле зрения исследователей Центральной Азии и сопредельных рай-

онов. Памятники данного типа неоднократно фиксировались путешественниками по Алтаю, Туве, Монголии в XIX - начале XX в.

Первые раскопки этих памятников, проведенные на рубеже XIX-XX вв. В.Д.Талько-Гриценичем в Забайкалье, не принесли находок, которые позволили бы датировать херексуры. Обнаруженный в одном из херексуров череп человека с покатым лбом и непропорционально широкими скулами, толкнул исследователя на неверную мысль отнести эти памятники к каменному веку.

Дальнейшие исследования херексуров в Забайкалье в 40-е гг. и обнаружение в насани одного из них железной панцирной пластины способствовали отнесению данных объектов к эпохе средневековья, к "туркской знати" или "селенгитским уйгурам". В 70-х гг. в Забайкалье был исследован херексур, в насани которого оказались предметы хуннского времени.

Попытка систематизации херексуров на территории Монголии была предпринята в 1927 г. Г.И.Боровкой. Раскопки херексуров там не производились. Однако, по результатам исследования одного средневекового кургана, расположенного подле группы херексуров на памятнике Намитэ-сумэ, херексуры были отнесены к "эпохе турок-огузов". Раскопки одного херексура экспедицией Ч.Эндэрса выявили скелет человека без сопроводительного инвентаря.

Серия херексуров была раскопана в 20-е и 50-60-е гг. в Туве. Здесь обнаружены одиночные и коллективные захоронения. Многие исследователи относительно датировки и культурной принадлежности этих памятников разделились: И.Р.Киселазов и М.Х.Машкай-Бол считают херексуры погребальными сооружениями скифского времени, А.Д.Грач отнес большинство херексуров к монгул-тайгунской культуре эпохи бронзы, а херексур Улуг-Корум оправдал в качестве кургана-храма сакьянской культуры скифского времени.

Херексуры зафиксированы и в пределах Горного Алтая. Раскопки этих памятников на данной территории не производились. Есть сведения о наличии курганов с кольцевой оградой в Восточном Казахстане и Киргизии.

Разнобой в оценках хронологии и культурной принадлежности объясняется, прежде всего, отсутствием систематизации данных о херексурах со всей территории их распространения. Все исследователи, занимавшиеся их изучением, считали херексуры видом памятников, присущих локальному району Забайкалья, Монголии и Тувы.

Иначе обстоит дело с изучением оленных камней. Каменные стелы

с изображением украшений, оружия и фигур животных неоднократно фиксировались учеными и путешественниками в XIX-начале XX в. в Монголии и на сопредельных территориях. Отдельные объекты данного типа попадали в поле зрения ученых и в западных районах "Великого пояса степей".

В 20-е гг. Г.И.Боровка синхронизировал оленные камни Центральной Монголии с плиточными могилами и отнес их к скифскому времени.

Сходной точки зрения в отношении оленных камней Забайкалья придерживались Г.П.Сосковский, А.П.Окладников, Н.И.Диков, датируя оба класса памятников эпохой бронзы.

Изучение оленных камней Тувы привело Н.Л.Членову, С.И.Вайнштейна, Л.Р.Кыласова, М.Х.Манной-Оола, А.Д.Грача к мысли об их синхронности культурам скифского времени. К I тыс. до н.э. относят оленные камни Алтая В.Д.Кубарев и Д.Г.Савинов. В пределах всего I тыс. до н.э. датирует оленные камни Монголии Э.А.Новгородова.

Новый импульс изучению оленных камней получила идентификация в качестве таковых Д.Г.Савиновым "северо-кавказских камней обелисков". Как удалось установить Н.Л.Членовой и Д.Г.Савинову, западные пределы распространения оленных камней включают Казахстан, Киргизию, Приуралье, Северное Причерноморье. Есть сведения о распространении подобных памятников вплоть до Центральной Европы.

Новые возможности для анализа стал с изображением оленей открыла публикация этих объектов с территории Монголии В.В.Волковым. Если вопросы хронологии и культурной принадлежности оленных камней активно дискутируются, то проблему определения семантики стал можно считать, в известной мере, решенной. Все исследователи солидарны в том, что оленные камни изображают воинов с оружием и украшениями.

В меньшей степени анализировалось назначение этих объектов. Ряд исследователей склонны считать оленные камни полифункциональными.

При изучении оленных камней основное внимание ученых было сосредоточено на интерпретации покрывавших стали рисунков. Значительно реже учитывалась ситуация нахождения стал, в частности, при использовании их в последующие исторические периоды. Совпадение ареалов распространения основного массива херексурсов и оленных камней позволяет рассмотреть их совместно.

Для адекватной интерпретации назначения херексурсов и оленных камней необходимо определение времени их бытования и функционального назначения.

В отношении херексуров можно достаточно определенно сказать, что отнесение этих объектов к эпохе средневековья произведено по впускным захоронениям, и является ошибочным. Не может быть принята точка зрения о культовом назначении херексуров, ввиду отсутствия данных в ее пользу.

На наш взгляд, херексуры являются погребальными сооружениями, хронологически предшествующими в степной Азии плиточным могилам, т.е. относящимися, в основной массе, к эпохе развитой бронзы. Сложнее выглядит ситуация в Западной Монголии и Туве, где временной интервал существования херексуров был, вероятно, более длительным, нежели на остальной территории их распространения.

Оленные камни, судя по изображениям оружия и украшений, также относятся в основной массе к периоду развитой бронзы. Об их назначении можно судить по объектам, сохранившимся в местах первоначальной установки, где они расположены рядами, ориентированными лицевой стороной в одном направлении. Скорее всего, это объекты поминального назначения.

Совпадение ареалов распространения и времени бытования позволят отнести оба класса объектов к одной культуре. Назовем ее предварительно "культурой херексуров и оленных камней". К данной культуре несомненно относится часть петроглифов и бронз с территории степной Азии. В определенной связи с этой культурой находятся менгиры в оградках и курганы с оградками, известно на той же территории.

Сунчугашев Я.И.

О НЕКОТОРЫХ ПЕТРОГЛИФАХ ХАКАСИИ

1. С именем С.И. Руденко связано многоплановое исследование этнографии тюркоязычных народов, уникальных археологических памятников и др. видов искусства Горного Алтая. С выходом в свет его трудов по Пазырыкским и Батадарским некрополям многие предметы скифо-сибирского искусства получили научно обоснованную хронологическую и искусствоведческую оценку, намечались перспективы для сравнительного изучения памятников Южной Сибири и Центральной Азии.

2. Значительны были культурные связи племен Горного Алтая с народами Передней и Средней Азии. Судя по оригинальным произведениям искусства тагарской эпохи, не миновали культурных связей и племена Хакасско-Минусинской котловины в скифскую эпоху. Осо-

бенно это показательно не только в замечательных предметах из бронзы, но и в какой-то степени в петроглифах.

3. Не были предметом изучения в археологии Хакасии сцены хищников с вывернутыми крупами, терзающих парнокопытных благородных диких животных. Интересная сцена борьбы огромного грифа с косулей обнаружена недавно на охальных обнажениях известной в археологической литературе горы Оглахты, расположенной на левом берегу Енисея в 47 км от г. Абакана.

Изображение, выбитое (20 x 40 см) на скале, состоит из трех взаимосвязанных рисунков: грифа, косули и солнечного знака. Весьма выразительно изображение с развернутыми крыльями грифа с большим круглым глазом и мощным клиновидным клювом. Лапа его вытянута вперед, захватывает туловище косули. Гриф передан древним художником в момент атаки на свою жертву. Очень тонко изображена изрядная фигура косули. Корпус ее вывернут так, как на изображениях животных, терзающих друг друга, из горно-алтайских шедевров. Между грифом и косулей художник оставил свободное пространство, в котором, однако, поместил изображение солнца в виде колеса с четырьмя спицами.

4. С изображенными тигров, имеющимися на саркофаге второго Баладарского кургана, большое сходство имеют хищные звери (тигры?) вырезанные тончайшими линиями на плите кургана тагарской культуры. Памятник был зафиксирован еще в конце XIX столетия Аснелминым. Он сохранился и осмотрен нами в 1978 г.

5. В Хакаском областном краеведческом музее хранится бронзовая ажурная пряжка, сделанная в виде лежащего домашнего барана, туловище которого вывернуто как и у горно-алтайских изображений. Следует однако заметить, что подобное изображение такого животного в Хакаско-Минусинском районе явление редкое и нигде еще не опубликовано.

6. Как петроглифы, так и объемное скульптурное изображение домашнего барана находят аналогию в памятниках Горного Алтая, Тувы и Монголии. Они, несомненно, свидетельствуют о тесных культурных и этногенетических связях, существовавших в скифское время. Материалы из Хакаско-Минусинской котловины также свидетельствуют о бытовании звериного стиля и сцен терзающих животных в несколько ослабленном виде и в последующую историческую эпоху.

Кузнецова Т.М.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНИХ ОГРАБЛЕНИЙ МОГИЛ

1. В результате археологических исследований А.В.Адрианова в 1911 г. на р.Майемир был открыт ряд курганов. В одном из них (курган № I) была выявлена могильная яма прямоугольной формы. Стенки ямы были обложены деревом, а дно выложено каменными плитками. На дне ее лежали беспорядочно разбросанные кости двух погребенных, которые (по определению А.В.Адрианова) принадлежали пожилой женщине и "молодому субъекту", пол которого установить не удалось. Из репродуктивного инвентаря в могиле было обнаружено только зеркало.

Как мы видим, курган не очень информативен из-за полного ограбления. Однако, на одном моменте, связанном с раскопками этого кургана, хотелось бы остановиться.

2. Зеркало (круглый, плоский диск с бортиком и ручкой-петелькой) — единственная уцелевшая после ограбления вещь, обнаруженная среди беспорядочно разбросанных в могиле человеческих костей. Незначительное количество костных остатков и их расположение привело исследователя могильника к выводу о том, что ограбление было совершено еще в древности. Наличие в могиле только зеркала после такого основательного ограбления вызвало у исследователя совершенно справедливое удивление: "Но почему, в таком случае, осталось только зеркало? Или оно не представляло для древних хитанков никакой ценности, или они его не заметили?" Вопрос, поставленный А.В.Адриановым, полного и окончательного ответа пока не имеет.

3. Если отношение к зеркалу, как к предмету высокой ценности, прослеживаемой для различных народов, уже неоднократно рассматривалось и не вызывает сомнений, то поиском причины "невнимания" к нему при ограблении, пока еще никто не занимался, как и выявлением ареала распространения подобного явления.

Исследования показали, что зеркала оставались грабителями не только в памятниках Алтая, но и в могильниках Прикаралья, Северного Причерноморья, Приуралья и Поволжья. Присутствие зеркал в ограбленных могилах саков, скифов и савроматов (у сарматов же в разные периоды их истории по-разному) позволяет предположить для этих народов общие черты в их отношении к зеркалу.

Значение зеркала как оберега в данном случае не проявляется, так как мы имеем дело с ограбленными памятниками.

Отношение к зеркалу как к объекту, "содержавшему душу владельца", которую старались не потревожить грабители, также выявить трудно, так как у всех отмеченных народов зеркала присутствуют далеко не в каждой (даже и женской) могиле.

Возможно, что отмеченное "невнимание" или "пренебрежение" грабителей к зеркалу, связано с тем, что зеркало являлось сугубо личной (принадлежавшей только одному человеку и никому другому) или табуированной вещью, на которую не могли посягнуть грабители. Не исключено, что именно в этом следует искать объяснение причин присутствия зеркал в ограбленных могилах.

4. Высказанные предположения носят пока предварительный характер, но увеличение числа наблюдений, четкая и строгая фиксация местоположения зеркал как в ограбленных, так и в непограбленных могилах, позволит внести ясность в решение этих вопросов.

Боковенко Н.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ И КАЗАХСТАНА

По археологическим данным, закономерный переход полуседлых земледельческо-скотоводческих племен эпохи бронзы Сибири и Казахстана в самом начале I тыс. до н.э. к комплексной системе кочевого скотоводства был обусловлен целым рядом причин (развитие производительных сил, улучшение обмена, изменение климата, антропогенный и военный факторы и так далее). Анализ этих причин позволяет прийти к выводу, что основные предпосылки и условия для формирования культур ранних кочевников (или скифских) сложились еще во II тыс. до н.э. в среде степных культур эпохи бронзы. В сложившихся "благоприятных" природных условиях выработывалась определенная система выпаса скота, примитивные навыки управления конем, предпринимались попытки использования его под верховую езду (Грязнов, Акишев, Кадырабаев, Смирнов и другие). Значительно возросла численность одомашненных лошадей, их значение в хозяйстве и жизни степных народов, о чем ярко свидетельствуют археологические материалы поселений, отчасти, погребальных памятников, наскальные изображения лошадей и колесниц эпохи бронзы Саяно-Алтая, Казахстана и Монголии.

Лишь в самом начале I тыс. до н.э. процесс создания наиболее оптимального и удобного в функциональном отношении конского сна-

ряжения стал более интенсивным. Наиболее значимые элементы сбруи (удила и псалки) претерпели ряд существенных изменений и стали отливаться из бронзы (например, в одном только кургане Арзан зафиксировано не менее 24 различных вариантов узды).

Значительные изменения экономических основ культуры приводят к существенным изменениям и всего облика культуры, ее социально-идеологической системы, перестройки всей общественной жизни на военный лад. В это время, видимо, происходит формирование элитарной военной верхушки, знати, обособление всаднического слоя общества — о чем, отчасти, может свидетельствовать своеобразный погребальный обряд.

Для раннескифского времени (IX-VI вв. до н.э.) выделяются 5 вариантов погребального обряда всадников, имеющих определенные территориально-хронологические рамки:

1. Захоронение воина и снаряженного коня под верховую езду на уровне древнего горизонта в отдельных срубках (клетях) или очень неглубоких ямах: Курту-П (к.3), Черный Ануй (к.1), Усть-Куми (к.9), Кок-су (к.42) на Алтае, Арзан в Туве (15 комплексов).

2. Захоронение воина и конской сбруи на древнем горизонте: некоторые комплексы Татхисхена и Уйгарака (к.14,25,26,41,51) и другие.

3. Захоронение воина в грунтовой яме, а конской сбруи на древнем горизонте: Алди-Бель-1 (к.21), Хемчик-Бом-3 (к.1,2), Ор-таа-Хем-3 (к.11) в Туве, Котанемель-1 (к.13) в Казахстане.

К вышеперечисленным трем вариантам, по-видимому, можно отнести еще целый ряд комплексов с конским снаряжением, которые условно относим к категории ямадов: Устинкино (к.10) в Хакасии, Штабы на Алтае, Камышенка и Измайловка в Восточном Казахстане, Бижэ в Восточном Семиречье и др. Возможно, этими вариантами погребального обряда объясняется огромное количество деталей конского снаряжения Минусинской котловины, найденных преимущественно в пахотном слое в дореволюционный период, и практически полностью отсутствующих там в погребальных памятниках татарской культуры I тыс. до н.э. С.И.Руденко в свое время объяснял обилие конского снаряжения, найденного случайно, как раз наличием погребального обряда, не связанного с захоронением в землю. Тем более, что аналоги такого обряда встречаются у народов скифского типа и по письменным источникам.

4. Захоронение воина, конской головы и лопатки (возможно шкуры) совместно со сбруей в одной грунтовой яме: Тасмола-1 (к.19, 22, 24), Тасмола-У (к.2-6), Тасмола-VI (к.1,2) в Центральном Казахстане

стане.

5. Захоронение воина и сбруя в одной грунтовой яме: Ближние Елбаны-ХІУ (м.21), Солонечная (к.2) на Алтае, Гришкин Лог-І (к.13) в Минусинской котловине, Суртайка в Восточном Казахстане, комплекс Тагискена и Уйгарака (к.16,22,27,28,30,33,35,38,47,60) в Центральном Казахстане.

С одной стороны, погребальный обряд свидетельствует о единстве культурно-исторического региона ранних кочевников Саяно-Алтая, с другой стороны, показывает связь с обрядами Казахстана, что позволяет выдвигать гипотезы об их генетическом родстве.

В культурологическом плане эти варианты погребального обряда отражают, скорее всего, представления древних кочевников о загробном мире, для путешествия в который и для дальнейшей "жизни" в ином мире необходима верховая лошадь. В некоторых случаях, как и в реальной жизни, для путешествия в "страну мертвых" усопшему "отдавали" двух и более лошадей, причем снаряжались под верх обычно половина (Аржан, камеры 2,5,10 и другие; Черный Ангуй; Тасмола-У, к.3 и другие). Анализ остального погребального инвентаря и надмогильных сооружений свидетельствует о высоком статусе умерших, который старались поддерживать и в другом мире.

Со временем, погребальный обряд всадников видоизменяется в соответствии с идеологическими представлениями кочевых обществ. Широко он представлен в пазырыкскую эпоху, хунское время, у средневековых кочевников, особенно, тюрков и доживает до этнографического времени. Традиция захоронения воина с конем, либо его частями, и уздечкой хорошо прослеживается у заиточных представителей многих тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири: алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов, бурят и других.

Новгородова Э.А.
ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ МОНГОЛИИ

1. С.И.Руденко принадлежит большая и, может быть, ведущая роль в определении места искусства кочевников в мировой цивилизации и в прослеживании истоков центральноазиатского звериного стиля.

Однако, со времени публикации его последних работ прошло немало полных сезонов, в результате которых получен новый и большой материал, еще раз подтверждающий справедливость многих положений, выдвинутых С.И.Руденко.

2. Прежде всего, это касается новых данных с территорий Мон-

гельской Народной Республики. В настоящее время можно изучать звериный стиль Монголии по следующим источникам: 1) изображениям на оленьих камнях, сравнительно хорошо датированным по сопутствующим гравировкам ножей, клижалов со звериными наконечниками, с орнаментированными геометрическим орнаментом рукоятками; 2) изображениям оленей и сцен звериного стиля среди петроглифов Монголии; 3) находкам в погребениях и, прежде всего, в полностью раскопанном Улангомском могильнике; 4) а также многочисленным случайным находкам, картографирование которых позволяет определить ареалы предметов, выполненных в зверином стиле.

3. Удревнение наиболее ранних оленьих камней (на которых изображены олени с ветвистыми рогами и птичьим клювом вместе с карасукскими орудиями труда и оружием) вплоть до конца карасукской эпохи позволяет проследить развитие самостоятельного сцага звериного стиля на западе Монголии уже со второй половины II тыс. до н.э. и рассматривать карасукскую культуру как родственную культуре оленьих камней и проследить в ней элементы зарождающегося звериного стиля. И то же самое мы прослеживаем при анализе петроглифов Монголии.

4. В период расцвета звериного стиля в Монголии весьма многочисленны находки предметов, украшенных головами птичьих и звериных хищников, оленями с птичьими клювами и сценами терзания. Так в Улангомском могильнике процент вещей, украшенных в зверином стиле, очень велик.

Характерен и тот факт, что элементы звериного стиля в Улангомском могильнике, встречаются на предметах бытовых, повседневного пользования, на вещах, сделанных из простого общедоступного материала: кости, рога, дерева, бронзы, глины (и в этом намечается сходство с алтайскими находками). Заметим также, что в Монголии плохо и мало сохраняются предметы из кожи, тканей, войлока и ковровые детали, которые, как можно судить по находкам в Памирских курганах, чаще всего украшены богато и наиболее разнообразно.

Предметы звериного стиля в Улангоме встречены одинаково во всех могилах. Они сопровождают рядовых воинов и членов рода, не являясь достоянием знати или вождей.

5. Наконец, звериный стиль Монголии отличается от скифского еще и тем, что на западе он довольно быстро распространяется в короткий срок, появившись как бы внезапно в уже абсолютно сложившемся виде. И так же быстро он исчезает в Причерноморье в III в. до н.э. В Монголии, наоборот, прослеживаются и древние истоки этого

направления номадического искусства, и сохраняется его наследие в течение многих веков, местами вплоть до современности, что, очевидно, также свидетельствует о его постоянности в Центральной Азии.

Малолетко А.М., Орлова Л.А.

КЛИМАТ АЛТАЯ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Субатлантический период голоцена (3 000 – 1 000 лет назад), в рубежи которого входит скифская эпоха (VIII–IV вв. до н.э.), характеризовался неоднородным климатом. Предшествующий суббореальный период (5 000 – 3 000 лет назад) для Евразии был относительно прохладным, а в Западной Сибири и на Алтае, удаленных от Атлантики, он отличался и сухостью. Об этом свидетельствуют, в частности, известковые конкреции – прекрасные индикаторы сухого климата – в террасе оз. Иткуль; возраст конкреций по данным радиоуглеродного анализа 3660 ± 75 лет (СОАН-2192). Похолодание и аридизация климата были характерны и для начального этапа субатлантического периода юга Западной Сибири.

Однако в первой половине I тыс. до н.э. возросло влияние Атлантики. На юге Западной Сибири и на Алтае это отразилось в некотором потеплении климата и в увеличении количества как летних, так и зимних осадков.

Отличительной чертой климата в это время были длительные ("недружные") весны, вследствие чего высоких паводков на реках не было и поймы рек практически не затоплялись. Об этом свидетельствует горизонт пагребенной хорошо сформированной почвы в верхней части разреза поймы рек (Алей, Чарыш, Чумыш и другие). Время формирования такой почвы определяется по соотношению ее (постепенному переходу) с погребенным старичным аллювием у с. Старо-Крайчиково на Чумыше. Здесь по древесным остаткам были получены две радиоуглеродные даты: основания аллювия 3055 ± 50 лет (СОАН-2191) и верхней части 2460 ± 55 лет (СОАН-2190). В V в. до н.э. климатическая обстановка изменялась в сторону большей континентальности, поймы рек стала регулярно заливаться; почва "скифского" времени была погребена под пойменным аллювием.

В климатический оптимум субатлантического периода (ранее V в. до н.э.) основная масса атмосферных осадков выпадала на наветренных склонах Алтайских гор и в предальтайской части Западно-Сибирской равнины. Здесь создавались благоприятные условия для скотоводства. Однако, снежный покров значительной мощности затруднял

содержание скота без заготовки кормов на зиму.

В Горный Алтай влажные и теплые циклоны наиболее глубоко проникали по широтным долинам, открытым на запад, навстречу циклонам по долинам Бухтармы, Убы, Кокса, широтного отрезка долины Катунь (уймонская котловина), по долинам Чарыша и Урсула.

Климат этих горных долин в теплую фазу субатлантического периода был более влажным, чем ныне, хотя средние температуры летних месяцев вряд ли были выше из-за большой облачности и потерь тепла на испарение. Такая климатическая обстановка благоприятствовала формированию богатых лугов на горных склонах и на речных террасах. В зимнее время количество осадков также было несколько большим, чем ныне. Но свойственная горным странам более интенсивная солнечная радиация (вследствие чистоты воздуха и меньшего по толщине слоя тропосферы) способствовала, в свою очередь, усиленной абляции (испарению) снега в зимнее время. Достаточно сказать, что в Чуйской степи в настоящее время снежный покров (100-130 мм) практически весь испаряется.

Процесс абляции снежного покрова в горных долинах приводил к уменьшению мощности снежного покрова, что делало доступной для домашних животных траву, ушедшую осенью под снег. Именно этим богатством лугов летом и возможностью выпаса скота зимой — широтные горные долины привлекали древних скотоводов.

В долинах Чулышмана и Башкауса и их притоков, достаточно увлажненных и ныне, в скифское время снежный покров был мощным. Выпас скота зимой был возможен только на склонах западной и южной экспозиции, с которых снег удалялся ветрами или же вследствие абляции, усиленной фоновыми явлениями. Последние, очевидно, особенно эффективно проявлялись в долинах притоков Башкауса, имеющих широтное простирание и открытых на запад (долина Большого Улагана) Подобная ситуация наблюдается в настоящее время на восточном берегу Талепцкого озера (урочище Бале), находящегося под сильным влиянием фонов долины Чулышмана. Тем не менее, можно считать, что в самих долинах Чулышмана занятие скотоводством было более рискованным, нежели в долинах системы Катунь, Чарыша и других вследствие многоснежных зим.

Курайская и Чуйская высокогорные степи в меньшей степени испытывали благотворность изменения климата в субатлантический период вследствие более высокого гипсометрического положения и большей изолированности. По-видимому, режим увлажнения здесь больше зависел от таяния льдов и снегов на окружающих эти степи высоких гор-

ных хребтах, что отражалось в основном на водности рек.

Таким образом, скифское время на Алтае — это время климатического оптимума завершающего этапа голоцена. Оно максимально благоприятствовало развитию скотоводческих культур, способствовало расселению "скифов" в Алтайской горной системе, определяя локализацию их в субширотных долинах среднегорья.

Бобров В.В., Добжанский В.Н.

О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Историкографический обзор литературы по проблемам эпохи раннего железа Верхнего Приобья позволяет определить несколько положений: 1 — за 30 лет со времени выделения М.П.Гризновым большереченской культуры существенной трансформации подверглись представления о начальном и заключительном этапах развития культуры; 2 — изменения коснулись не внутреннего содержания этапов, а территории их распространения; 3 — наряду с ранним, большереченским этапом, существовали в Новосибирском Приобье памятники завьяловского типа, им предшествовал позднеирменский этап, представляющий переходное от поздней бронзы к раннему железу время; исторически это соответствовало сложному и многообразному процессу культуро- и этногенеза в начальной фазе формирования культуры; 4 — аналогичное историческое явление происходит и на рубеже эр, что связано как с внутренним социально-экономическим развитием, так и с внешними причинами — миграционными процессами; 5 — за весь период истории изучения большереченской культуры вопрос о восточной границе практически не решался.

2. Длительное время памятники раннего железа к востоку от Оби в пределах Кузнецкой котловины не были известны. Планомерное исследование группой кемеровских археологов во главе с А.И.Мартыновым лесостепной тагарской культуры и памятников переходного тагаро-таштыкского времени позволило локализовать их в пределах Ачинско-Марийской лесостепи. Таким образом, археологическая неизученность обширных лесостепных районов Кузнецкой котловины вплоть до предгорно-таежной системы Кузнецкого Алатау, отделяющей бассейн Среднего Енисея от Верхней Оби, делала гипотетичной проблему восточной границы большереченской культуры и зоны взаимодействия с синхронным большереченцам тагарским населением. В литературе высказана мысль, что граница между большереченцами и тагарцами проходила по среднему течению р.Ини (Троицкая, 1983). Близкие

взгляды высказаны У.Э.Эрдниевым, исследовавшим в начале 50-х гг. Маяково городище в верховьях р.Томи, материалы раннего железного века которого обнаруживают типологическое родство с большеереченскими.

3. В последние годы в среднем течении рр.Томи и Ини открыт ряд памятников, которые позволяют в некоторых случаях дать ответ на вопрос о культурной принадлежности, генезисе, хронологии и взаимосвязи населения, оставившего эти памятники, с большеереченскими племенами Северного Алтая и Новосибирского Приобья. Материалы переходного ст. бронзы к раннему железу времени Маякова городища, поселений Лочиново и Глинка (Эрдиев, 1960; Мартигов, Коротаев, Абсалимов, 1979; Коротаев, 1980; Циркин, 1979) имеют типологическую близость с керамикой позднейирменского этапа арменской культуры, выделенного В.И.Молодиным и получившего поддержку среди сибирских археологов (Молодин, 1983). При этом следует обратить внимание на преобладание баночных форм посуды и локальное своеобразие в орнаментации, выраженное в частом использовании мотива "елочка", который нанесен на стенки сосудов в зоне венчика резной техникой. Значителен процент жемчужника. Свообразие керамических материалов Среднего Притомья возможно имеет и хронологическое основание. Не исключено, что они ближе по времени стоят к большеереченскому этапу. Этот комплекс, на наш взгляд, следует предположительно датировать VIII-VII вв. до н.э., а может быть и несколько позже. По целому ряду объективных и субъективных обстоятельств трудно расценить материалы предшествующего переходного и начального этапа большеереченской культуры, материальная основа которой впитала традиции, в особенности орнаментальные, предшествующего времени.

К развитому периоду культуры раннего железного века относятся материалы упомянутых памятников Средней Томи, а также немногочисленные коллекции поселений Васильевка, Загорное, Голубево, городища Лебеди-У. Суммарная характеристика их сводится к следующему. Посуда плоскостенная, преимущественно баночной формы. Наряду с приземистыми встречаются узкие высокие сосуды. Орнамент расположен в непосредственной близости к обрзу венчика и представляет ряд жемчужин, иногда чередующихся с одной и более насечками или отгисками уголка лопаточки. Наблюдается некоторая закономерность: на средне-томской керамике и посуде поселений из районов юга Салаирского края чаще встречается жемчужник. В центральных и северных районах котловины керамика почти без орнамента. Первая группа па-

мятников типологически ближе к барнаульскому варианту большебереченской культуры. Вопрос о связи второй группы с обскими памятниками еще предстоит решить.

Финальный этап развития культуры раннего железа в Кузнецкой котловине не достаточно ясен. Отдельные материалы кулайской культуры (Лыскус, Лочиново, Елыкаевский клад) позволяют предположить, что в Среднее Притомье в конце I тыс. до н.э. проникает северное таежное население со своеобразной посудой и бронзовым художественным литьем.

Несмотря на относительную недостаточность материалов и территориальную ограниченность исследований, можно сделать следующие выводы: 1 - следует констатировать, что большебереченская культура распространялась к востоку вплоть до предгорий Кузнецкого Алатау; 2 - в пределах восточной периферии, в частности, в бассейне среднего течения р.Томи, шел тот же процесс формирования большебереченской культуры, что и на территории Северного Алтая. Тенденция эта отчетливо выражена в единстве материалов переходного от бронзы к железу времени; 3 - на бийском этапе материалы восточных районов обнаруживают близость к барнаульскому варианту большебереченской культуры; 4 - контакты с тагарской культурой были эпизодические в связи с относительной географической изоляцией и осуществлялись, вероятно, в пределах Томского Приобья.

Бородовский А.П.

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ БЫСТРОВКА-I

Декоративное оформление ритуальных изделий, как правило, отражает культурно-художественные особенности определенной религиозной традиции, связанной с конкретными территориями. Система композиций, символов, канонизация изображений являются одним из основных внешних признаков, на которые можно опереться при поиске художественно-идеологических истоков того или иного изделия. Это особенно важно и интересно, когда предмету нет прямых аналогий, но очевидна его связь с определенным культурно-историческим ареалом.

Искусство и ритуальные принадлежности большебереченской культуры представлены пока относительно немногочисленной серией, в которой особенно выделяется бронзовое зеркало из курганной группы Быстровка-I (IV-I вв. до н.э.). В публикациях, касающихся этого предмета, Т.Н.Трошкая указывала, что стиль изображений трех выгравирован-

них тигров явно не скифо-сибирский – отсутствуют условности, подчеркивающие мускулатуру, нет фантастических элементов, центр изображения заполнен геометрическим узором. Отсутствие аналогий изображению тигров и общая форма предмета позволяют связывать его со Средней Азией или Ираном (Троицкая, 1983). В то же время, по мнению того же автора, зеркало – несомненный атрибут культа у большеберечцев Новосибирского Приобья.

Учитывая импортный характер изделия, его ритуальное использование и отсутствие прямых аналогий, следует обратить особое внимание на характерные детали его декора и сами образы. Действенность этого приема достаточно убедительно доказана при анализе декорированных зеркал скифского времени (Максимова, 1936). Осмысление изображенных персонажей – одно из центральных звеньев такого анализа, т.к. декор на ритуальных вещах (зеркалах) имел не столько эстетическое, сколько магическое значение, усиливающие их охранительные воздействия (Хазанов, 1964).

При анализе изображения тигров на зеркале особенно бросается в глаза их реализм и динамичность, что проявляется как на уровне каждого конкретного изображения, так и всей композиции. Фигуры расположены по внешнему кругу с ориентацией против часовой стрелки, если держать зеркало орнаментированной поверхностью к себе. По мнению Т.Н. Троицкой, это три идущих тигра (Троицкая, 1983). Однако, сравнение характерных деталей изображения ног, хвоста, головы, туловища, маскировочных полос и положения фигур над нижней поверхностью линии круга, в которой они вписаны, с кинограммой движения кошачьих хищников, позволяет предполагать, что это прыжок, разложенный на три фазы: сбор перед прыжком и отталкивание; состояние свободного полета в прыжке; приземление на передние конечности. Если рассмотреть композицию всей сцены целиком в свете этого предположения, то получится бесконечный прыжок, где окончание предшествующего прыжка означает следующий и так до бесконечности. Такая композиционная особенность интересна в связи с достаточно определенной локализацией передачи движения в изображении тигров. Движение, переданное в одной или нескольких фигурах, с разложением на фазы, характерно для древневосточного искусства. В кругу изображений скифо-сибирского искусства известны как заимствованные оригиналы, так и их копии. Распространение изображений тигров существует в достаточно ограниченном поясе Северного Кавказа до Ордоса. В ряду известных изображений тигры с зеркала из Быстровки-1 одни из самых северных. Если по долготе частота встречаемости изо-

Изображений тигра велика, то в широтном отношении она явно ограничена. Однако, наибольшее количество случаев обнаружения этого образа отмечается в Средней Азии и в прилегающих к ней с востока и северо-востока сопредельных территориях. Изображения тигров в этом регионе наиболее реалистичны и точны, что, видимо, обусловлено непосредственным наблюдением природы. Кроме того, декор с тиграми в этом районе представлен наиболее разнообразно на самых различных культовых вещах и в различной манере исполнения — объемное литье, гравировка по металлу, резьба по дереву, тиснение. При сравнении фигур тигров с быстровского зеркала с известными на Алтае и в Средней Азии аналогами, поражает максимальный реализм первых в изображении маскировочных полос на теле животного. Если для назыриковского искусства этот элемент достаточно сильно стилизован, то для нашего случая воспроизведены малейшие характерные детали, вплоть до изменения направления маскировочных полос на груди хищника с вертикальных на горизонтальные.

Динамизм сцены на расследуемом зеркале, ее компоновка и учет того, что заглавленные движения фигур при функциональном использовании предмета изменится на противоположное, т.е. по часовой стрелке, позволяют видеть близкие аналоги в бронзовых жертвенниках древних саков. При оценке их композиций в целом совпадают характер их поз (от нествия до движений с терзаниями), направленность движения и соотношение сложной ажурной ножки-подставки в центре. В совмещенном плане она приобретает очертания многоугольника, близкого к изображенному на быстровском зеркале. Проведение таких аналогий в общем допустимо, т.к. обе категории вещей относятся к культовым и, кроме того, быстровское зеркало найдено в комплексе с каменным алтариком, за которым в литературе прочно утвердилась ритуальная принадлежность.

Все приведенные соображения позволяют предполагать более определенно связи самого зеркала (и его изображений) с сакским миром. Этот вывод не противоречит и культурно-археологической ситуации, фиксируемой с IV—III вв. до н.э. Целая группа авторов отмечает среднеазиатские, возможно, сакские, влияния, направленные в северо-восточном направлении. Одной из культур, испытавшей ошутимое среднеазиатское влияние, является и большебереченская на ее заключительном березовском этапе.

Кузнецова Э.Ф.

СПЕКТРОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТАВА БРОНЗ ПРЕДСКИФСКОГО И РАННЕСКИФСКОГО ПЕРИОДА ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Состав древних бронз Восточного Казахстана рассматривался во многих работах. В частности, С.С.Черников большое внимание уделял интерпретации серий спектральных анализов переходного периода от поздней бронзы к железному веку. Как известно, в это время наивысшего уровня достигло производство цветных металлов.

В лаборатории археологической технологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР проведены спектроаналитические исследования большого числа бронзовых находок из Верхнего Прииртышья предскифского и раннескифского времени. Это материал Шульбинской археологической экспедиции из зоны затопления Шульбинской ГЭС (1981-1984 гг.), коллекция бронзовых предметов, присланная нам с призывом артефакта "Алтайзолото" из Курчумского района Верхнего Прииртышья и серии медных и бронзовых изделий, в том числе случайные находки, из фондов краеведческих музеев городов Семипалатинска и Усть-Каменогорска.

Восточный Казахстан к началу железного века являлся одним из крупных металлургических центров, и его продукция, а точнее, высокооловянная бронза, по высказываниям С.С.Черникова, обеспечивала не только собственные нужды, но распространялась и в соседние районы, например, Северный Казахстан и Семипалатинье.

Данная работа построена на полученных нами спектроаналитических результатах химического состава вышеуказанных бронз (340 образцов). Поставлены задачи:

1) выявить различие в составе металла предскифского и раннескифского периодов;

2) составить сравнительную характеристику металлургических групп сплавов из Прииртышья с соседними регионами.

Проанализированный металл условно разделен на 2 группы: 1) предскифского и 2) раннескифского времени. Материал первой группы оказался более многочисленным (78%). Сюда вошли образцы из коллекции Курчумского района, археологические находки Шульбинской экспедиции из Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей (могильники у сел Измайловка, Белокаменка, Темір-Канка, Ковалевка, Джартаc и других) и музейные экспонаты. Типологический состав бронз разнообразен: орудия труда, оружие и предметы быта (долота, кельты, сер-

ны, ножи, кирки, наборы игл, шилья, наконечники стрел).

Вторая группа представлена археологическими находками из Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей — могильников у сел Измайловка (курганы 5, 16, 21), Бет-Кудук, Ак-Чий-Ш, Карашат-Ш и других, а также музейными коллекциями и случайными находками. Это в основном предметы конского снаряжения, быта и украшения: удила, обоймы, бляшки, котлы, зеркала, браслеты.

Хотелось бы отметить, что в коллекции Курчумского района, наряду с изделиями, в большом количестве представлены остатки производства с мест древних горных выработок и пунктов плавки металла. Это кусочки металла, капельки, слиточки, проволока, фрагменты предметов. Анализ этих образцов показал многообразие их состава — встречаются в чистом виде слиточки серебра, меди, свинца, цинка, железа и бинарные сплавы: меди с 10–20% олова, 50–60% меди с 40–50% олова, 10% меди с 90% олова, 90% меди с 10% цинка и другие. Это указывает на широкий диапазон легиатур, испробованных и примененных древними металлургами для производства разнообразных бронз. С другой стороны, это свидетельствует об обеспеченности сырьевой базой цветной металлургии в данном районе.

По результатам анализов состава металла обеих групп разработаны гистограммы примесей и сплавов. Вырисовалась единая картина доминирования оловянных бронз и их вариантов: оловянно-свинцовых, оловянно-мышьяковых, оловянно-цинковых и оловянно-свинцово-мышьяковых. Среди случайных и музейных образцов встречены вещи, сделанные из меди и медных сплавов с искусственными мышьяковыми и мышьяково-сурьмяными добавками. В целом, по характеру сплавов обе группы бронз не имели принципиальных различий в рецептуре ведущих типов сплавов. Вероятно, разработка металлургических рецептов металла скифского времени базировалась на предшествующем ей высокоразвитом производстве эпохи поздней бронзы.

Синхронный материал бронзовой продукции из соседних регионов отличался по примесям и набору легирующих компонентов. Металлурги Северного Казахстана наряду с оловянными (50%) пользовались медными изделиями (36%) и изделиями с добавками к меди мышьяково-сурьмяных примесей (14%). В Центральном Казахстане главенствующая роль принадлежала оловянно-мышьяковым (55%), затем оловянным (38%) и оловянно-свинцовым бронзам (7%). Наиболее близкими по составу к нашим оказались бронзы Восточного Семиречья (Талды-Курганская область). Здесь аналогами являлись оловянные и оловянно-мышьяковые сплавы; их гистограммы почти повторяют картину рецептуры вылеука-

занных групп бронзовых изделий из Верхнего Прииртышья. Однако, и в Семиречьи найдены отличные от последних, но характерные для данной территории сплавы на медной основе: мышьяково-свинцовые, мышьяковые и медные с высокими концентрациями мышьяка и свинца. Например, в кладе Бже (Талды-Курганская область) изделия оказались изготовленными из мышьяковой бронзы, в Иссыкском кладе (Алма-Атинская область) из меди.

Таким образом, бронзолитейное производство каждого региона было связано с деятельностью собственных металлургических центров, но отмеченные выше характерные совпадения металлургических рецептов, указывают на широкие межрегиональные связи и обмен металлом, который распространялся на большие расстояния от места производства.

Кулемзин А.М.

О МЕХАНИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ТАГАРСКИХ КИНЖАЛОВ

Как известно, изменения форм орудий труда и оружия диктуются стремлением к их функциональному совершенству. Поэтому, исследование механических свойств является основным ключом к пониманию закономерностей развития форм орудий и оружия.

Хорошую информацию с этой точки зрения дают тагарские бронзовые кинжалы минусинской группы, на признаках форм которых во многом зиждется и хронология, и периодизация, и трактовка происхождения тагарской культуры. Однако, существующие типологические схемы тагарских кинжалов во многом не отражают современный уровень состояния археологических исследований и могут быть дополнены другими методами. Они базируются только на визуальном рассмотрении форм кинжалов и на аналогиях с далекими территориями, но не проверены объективными методами оценки их качеств с точки зрения функций. В предлагаемом случае усовершенствование функционально важных элементов тагарских кинжалов будет рассматриваться в качестве главного критерия построения типологической схемы и относительной хронологии.

Кинжал состоит из 4 элементов: клинка, перекрестия, рукояти и навершия. Основные функции выполняют клинок (нанесение удара) и перекрестие (упор для руки и отражение встречного удара). Рукоять и навершие выполняют функции, не связанные с прочностью изделий. Мы исследовали прочностные характеристики лишь клинка, так как механические свойства перекрестий уже рассматривались нами ранее.

Расчеты показали, что, во-первых, сопротивление продольному изгибу, т.е. жесткость клинков тагарских кинжалов, изменялось в

зависимости от изменения формы их сечения. Следовательно, более ранними кинжалами должны быть те, которые имели менее совершенные сечения клинков. В данном случае улучшение их качеств шло в следующем порядке: линзовидное, ромбическое, с ребром жесткости, с жалобами.

Во-вторых, исследование прочности различных клинков с точки зрения соответствия их формы в плане распределения жесткости показало, что оптимальной формой является та, у которой величина жесткости более всего приближается к максимуму изгибающего момента. Значит, развитие клинка шло в следующем порядке: листовидное, прямое, клиновидное.

Корреляция обоих признаков показала, что худшие сечения чаще имели клинки с худшими формами в плане и наоборот лучшие сечения — с лучшими формами в плане.

Таким образом, объективные признаки различных элементов кинжалов выстраиваются в стройный эволюционный ряд, что позволяет уточнить существующие типологические и классификационные схемы. Учет этих обстоятельств будет способствовать более правильному размещению каждого конкретного изделия в системе однопорядковых вещей. Иное дело конкретная история, она, как правило, тем более в древности, не всегда шла ровно по прямой восходящей линии. Но в конечном итоге всегда побеждала одна идея — на смену менее совершенным орудиям приходили более совершенные. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо учитывать не один какой-то признак предмета, а возможно большую их совокупность. Только в таком случае будет обеспечена большая объективность выводов.

Дорженко Н.Д., Чмыхов И.А.

ОБ ИНДОИРАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В СЛОЖЕНИИ СКИФСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЭЛЕМЕНТОВ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗЛИЧНЫХ РАЙОНАХ ЕВРАЗИИ)

1. Генезис скифской монументальной скульптуры Причерноморья, поиск основных компонентов и корней этого яркого культурного явления — проблема, решение которой имеет большое значение для различных отраслей науки и культуры. В литературе устоялось мнение о влиянии на сложение скифской скульптуры, наряду с хеттским и ассирийским, какого-то местного предскифского компонента. Под последним обычно подразумевают киммерийские стелы (П.Н. Шульд, Г. Товчева и другие). Однако, представляется маловероятным, чтобы пре-

дельно стилизованные киммерийские скульптуры являлись одним из истоков формирования реалистического антропоморфного образа у скифов. Различные стилистические и композиционные традиции киммерийских и скифских скульптур свидетельствуют, очевидно, о принципиально различных эстетических ценностях и, вероятно, семантических нагрузках. В связи с этим особого внимания заслуживает известная традиция воссоздания образа человека из камня, уходящая своими корнями в эпоху неолита-ранней бронзы. Именно тогда, в особенности в третьей четверти III- первой четверти II тыс. до н.э. антропоморфные изваяния наиболее широко представлены в памятниках племен ямной культурно-исторической области. Впоследствии они могли оказать значительное влияние на формирование скифской скульптуры (А.А.Формозов, Н.Л.Членова).

2. Ближайшими аналогиями 16 скифских изваяний Причерноморья в памятниках других культур являются 20 изваяний позднеямного времени, происходящих с той же территории. Сопоставление скифских и позднеямных изваяний проводилось по морфологическим и иконографическим признакам. По степени близости к позднеямным скульптурам скифские скульптуры образуют 3 группы: 1) близкие по морфологической форме головы и плеч, общие пропорциям статуи (Грушевка, Киев, Елизаветинская, Днепронетровск, Заветинский могильник, изваяние № 2); 2) близкие по иконографии - стилистике и композиции, технике выполнения изображений, набору иконографических элементов (Бесскорбная, Терновка); 3) имеющие как иконографические, так и морфологические соответствия (Нововасильевка, Медерово, Бутори, Ольховчик, Сибюара). Очевидно, что скифские (VI-IV вв. до н.э.) и позднеямные изваяния связаны преемственностью, отражающейся в следующем: 1) сосуществовании плиточных и столбобразных (фалло-видных) изваяний; 2) акцентном изображении туловища человека; 3) оформлении профилей изваяний; 4) моделировке головы, плеч, их пропорции; 5) единстве сюжета - передаче образа человека (мужчины) с различными воинскими или жреческими атрибутами; 6) иконографической тождественности ряда элементов - утопченных плечах и предплечьях рук, а также расположении их (поза рук!), поясе и его оформлении, гривнах, топрах, символах власти.

3. Одинаковой, вероятно, является и смысловая нагрузка скифских и позднеямных изваяний, относящихся прежде всего к погребальным памятникам. Эти изваяния реально отождествлялись с Цурушей (Н.Д.Довженко, Н.А.Чмыхов; Д.С.Раевский) - мужчиной, считавшимся у индоиранцев воплощением и проводником знатного умершего в

загробный мир, и одновременно олицетворяли первопродка, представителя знати, важнейшие божества, вселенную в целом, универсальный закон существования вселенной и всеобщую сущность каждого явления и объекта.

4. Таким образом, в монументальном искусстве скифов отражены довольно архаические черты, передачи образа человека в камне, восходящие, по крайней мере, к концу III - началу II тыс. до н.э., то есть к эпохе индоиранского единства (Э.А. Грантовский и другие), что вполне закономерно при наличии у скифов отдельных черт мировоззрения, сформировавшихся еще на индоиранском уровне (Е.Е. Кузьмина). Близость скифской и позднейшей скульптуры, очевидно, подтверждает на материалах археологии уже прослеженное лингвистами (В.И. Абаев, Э.А. Грантовский) явление: часть индоиранцев оставалась на Пге Восточной Европы, в том числе и в Северном Причерноморье, вплоть до скифской эпохи, и пришедшие сюда скифские племена встретились не с чужеродным, а близким в языковом и родственном в культурном отношении населением (с общими для местного и этого пришлого населения традициями), что обусловило развитие скифских изваяний в форме своеобразного возрождения традиций, выработанных еще в раннем бронзовом веке.

5. Местные корни скифской причерноморской скульптуры свидетельствуют в пользу того, что, изучая возникновение скифских элементов культуры, в различных районах Евразии необходимо учитывать конкретную культурно-историческую ситуацию, существовавшую в каждом отдельном районе не только в раннем железном, но и медном и бронзовом веках.

Исмагилов Р.Б.

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ГУМАРОВСКОГО ТИПА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(ДРЕВНЕЙШИЙ СКИФСКИЙ КУРГАН ИЗ КАНСКОГО ПРИУРАЛЬЯ)

70-е гг. нашего столетия можно считать переломным в деле решения проблемы происхождения скифской культуры. Этот перелом стал возможен в связи с двумя удачами отечественной полевой археологии, связанными отнюдь не с территорией Северного Причерноморья: раскопками кургана Аржан в Туве (1971-1974) и Гумаровского могильника в Нижнем Приуралье (1980).

Погребение 3 Большого (Первого) Гумаровского кургана было совершено в катакомбе. Костяк пожилого воина лежал на спине (со сме- щением на правый бок), головой на восток-юго-восток. Его сопровож-

дал следующий инвентарь: котлевшая диадема из органического материала, от которой сохранились серебрянные гвоздики, и кожаный, отороченный мехом колчан с 89 наконечниками стрел (88 бронзовых и I несохранившийся железный), украшенный 5 литыми золотыми бляшками в виде фигурок оленей с лосиными головами и хвостовые позвонки овцы (?). На кургане в древности стоял относящийся к этому погребению олений камень. Очень вероятно, что с этим комплексом связан также обломок удила со стремевидным окончанием, найденный в погребении вооруженной савроматской "амозонки" У в. до н.э. из соседнего кургана 3.

Комплекс бронзовых стрел из Гумаровского кургана, крупнейший среди подобных наборов VIII-VII вв. до н.э. с территории нашей страны, имеет значение опорного для синхронизации памятников различных культур скифо-сибирского типа, поскольку в нем встречены общеевразийские наконечники (типа Ендже и ромбические в сечении) вместе с локальными азиатскими (черешковие трехлопастные) и восточноевропейскими (новочеркасский тип) формами. Кроме того, в наборе представлены втульчатые трехлопастные (с остролистой и сводчатой головками) наконечниками.

Гумаровский колчаный набор уверенно датируется рубежом VIII-VII или началом VII в. до н.э. Это позволяет относить к тому же времени памятники типа Уйгарак и Тагискен в Южном Приаралье, памятники новочеркасского типа и выделяемого на основе нашего комплекса памятники гумаровского типа Восточной Европы.

Для последних характерны: стрелы типа Ендже и редкие наконечники ромбического сечения; оленные камни; вещи, выполненные в традициях древнейшего аржано-маймирского этапа скифо-сибирского звериного стиля; стремевидные удила. Этот раннековечниковский культурный комплекс принципиально отличает малочисленные пока памятники гумаровского типа (Гумарово, Белогорадец, Ендже, Алексеевский (?)) от новочеркасских и черноговорских, которые принято относить к разряду киммерийских. Для Восточной Европы этот культурный комплекс, наиболее ярко отложившийся в Гумаровском кургане, можно считать инновацией, поскольку в памятниках предшествующего времени с этой территории прототипы для него полностью отсутствуют.

В этой связи обращает на себя внимание тувинский курган Аржан, в котором среди прочих вещей обнаружены все элементы того же комплекса, но более раннего (примерно на полвека) времени. Доказательством хронологического приоритета Аржана, в сравнении с памятниками гумаровского типа, является наличие в нем конской

обруч (удила со стержневидными трехдвухчатыми псадиями и костяные наременные бляшки), характерной для черногоровских памятников середины УШ-начала УП вв. до н.э. и отсутствующих уже в гумаровских комплексах.

Таким образом, определяющее значение восточного, центральноазиатского импульса для становления культур скифо-сибирского типа Азии и Восточной Европы несомненно. Представляется, что главную роль в деле формирования памятников гумаровского типа сыграло непосредственное перемещение людей с востока и, судя по ярко выраженному воинскому характеру погребений из Белоградца, Гумарово и Ендже, эти люди составляли отряды вооруженных всадников.

В плане этнической принадлежности памятники гумаровского типа в Восточной Европе можно связывать только с древнейшими скифами. Тот культурный комплекс, который принципиально отличает эти памятники от черногоровских (позднесрубных) и новочеркасских, позднее в несколько трансформированном виде получает широчайшее развитие среди скифских племен Предкавказья и Северного Причерноморья.

Мартынова Г.С., Новгородченко И.В.
РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЛАЧИНОВО-II

I. Поселение Лачиново-II расположено в Крапивинском районе Кемеровской области, на левом берегу р.Томи, в 800 м к югу от бывшей д.Лачиново. Ближайший населенный пункт - с.Салтымаково, расстояние до него 4 км к востоку от памятника. Поселение было обнаружено в 1982 г. на склоне разрушенной террасы. Абсолютная отметка террасы относительно уровня воды в июле - 7 м. Подземный материал представлен фрагментами орнаментированных и неорнаментированных сосудов.

В 1983 г. с целью выяснения условий залегания культурного слоя на памятнике была сделана зачистка длиной 9 м, ориентированная по линии север-юг. Стратиграфия зачистки: дерн и гумусированный горизонт, супесь светло-желтого цвета, суглинок черного цвета, глина голубого цвета. Культурный слой соответствует слою погребенной почвы, который начинается на глубине 1,8-2,3 м от дневной поверхности. Мощность культурного слоя 0,3-0,4 м. По северному профилю зачистки прослежено, что культурный слой понижается по склону, перепад высот на расстоянии 3,5 м составляет 1,8м.

Археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов и несколькими грушевыми. Плотность распространения материала — около II единиц на I кв.м.

2. В результате работ 1982—83 гг. обнаружены фрагменты 48 керамических сосудов. В основном керамика орнаментированная, не имеет орнамента только 3 сосуда (6,25 %). Два неорнаментированных сосуда удалось реставрировать, один из них круглодонный, другой — плоскодонный. Кроме того, найдены донца шести сосудов. Таким образом, видимо, только 14,6 % сосудов имели плоское дно. Венчики в основном прямые с округлым или прямым краем, встречаются и слегка вогнутые.

Орнаментированную керамику по способу нанесения орнамента можно разделить на 3 группы: 1) рельефный орнамент: ряд "жемчужника" и лунок; 2) резной орнамент: горизонтальные резные линии; ряды насечек; сочетание насечек и резных линий, резной сетки с насечками; орнамент из резных линий, образующих треугольник, в сочетании с резными горизонтальными линиями и насечками; 3) сочетание рельефного и резного орнамента: "жемчужник" и резные горизонтальные линии; "жемчужник", резные линии и насечки.

3. Сосуды поселения Лачиново-II имеют аналогии в керамике соседних территорий второй половины I тыс. до н.э. Наибольшее сходство обнаруживается с керамикой бийского этапа большебереченской культуры — преобладание орнаментированной керамики, венчиков с округлым краем, значительное количество сосудов, украшенных "жемчужником" — 48 % от всей орнаментированной керамики (Плетнева, 1973; Троицкая, 1978, 1979). Аналогии есть также в керамике Томского Приобья — V-III вв. до н.э. (Плетнева, 1973, 1977). Отличает лачиновскую керамику от кижировской отсутствие гребенчатого штампа. Таким образом, по керамическому комплексу поселение Лачиново-II можно предварительно датировать V-III вв. до н.э.

В литературе отмечалось, что восточная граница большебереченской культуры проходит по средней Ине (Троицкая, 1985). Материалы поселения Лачиново-II позволяют ставить вопрос о том, что граница проходила восточнее, по среднему течению р.Томи. Видимо, в этом районе существовал локальный вариант большебереченской культуры.

Троицкая Т.Н.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЛЕСОСТЕПНЫХ ПЛЕМЕН
В КОНЦЕ I ТЫС.ДО Н.Э.

У лесостепных племен Западной Сибири, относящихся к большереченской, а также саргатской культурам, в конце I тыс.до н.э. распространяется круговое расположение погребений вокруг центральной могилы.

На примере большереченской культуры можно проследить постепенный переход от одиночных могил под насыпью курганов VI-V вв. до н.э. (Ордынское-I) к их увеличению до 3-4 захоронений в V-IV вв.до н.э. (Н.Шарап-I) и до 10-12 к рубежу IV-III вв.до н.э. (Н.Шарап-2). При этом устойчивое юго-восточное расположение погребенных сменяется круговым вокруг центрального захоронения. С III-II вв.до н.э. и особенно во II-I вв.до н.э. такое расположение делается доминирующим. Оно четко прослеживается в большереченских могильниках Быстровка-I,3 (Троицкая), Камень-II (Могильников) Бл.Елбаны-III (Грязнов), отмечено оно и в курганах саргатской культуры (Корякова, Полосымак, Мошкова, Геняг и другие). Все исследователи этих памятников отмечают неустойчивость ориентации погребенных и пытаются выделить преобладающие направления их положения для конкретных территорий.

Однако детальное изучение обряда говорит о том, что нельзя говорить о неопределенной ориентации захороненных: она была строго устойчивой и направлена не в сторону какой-либо части света, а по и против часовой стрелки вокруг центральной могилы. Это, скорее всего, может быть объяснено представлением о связи жизни и смерти человека с движением светил в небесной сфере. Судить о специфике ориентации погребенных для конкретного региона можно лишь по центральной могиле, которая, к сожалению, почти всегда бывает ограбленной.

В курганах большереченской культуры конца I тыс.до н.э., видимо, хоронили всех членов семьи, вплоть до новорожденных. Под насыпью часто прослеживается ров с одним, реже двумя перерывами-выходами. Рвы почти всегда прерывались на востоке. В каждом из раскопанных курганов удается проследить участок, от которого идут два витка направления могил: налево - по часовой стрелке и направо - против нее. Причем это место чаще всего не совпадает с входом через ров и может быть расположено в любом участке. Число могил в витке различно. Одно из направлений может иметь от по-

ловини до полутора витков, другое может содержать одну, две и большее число могил.

Одним из наиболее ярких примеров кругового расположения захороненных является курган 2 могильника Быстровка-3 (II-I вв. до н.э.). В нем могилы расходятся от восточного входа двумя витками. В западной части кургана витки заходят друг за друга. Центральное ограбленное погребение, вероятно, имело западную ориентацию. По часовой стрелке направлено 7 могил с 12 погребенными, против нее — также 7 могил с 10 погребенными, одна могила полностью разграблена.

Необходимо отметить, что только в отдельных случаях виток бивает сплошь заполнен могилами. Большой частью в нем остаются пустые места, которые могут находиться в самом начале витка, его середине, конце и так далее. Курган 7 Быстровки-I не имеет центральной могилы. Стратиграфические наблюдения показывают, что последовательность сооружения могил не совпадает с последовательностью их расположения в витке. В этом отношении большебереченские курганы резко отличаются от кулайского могильника Каменный Мыс, в вытянутом кургане 3 которого удалось проследить последовательное нарастание погребений с запада на восток.

Все это может объясняться лишь тем, что каждому члену семьи предназначалось определенное место на участке, огражденном ровиком, точнее — валом вынутой из него земли. Диаметр рва (вала) был примерно одинаковым для разных курганов и не зависел от числа заключенных внутри него могил. Над каждой могилой насыпался небольшой холмик, позже холмики слились в одну насыпь. Поэтому курганы с большим числом могил имеют большую высоту. Это хорошо видно по статистическим данным могильника Быстровка-I, где было раскопано 14 большебереченских курганов с 64 могилами III-II вв. до н.э.

Дальнейшее детальное изучение половозрастной и имущественной характеристики погребенных в каждом кургане и сопоставление ее в их местом расположения под насыпью должно пролить свет на решение вопроса об особенностях погребального обряда при круговом расположении могил у лесостепных племен Западной Сибири в конце I тыс. до н.э.

Сидоров Е.А.

ПОСЕЛЕНИЯ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ

В последние годы количество фактического материала по большереченской культуре в Приобье значительно возросло. Раскопкам были подвергнуты курганные могильники Быстровка-1 (Троицкая, 1933), Быстровка-2, Милованово-2, 26 июня, Милованово-3 в Новосибирском Приобье. Исследование поселений до сих пор значительно отстает от исследования могильников, что не позволяет достаточно четко реконструировать динамику хозяйственного развития племен I тыс. до н.э. в лесостепном Приобье.

До сих пор опубликованы материалы раскопок лишь двух поселений большереченской культуры у с. Большая Речка (Грязнов, 1956) и Ордынское-9 (Троицкая, 1972), а общая характеристика этого вида памятников еще не дана.

Для ликвидации имеющейся диспропорции нами были систематизированы имеющиеся сведения по большереченским поселениям и произведены исследования на ряде памятников: поселениях Крохалева IIа, X кордон-4, Милованово-3 а.

В Новосибирском Приобье в настоящее время известно 16 поселений большереченской культуры. Из них Ордынское-9 и Милованово-3 а подвергались раскопкам. На 4 поселениях были вскрыты небольшие площадки, остальные известны из материалов разведок. Все известные поселения расположены на надпойменной террасе Оби, реже на возвышениях типа елбанов в ее пойме (Большая Речка, Мереть-1). В ряде случаев (25%) выбирались мысы в местах впадения небольших речек (Усть-Алеус-2, Милованово-6, Шелганушка-1, Каргополово-2). Расположение поселений на мысах, на наш взгляд, связано с тем, что в устьях речек, как правило, пойма более возвышена, на ней меньше болот и больше лугов, необходимых для выпаса скота.

Значительная часть поселений пострадала от современной хозяйственной деятельности человека, площадки распаханы или заняты под постройки, а иногда перекрыты более поздними средневековыми поселениями (Шелганушка-1, X кордон-4, Крохалева- II а) или песчаными наносами (Мереть-1). Рельефные признаки удалось проследить только на памятниках Милованово-3 а, X кордон-4, Боровое-2. Какие-либо следы укреплений на них отсутствуют. Жилищные впадины располагаются цепочкой. В одном случае отмечено 8 землянок, в другом - 20. Размеры впадин колеблются от 4 x 4 м до 8 x 7 м, глубина иногда до 40 см, но в большинстве случаев незначительна. На двух па-

мятниках (Крохалева-II и Милованово-6) рельефные признаки не видны, несмотря на непо потревоженности поверхности поселения. На 7 памятниках по обнажениям культурного слоя определены площади поселений. Они колеблются от 5 до II тыс. кв. м, в среднем составляя 7-7,5 тыс. кв. м. Единственным исключением является поселение Верхний Сузун-7, но его площадь определена весьма приблизительно (2,5 тыс. кв. м). Везде в лесостепной зоне культурный слой памятника представляет собой черную хорошо гумусированную супесь или суглинок толщиной 40-60 см, насыщенные культурными остатками. Насыщенность слоя на большинстве памятников колеблется от 12 до 30 находок на I кв. м - фрагментов керамики, обломков костей и поделочного камня. Некоторое отличие имеют поселения северной зоны (Шелганушка-I, X кордон-4), где слой имеет темно-серую окраску и, по-видимому, более слабую насыщенность, что, возможно, связано с меньшей ролью скотоводства в этих районах. Резко выделяется из общей массы памятник Милованово-3 а, культурный слой которого представляет собой серую супесь со слабой насыщенностью (на межжилищном пространстве 2 находки на I кв. м). Это отличие, а также расположение центральной части памятника в 150 м от края террасы объясняется, по-видимому, его наиболее поздней датой. Характер керамического комплекса и железный нож из жилища, аналогичный найденному на городище Дубровинский Борок-3, заставляют отнести памятник к березовскому этапу, возможно его концу.

В настоящее время в Новосибирском Приобье изучены остатки 8 жилищ большереченской культуры, из них 3 раскопаны полностью (поселения Ординское-9, Милованово-3 а, X кордон-4). Все они представляют собой полуземлянки подпрямоугольной формы площадью 40-60 кв. м и глубиной 30-60 см от уровня материка. Столбовые ямы не прослеживаются, что свидетельствует, скорее всего, о срубной конструкции стен. Очаги, расположенные в центре жилища, имеют бортики из обожженной глины или глинобитную обмазку, возможно, остатки рухнувшего свода. В ряде случаев прослежены длинные (до 3 м) коридорообразные выходы из землянок. Интересной особенностью некоторых жилищ является их двухкамерность. Вторая камера соединена с первой коридорообразным проходом и иногда также имеет очаг. Площадь второй камеры, как правило, меньше первой. Не исключено, что помимо землянок на большереченских поселениях существовали и наземные жилища.

Описанные признаки - размеры памятников, тип и расположение жилищ, характер культурного слоя - свидетельствуют о том, что по-

селения большереченской культуры являлись местом долговременного обитания оседлых скотоводов и земледельцев. Наиболее подходящим определением для поселений этого типа является селище.

Описанные нами археологические памятники аналогичны поселениям Барнаульского Приобья (Грязнов, 1956). Большереченские селища Новосибирского Приобья имеют много общего с однокультурными поселениями Барабинской лесостепи. Их объединяет характер культурного слоя, размеры поселения, однотипность жилищ (Полосымак, 1985). Значительное сходство прослеживается и при сравнении с поселениями лесостепной тагарской культуры (Мартынов, 1979). Как отличие следует отметить большую площадь ряда тагарских памятников и наличие среди последних городищ. Эти отличия характерны и для саргатских поселений, где также отмечены укрепленные поселения.

Малолетко А.М.

ТОПОНИМИКА "СКИФСКИХ" РАЙОНОВ АЛТАЯ

С.И.Руденко открыл и изучил уникальные археологические памятники скифского времени на Алтае. Эти алтайские "скифы" подобно саксам были европеоидами, что позволяет высказать предположение о их ираноязычности. Если исходить из этого предположения, то можно попытаться выявить в местах бывлой локализации "скифов" топонимы иранского происхождения. Задача эта не из легких, так как, во-первых, топонимы могли быть не переданы последующему населению (С.И.Руденко считал, что следы скифской культуры после 7 в. н.э. на Алтае не прослеживаются), во-вторых, за 2,5 тыс. лет топонимы могли быть утеряны, заменены или искажены до неузнаваемости. Тем не менее нами сделана попытка вычлнить в топонимике Горного Алтая этнические пласты и выявить топонимы, которые можно было бы отнести к иранским.

"Скифские" памятники концентрируются на Алтае на Башкаус-Чульшманском междуречье (Пазырык), в бассейне р.Урсул и в долине Катуня у с.Каганда. Нами была проанализирована топокарта этой территории, составленная более 100 лет назад, а также использованы отчеты путешественников (Г.Н.Потанин, В.В.Сапожников, В.И.Верещагин, содержащие большой топонимический материал. В топонимии указанных "скифских" районов выделяются следующие разноязычные топонимические пласты.

Русский пласт включает как "чистые" топонимы (рр.Тополевка, Талица, Пчельной, Еловый и другие), так и смешанные - Большая

Черга, Черный Ануй и другие.

Монгольский пласт представлен именами рек Эконур (правильно Экинор) — "большое озеро"; Чиндагатуй, приток Алахинского озера; Бого-Чилун — "малый? камень", приток р.Коротты, ныне Кураты, левого притока р.Урусул, ныне Урсул; Калгутты — "ущелье" (буквально "с воротами"), а также именем горы Хаирхан — "священная, почитаемая", левобережье приустьевой части р.Кан. Пласт сформирован группами западных монголов. Об этом свидетельствуют гидронимы Улжута (пине Улету), левый приток р.Каерлык, и р.Улжута, левый приток Катуня, в основе которых заложен этноним "олёт". Последние проникли на Русский Алтай из бассейна р.Кобдо. А "тезка" алтайской реки Калгутта из района Бухтарминского водохранилища свидетельствует о проникновении в верховья Катуня припртышских ойратов.

Туркский пласт включает несколько слоев.

Местный слой представлен топонимами типа Аюлу — "медвежья", Талду — "тальниковая", Каинча — "березовая", Джетн-кочко — "семь ошавин", Куркюре — "гремящая", Каснак — "уступ", Пичик-кая — "скала с писаницами" и другими.

Казахский слой представлен гидронимами Аши-су — "горькая вода", Куру-сай — "сухой лог", Коир — "струя", Терс-акан — "неправильно текущая".

Киргизский (по В.В.Сапожникову; возможно, казахский) слой включает гидронимы на -кан — "ключ, родник". Это Бере-кан — "туда ключ" (исток р.Берель), Ара-кан — "сюда ключ" (исток Коксу; оба ключа берут начало в одном болоте, но текут в разные стороны — в сторону Иртыша и в сторону Катуня), р.Кан (приток Чарыша), Арис-кан — "длинный ручей" (возможно, из алт.: "чаща, бурелом"; приток Катуня), Аяткан (но, возможно, из алт.: Ак-аткан — "медведь убит"; правый приток р.Кураган, ныне Иолдо). О былом проживании киргизов свидетельствует имя р.Киргиз, правого притока р.Кураган.

Тувинские топонимы многочисленны. Это рр.Кара-куджур — "черный солонец" (приток Башкауса), Кара-хем — "черная река", Кокур-кара-хем (притоки Чульшмана), Берткем — "труднопроходимая речка" (впадает в Катунь выше Аргута), Ак-хем — "белая река" (там же), Джеты-хем — "семь ключей" (левый приток Аргута) и другие. О пребывании тувинцев в долине Чульшмана в начале века сообщал В.И.Верещагин. В системе Аргута была известна р.Соен-Чадыр — "жилище саянца" (тув. "шадыр" — "шатер, юрта"; ныне р.Балтыргам, приток р.Коир), что также указывает на пребывание здесь тувинцев.

Хакасские топонимы отмечены только по р.Аргут между устьями

рр. Шавла и Тополевая: Сарн-кил (две реки) и Яри-джул.

Общетюркские топонимы вычлениются на основе их широкого территориального распространения и достоверной этимологии на основе различных тюркских (и монгольских) языков. К их числу можно отнести следующие топонимы:

1. Кара-кол (несколько рек в верховьях Агуя, в системе рек Шавла, Урсул), Аккол - "белая река" (правые притоки Катуня). Формант "кол" означает "река, приток" в древнетюркском, шорском, алтайском и других языках;

2. Котонда (ныне Катанда), приток Катуня. Котон - "коровий хлев" (як.), "некрытый загон для скота" (урянк.), "загон, скотный двор" (караим.);

3. Сары-Кобу, Саргоба в верховьях Чарыша. Кобу - "степь" (урянк.), "равнина между горными хребтами" (монг.), кобы - "балка, овраг" (азерб.), "лог, ложбина, впадина" (алт.);

4. Ело, Б. и М. Еломан (ныне Б. и М. Яломан) получили название от "ело" - "белоголовый орел" (алт.), "коршун", "орел-бвнятник" (як.), "аля" - "орел" (калм.). На карте, изданной в прошлом веке, один из левых притоков Аргута подписан "Ело Орел" (и ныне эта речка известна под именем Ело);

5. Кулак (река в верховьях р. Чеча), Ай-гулак (правый приток Чуи выше Белого Борма). В системе Чулышмана термин "кулак" использован в уменьшительной форме Кулоал (три притока выше устья Шавлы), а в системе Аргута - Кулован (ныне Кулоган). В основе топонимов лежит термин "кулак" - "ложбина между холмами", буквально "уха". Термин известен в азербайджанском, башкирском, казакском, киргизском, тувинском, хакасском, якутском, древнетюркском языках. Озвонченная форма (гулак) в имени притока р. Чуи, возможно, указывает на его (имени) огузское происхождение;

6. Сассык-булак (левый приток р. Калгутты), Булага (левый приток р. Кан; ныне имя утеряно) получили свои имена от "булак", известного в тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языках в значении "ключ, родник, источник", "речка, ручей". Судя по определенной части сассык - "вонючий" - приток Калгутты получил свое имя от казахов;

7. Формант "су", столь употребительный ныне, 100 лет назад практически не использовался. На старой карте в рассматриваемых районах с этим формантом показаны только два притока в системе Чулышмана - рр. Чедру-су - "черемуховая" и Карасу - "родниковая".

Гурские топонимы хунно-булгаро-чувашского типа были усмотр-

рени только в нескольких названиях рек с формантом "гур (ур)". Это Тынгур, левый приток Катуня. Предлагавшаяся многими авторами прозрачная этимология этого гидронима "бубен шамана" может быть отвергнута, так как известен эллиптированный (без географического термина) топоним Тынъ (левый приток р.Казатер). В р.Тынъ впадает р.Узунгур - "длинная река". В Шавлу (система Катуня) впадает река, имя которой зафиксировано на старой карте как Юмр. Позднее В.В.Сапожников привел другое имя - Юнгур, под которым эта река известна и на современных картах. В этом топониме четко выявляется компонент "гур", который является ныне забытым тюрками термином "вода", "река".

Самодийский пласт базируется на топонимах Морчага (левый приток Черного Ануя; ныне название утеряно) и Кеньга (левый приток р.Урсул; ныне Тенга). Первый содержит камасинский термин "чага" - "река", а второй является "тезкой" р.Кенга (ныне Тенга) в Томской области. Выше Морчаги в Черный Ануй впадает р.Изим (название сохранилось до наших дней). Река с таким же именем известна в системе р.Каерлык, правого притока р.Урсул. Оба топонима фонетически близки имени западно-сибирской реки Идзим, где имеется немало рек с самодийскими названиями (Буйбу и другие). В системе р.Кеньга наряду с типично тюркскими названиями (Буландык - "мутная", Сары-Кобу - "желтая ложбина") зафиксированы гидронимы, выпадающие из тюркского круга: Боброк-тыду, Шыдан-тыду (если только тыду не является искаженным тыт - "лиственница"). Рядом с р.Кеньга в Урсул впадает р.Угор (ныне название утеряно).

С формальной стороны Морчага и Кеньга могут быть отнесены к числу самодийских топонимов, но этого недостаточно для категорического утверждения.

Кетский пласт еще менее достоверен. Лишь единичные гидронимы могут быть отнесены к числу кетских. Река Козуль (правый приток Кана) содержит в своем имени компонент, соответствующий ассирийскому "уль" - "вода". Река Кустуканар в системе р.Черги имеет приток Кадзес, в имени которого последний компонент аналогичен кетско-енисейскому "зес" - "река".

Иранский пласт на общем фоне преобладающих тюркских топонимов проявляется более или менее явственно, но иранское происхождение каждого в отдельности может быть оспариваемо.

Известный скифский термин "тана" - "река" усматривается в гидронимах Асратан (правый приток р.Чакур в верховьях Чарыша), Саратан (система Чулышмана). Санскритское сарас - "река" формаль-

но можно увидеть в именах рр.Шараши (ныне Чарыш) и Сараса (система р.Песчаной), хотя эти названия можно вывести и из тюркского. В Туве две реки Сарай (левые притоки р.Барлык) содержат в своих именах санскритское понятие сарайю - "отрующаяся". В санскрите слово сара обозначает "вода", в осетинском сар - "верх, источник". Возможно, что эти термины отложились в именах рек Басара (ныне Каракол), Каин-сара - "березовая речка" (правый приток Катуня).

В р.Козуль слева впадает р.Козрей (ныне Карасу). Звукосочетание "эр" не характерно для алтайских (в широком смысле) и уральских языков. Оно возможно только в индоевропейском и в тибетских (?).

Несколько севернее, в истоках Ануя, на старой карте показана р.Чаанрес. В имени выделяется компонент "рес", который для тюркских, кетского, самодийских, монгольского языков не характерен. Все они не терпят в начале слова фонему "р". "Рес" в различных вариантах присутствует в именах р.Урез (левый приток р.Андыроп в Шорхи), Серес (Серех) в Кузнецком Алатау. По мнению А.К.Мавеева, компонент "рес" имеет иранское происхождение со значением "река".

Тувинское кем - "рска" является давним иранским заимствованием, и топонимы с этим компонентом принесены на Алтай тюрками Тувы.

Плост топонимов неясного происхождения. На анализируемой карте имеется немало топонимов, происхождение которых убедительно определить нельзя, возможно, вследствие сильного иноязычного искажения.

Для "скифских" районов отметим в бассейне верхнего течения Иртыша рр.Чеча, Мендой, Богоцу, в бассейне р.Урсул - Коротки, Агаре, Эдрер, в системе Катуня ниже устья р.Урсул - Чебо, и ниже устья р.Аргут - р.Маргала. Один из притоков Ян-Улагана (ныне - Б.Улаган) носил "кавказское" имя Калтарийон, а имя р.Ануя созвучно убухскому анойе - "река".

Возможно, что некоторые из этих гидронимов могут получить удовлетворительное объяснение и языковую привязку.

Что же касается предположительно иранских топонимов, то в них следует выделить более ранний индоарийский слой, возможно, связанный с носителями андроновской культуры (термин "сарас", "сара"), и топонимы, связанные со "скифским" населением эпохи раннего железа (топонимы с компонентами тан, хем/кем/геи).

На рассматриваемой территории имеется только один топоним, содержащий этноним иранского происхождения – р.Семисарт (правый приток р.Каерлык в системе р.Урсул). Он, очевидно, недавнего происхождения (монгольское и более позднее время). Но по другую сторону алтайского водораздела, в истоках р.Кобдо, В.В.Сапожников упоминает рр.Харьяматы, Шарьяматы. Здесь же была известна и р.Сары-мат, сливающаяся с р.Асхатты. Не исключено, что в этих гидронимах отражены названия ираноязычных племен (ср.: сарматы, савроматы): Харьяматы – "черные маты", Шарьяматы и Сары-маты – "желтые маты". Возможно, эти имена даны тюрками. Деление близкородственных племен на группы кара – "черные" и сары – "желтые" было очень популярно в среде азиатских этнических групп. Не исключено, что и засаянские мады, известные русским в XVII в., являлись отреченными иранскими племенами.

Отметим, что один из левых притоков р.Кобдо носит имя Саксай, которое формально можно этимологизировать с тюркского как "саков речка". Попутно отметим, что почти от Калгутты в сторону Монголии стекает р.Ойгур, названная, вероятно, по тюркской группе "уйгур".

Таким образом, топонимический материал по Алтаю, как нам представляется, содержит некоторые иранские элементы различного возраста. Некоторые из этих элементов связаны со "скифским" миром.

Киркин Ю.Ф.

ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Территория лесостепного Алтая в раннем железном веке была включена М.П.Грязновым в ареал расселения племен большереченской культуры, выделенной им в Верхнем Приобье. Население большереченской культуры занимало территории от предгорий Алтая на юге до Томского Приобья на севере, датировалась она VII–I вв. до н.э. и делилась на три хронологических этапа: большереченский (VII–VI вв. до н.э.), бийский (V–III вв. до н.э.) и березовский (II–I вв. до н.э.). Население было оседлым и вело комплексное хозяйство, в котором сочетались земледелие, скотоводство и охота (Грязнов, 1956).

Позднее на этой территории А.П.Уманским и В.А.Могильниковым была выделена каменная культура, которая, по мнению исследователей,

дователей, существовала одновременно с большереченской и сложилась в результате ассимиляции местного большереченского населения пришлыми кочевыми племенами (Могильников, Уманский, 1978; Могильников, 1980; Уманский, 1980; Могильников, Уманский, 1981). А.П.Уманский поместил каменскую культуру по левому берегу Оби и в Обь-Иртышском междуречье (Уманский, 1981). Правда, позднее он стал относить к каменским и памятники, раскопанные им в правобережье Оби, в частности, Новотроицкий могильник (Уманский, 1985). Точка зрения В.А.Могильникова и А.П. Уманского была подвергнута серьезной и обоснованной критике со стороны Т.Н.Троицкой, которая указала на то, что для подтверждения своих выводов они используют не все материалы, а лишь те, которые подтверждают их положения, совершенно отбрасывая при этом материалы многочисленных поселений (Троицкая, 1985).

Полученные в ходе работ автора и других сотрудников Алтайского университета материалы по эпохам поздней бронзы и раннего железа лесостепного Алтая позволяют уже сейчас решить вопросы о происхождении большереченской культуры, ее хронологии и культурной принадлежности памятников лесостепного Алтая в целом.

Формирование большереченской культуры происходит на базе местной культуры эпохи поздней бронзы, отличной от еловской, существовавшей в Томско-Нарымском Приобье. Выделение этой культуры было предложено автором на чтениях памяти А.П.Окладникова в 1983 г. и нашло отражение в печати (Киришин, 1985). Тогда же было предложено и ее название - корчажкинская. В 1985 г. на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Г.Н.Потанина в г.Новосибирске А.Б.Шамшиным была дана развернутая характеристика корчажкинской культуры. Корчажкинцы занимали лесостепное Алтайское Приобье и ближние районы Новосибирского Приобья и вели комплексное хозяйство, где большую роль играла охота, меньшую скотоводство, подсобную - рыболовство и земледелие. Корчажкинская культура сформировалась в результате взаимодействия местной елунинской и пришлой андроновской (Ю.Ф.Киришин). Погребальный обряд - грунтовые захоронения в скорченном положении на левом боку головой чаще всего на северо-восток. Для корчажкинцев характерен высокий уровень бронзолитейного производства. К корчажкинской культуре следует, на наш взгляд, относить и Осинкинский могильник, раскопанный Д.Г.Савиновым на Северном Алтае (Савинов, 1975). Корчажкинская культура и явилась той основой, на которой сформировалась большереченская. Это хорошо прослежива-

ется в погребальном обряде большереченского этапа, в орнаментации керамики, хозяйстве, традициях бронзолитейного производства. Несомненно, в этом процессе приняли участие и племена ирменской культуры, появившиеся на Алтае в эпоху финальной бронзы. До сих пор не решен вопрос о происхождении ирменской культуры, нет единой точки зрения о ее датировке. Н.Л.Членова относит ее к УШ-УП или даже к УП-УІ вв. до н.э. (Членова, 1969, 1970, 1973, 1981). Видимо, ирменская культура существует в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку, а ее население какое-то время сосуществует с племенами большереченского этапа большереченской культуры. В могильнике Суртайка Н.Л.Членовой вместе с ирменской и карасукской керамикой обнаружены бронзовые изделия, которые находят аналогии в раннескифских памятниках Горного Алтая и Тувы (Членова, 1973). Г.В.Масленниковой в 1985 году на поселении Цыганкова Сопка в Быстроистокском районе Алтайского края были обнаружены три, вложенные друг в друга и стоящие кверху дном, сосуда. Наружний и внутренний обычные большереченские, а средний типичный ирменский. Для ирменских племен Алтая встречаются как курганные, так и грунтово-е захоронения. О переходном характере большереченского этапа свидетельствуют и неустойчивый погребальный обряд. Преобладают погребения в скорченном положении, причем некоторые из них, как писал М.Л.Гриязов, сильно скорченные (1956), встречаются погребенные, уложенные на спину в вилочном положении. Хозяйство племен большереченского этапа продолжает оставаться скотоводческим. Так, на Елунинском культовом месте, раскопанном автором в 1976 г. и датированном им УП-V, а возможно и IV вв. до н.э., среди всех обнаруженных костей, кости домашних животных составляет 75,9%, а диких только 24,1% (определения Т.В.Калашиковой и А.В.Гальченко). Среди домашних животных лошадь составляет 58,5%, крупный рогатый скот 30% и мелкий 9,7%. Резкое преобладание лошади в стаде прослеживается и у елунинцев и у корчажинцев. Видимо, это было связано со способностью лошади добывать себе корм зимой. Большереченцы занимались и рыболовством, о чем свидетельствуют материалы того же культового места. Они ловили щуку, язя, карася, плотву, окуна и нельму (определения В.К.Вершинина). Таким образом, материалы большереченских памятников убедительно свидетельствуют о преобладающей роли скотоводства в хозяйстве.

В материалах У-Ш вв. до н.э. прослеживается дальнейшее развитие большереченцев. На бийском этапе прослеживается тот же

ти хозяйства, большое сходство в орнаментации керамики и в погребальном инвентаре. В погребальном обряде происходит постепенный переход к вытянутому положению костяка на спине. Существуют как курганные, так и грунтовые захоронения, которые не отличаются ни по инвентарю, ни по особенностям обряда. И в том, и в другом случаях есть захоронения в срубках и без них, преобладают захоронения на спине, но изредка встречаются и скорченники (Елунино). Существование курганных и грунтовых захоронений пока не находит объяснений, но подобное известно также у андроновских и ирменских племен и не является чем-то уникальным. Материалы могильника Староалейка, раскопанного автором в 1980–82 гг. и относящегося к V–III вв. до н.э., свидетельствуют, что здесь наряду с грунтовыми могилами были и курганные захоронения, инвентарь указывает на контакты с западными этническими группами, племенами Горного Алтая, Тувы и тагарской культуры (Кирьягин, 1984). Возможно, эти контакты были не прямыми, а опосредованными. Грунтовые и курганные захоронения большереченцев встречаются в Завьяловском районе Алтайского края (Калиновая Ляга) и в других местах. Материалы многочисленных поселений убедительно свидетельствуют о стабильности жившего здесь населения. Встречаемые в захоронениях кости овцы также не должны вводить в заблуждение при определении характера хозяйства. Кости овцы преобладают и в елунинских погребениях при большей доле коневодства в хозяйстве.

Проникновение каких-то групп степного скотоводческого населения начинается не раньше конца бийского – начала березовского этапа, однако, эти эпизодические проникновения не приводят к смене населения. Пришлое население ассимилируется большереченцами, более приспособленными к местным условиям. Об этом свидетельствуют как материалы могильников, так и поселений.

Представляется, что без характеристики поселенческих комплексов, отличных от большереченских, и их привязки к погребениям выделение каменской культуры не является обоснованным. Характерные ее черты, данные выделившими ее авторами, встречаются в широком хронологическом и территориальном диапазонах. Автор присоединяется к точке зрения Т.Н.Троицкой, согласно которой в лесостепном Приобье с VI–V по II–I вв. до н.э. существовала лишь одна большереченская культура, выделенная М.П.Гризиным. Она формируется в переходное от поздней бронзы к раннему железному веку времени на основе местных племен корчажкинской культуры при участии племен ирменской культуры эпохи финальной бронзы. Формирование

большереченской культуры заканчивается в VI в. до н.э.

Степанова Н.Ф.

КУЖМСКИЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ УШ-УІ Вв. ДО Н.Э.

Раннескифский период (УШ-УІ вв. до н.э.) на территории Горного Алтая изучен пока слабо. Памятников этого времени известно немного. Это погребения из могильников в устье р.Куум, Кок-су I (курган 42), Семисарт I, Черный Ануй и некоторых других. В основном это отдельные случайно раскопанные погребения.

В 1984 г. автором раскопано 6 объектов указанного времени в могильнике Элекманар-2 у с.Элекманар Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области. Надмогильные сооружения расположены компактной цепочкой, ориентированной с северо-запада на юго-восток. Захоронения совершены в небольших каменных ящиках, сооруженных на древней дневной поверхности или слегка заглубленных в землю. Ящики также ориентированы по линии северо-запад - юго-восток. Вокруг них, на подсыпке из мелкого галечника, в I-2, иногда в 3 слоя, набросаны камни, наброски в целом аморфны, но вытянуты с северо-запада на юго-восток. Умершие уложены скорчено на боку, головой, преимущественно, на северо-запад. Из вещей найдены бронзовые ножи, бронзовые и костяные наконечники стрел, украшения. В самом большом кургане (диаметром до 16 м), наполовину уничтоженном Чемальским трактом, сохранилось погребение лошади. Костяк находился в юго-восточной части кургана и был ориентирован головой на северо-запад. Здесь были найдены бронзовые стремечковидные удила, роговые трехдырчатые псалты, 2 бронзовые подпружные пружины, 6 пронизок и 4 пуговицевидные бляшки. Возможно, что в центральной части кургана находился ящик, так как там сохранились отдельные плиты, обломки костей человека (?) и бронзовый нож. Могильник датируется по инвентарю УШ-УІ вв. до н.э. или, по схеме Л.С.Марсадолова, УШ-УІІ вв. до н.э. (Марсадолов, 1985).

Благодаря раскопкам могильника Элекманар-2 появилась возможность датировать некоторые безинвентарные погребения. Так, подтвердилась датировка VII в. до н.э. безинвентарных погребений в ящиках из Усть-Кузюмского могильника (раскопки Г.П.Сосновского и Г.П.Сергеева) (Марсадолов, 1981). Так же, вероятно, можно датировать погребения в каменных ящиках, раскопанные на том же могильнике Е.М.Берс в 1964-65 гг. (Берс, 1974). В пользу этого

свидетельствует погребальный обряд: аналогичные конструкции ящиков, их ориентировка, наброска из камня на подсыпку из мелкого галечника. Между могильником Элекманар-2 и Усть-Кумским наблюдается наибольшее количество общих черт в погребальном обряде.

В Горном Алтае известно еще несколько погребений в каменных ящиках, в частности, на могильниках Нижний Тимечин-2 (раскопки В.А.Посредникова и М.Т.Абдулганеева) и Кара-Коба-2 (раскопки В.А.Посредникова). Здесь только в одном случае было найдено несколько фрагментов керамики с жемчужником, остальные погребения безинвентарные. С.В.Цыб отнес эти и некоторые другие захоронения в каменных ящиках к эпохе бронзы (Цыб, 1980). Но сейчас, когда появился новый датированный материал, правильнее, на наш взгляд, датировать их эпохой раннего железного века, VIII-VI вв. до н.э. Погребальный обряд отличается только в деталях от хорошо датированных погребений в каменных ящиках VIII-VI вв. до н.э.

Таким образом, на территории Горного Алтая выделяется особый тип погребений в каменных ящиках; его справедливо назвать кумским. Сюда относятся могильники Элекманар-2, Усть-Кумский, Семисарт-1, Нижний Тимечин-2, Кара-Коба-2 и некоторые другие, материалы которых пока не опубликованы. Эти памятники объединяет прежде всего погребальный обряд: наличие небольших каменных ящиков, составленных из плит, ориентированных по линии северо-запад - юго-восток; положение погребенных скорченно на боку, ориентированных головой в большинстве случаев на северо-запад; наброски из камней около ящиков. Такие памятники сейчас известны, в основном, в долине Катунь и по ее притокам: Усть-Кумский могильник находится в устье р.Кум, а Элекманар-2 - в I-I, 3 км от него, Нижний Тимечин-2, Семисарт-1 и Кара-Коба-2 - также в нескольких километрах друг от друга в долине р.Урсул у с.Ело Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области. Между двумя этими группами в долине Катунь известно еще несколько могильников с такими же каменными ящиками, раскопки которых пока не производились. Памятники кумского типа отличаются и от одновременных им захоронений, в частности, от погребений из могильника Кок-су-1 (курган 42), Маймирской степи, а также от более поздних, конца VI - III вв. до н.э. Если с захоронениями VII-VI вв. до н.э. кумские памятники аналогичны в инвентаре (стремечковидные удила, пронизки, ножи), то с памятниками пазырыкского типа практически нет ничего общего: прежде всего это

касается погребального обряда. По-видимому, мы имеем дело с различными культурными традициями.

Стерлин А.И.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ ПО ФРАГМЕНТАМ БЕДРЕННОЙ КОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Антропологическое исследование древнего населения лесостепного Алтая имеет значение для выяснения общих проблем расо- и этногенеза Северной Евразии, а также для изучения конкретной истории формирования коренных сибирских народностей.

Особенности костей посткраниального скелета человека в литературе описываются не так детально, как строение костей черепа, хотя по ним можно определить пол, длину тела, возраст, конституционные особенности индивидуума, а также некоторые перенесенные в течение жизни заболевания. К тому же, длинные трубчатые кости или их фрагменты сохраняются лучше, нежели черепа.

С целью реконструкции древнего населения лесостепного Алтая нами изучены скелеты (без черепов), отдельные кости и их фрагменты из раскопок лаборатории археологии АГУ (руководитель - к.и.н. Ю.Ф.Кирюшин) у села Елунино Павловского района. Всего 36 скелетов, из них 16 - детские.

Установление половой принадлежности взрослых индивидуумов проводилось с помощью разработанной нами ранее методики построения парных регрессионных моделей целой бедренной кости или ее фрагментов. Предварительно мы изучили корреляционные и регрессионные взаимосвязи 57 размеров 120 бедренных костей человека из трупов лиц обоего пола. Сказалось, что эти зависимости выражаются парной линейной регрессией $y = Y_{\text{ср.}} + (X - X_{\text{ср.}}) \cdot \lambda$, где y - значение какого-то размера на данной кости или фрагменте, который мы приняли за основной, $Y_{\text{ср.}}$ - среднее значение этого основного размера для данной группы объектов, X - значение другого параметра, который связан с основным парной регрессионной зависимостью, $X_{\text{ср.}}$ - среднее значение этой второй характеристики кости (фрагмента) для данной группы объектов, λ - коэффициент парной линейной регрессии между этими двумя размерами.

В процессе базового исследования были выявлены 10 размеров, использование которых позволяет с высокой степенью достоверности прогнозировать пол по целой бедренной кости. Этими остеометрическими характеристиками (нижняя ширина диафиза, сагиттальный диа-

метр в середине верхней трети диафиза и другие) мы пользовались в своей работе для установления пола скелета по целым бедренным костям. Из имевшихся в нашем распоряжении 20 скелетов взрослых людей с помощью этого метода определена половая принадлежность 12 скелетов.

Поскольку зачастую кости скелетов, в том числе и бедренная кость, могут быть повреждены, мы предусмотрели возможность определения пола по фрагментам костей. Для решения этого вопроса бедренную кость априорно поделали на несколько участков, более мелких, чем приводится в литературе: головку, шейку, середину верхней, средней и нижней трети диафиза и нижний эпифиз. Затем выявили математические зависимости остеометрических характеристик фрагментов, которые показали наилучшие результаты прогнозирования пола. С помощью этого метода нами был решен вопрос о поле еще 5 скелетов. Имея фрагменты костей, необходимо узнать длину самой кости, чтобы затем определить длину тела человека. Наш метод позволяет решить вопрос о восстановлении длины бедренной кости, используя ту же регрессионную зависимость между общей длиной и другими размерами кости, учитывая антропологическую группу по длине тела: малая, средняя или большая (Martin, 1914). Нами выявлены размеры, которые следует использовать для восстановления длины бедренной кости человека с наименьшими ошибками в каждой антропологической группе для мужского и женского пола. Зная длину бедренной кости, по общепринятым формулам и таблицам (Ширсон, 1899; Дюпертж и Хэдден, 1951; Найнис, 1972 и другие) мы определяли длину тела данного индивидуума. Из 20 скелетов взрослых людей пол и длина тела 3 взрослых индивидуумов определялись по другим длинным трубчатым костям, т.к. бедренные отсутствовали. Определение возраста и длины тела детских скелетов производилось с помощью данных А.П.Бондырева (1902), Л.А.Дмитриенко (1952) и другие.

Оказалось, что из 20 скелетов взрослого населения 9 принадлежало мужчинам, 11 женщинам. Длина тела представителей мужского пола колебалась от 161,3 см до 170,9 см, составляя в среднем $165,3 \text{ см} \pm 1,1$; длина тела представителей женского пола - от 145,4 см до 156,1 см, составляя в среднем $152,6 \text{ см} \pm 2,4$. Различия между средними данными достоверно с вероятностью $> 0,999$ ($=4,8$).

С помощью формулы Г.Ф.Дебеца (1963) мы определяли вес людей, живших вблизи современного с.Стунино в исследуемую эпоху. Средний вес мужчин оказался равен 76,8 кг, а женщин - 67,4 кг.

Различие в весе оказалось значимо (критерий равен 2,5) с вероятностью $> 0,95$.

Из 16 скелетов детей определение возраста было возможно сделать только у 14, т.к. двое погребенных были подвергнуты группосожжению.

Распределение по возрасту произошло следующим образом: до 1 года - 2 скелета, 1 - 3 года - 1, 3 - 7 лет - 3, 7- 12 - 8 скелетов.

Нами сопоставлены полученные данные восстановления пола древних жителей у с.Елунино по длинным трубчатым костям с данными изучения черепов от этих же скелетов в кабинете антропологии ТГУ (зав. - к.и.н. В.А.Дремов). Различие выявлено в одном случае (5%).

Таким образом, нами определено, что жившие в I тыс. до н.э. племена лесостепного Алтая по длине тела принадлежали, в основном, к средней группе, хотя среди мужчин встречались отдельные представители, тяготеющие к группе с большой длиной тела, а среди женщин - к группе с малой длиной тела. Детская смертность была большой - 16 из 36 или 44,4 %.

Мамонова Н.Н.

СКИФЫ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

1. Палеоантропологические материалы с территории Монголии чрезвычайно важны не только для решения исторических и расово-генетических проблем народов Монголии, они имеют первостепенное значение и при решении этих проблем на сопредельных с ней территориях.

2. Скифское время представлено большой остеологической коллекцией из Улангомского могильника и несколькими черепами, раскопанными в Убсунурском и Кобдосском аймаках (Алексеев, 1974). Улангомский могильник находится у подножия горы Чандмань близ г.Улангом, относится к сяно-тувинской культуре и датируется У-III вв.до н.э. (Волков, 1978). Цэвэндорж датирует могильник УП-III вв.до н.э. и называет эту культуру чандманьской (Цэвэндорж, 1978).

Улангомская серия представлена 146 костяками (69 мужских, 46 женских, 31 детских). В могильнике обнаружено 2 типа погребальных сооружений: коллективные (2 - 10) захоронения в срубках и индивидуальные или групповые (1 - 4) захоронения в каменных

ящиках.

3. Полностью собранный палеоантропологический материал из Улангомского могильника позволил выявить его палеодемографическую структуру. Установлены половозрастное распределение погребенных в срубах и каменных ящиках, преобладание мужских захоронений над женскими в связи с военными событиями, зависимость ранней женской смертности от деторождения, преобладание детской смертности в первые два года жизни. Это, по-видимому, связано с неудачными родами и периодом первоначального вскармливания. На многих костяках были отмечены патологические изменения, следы военных травм. Все это обусловило небольшой срок жизни людей, оставивших этот могильник — средняя продолжительность жизни с учетом детской смертности составляла 29–30 лет, только взрослых — 38–39 лет. Подобные цифры получены для населения тагарской культуры (Козинцев, 1971) и для скифо-сарматского населения Памира и Южной Сибири (Алексеев, 1972).

На основании распределения дискретно-варьирующихся (немерных, аномальных) признаков можно предполагать, что срубы представляли семейные захоронения. И, наконец, половозрастной состав погребенных, количественное распределение костяков в срубах, преобладание в отдельных срубах костяков убитых мужчин может быть свидетельством того, что этот могильник функционировал не очень продолжительное время.

4. Характер военных травм, их классификация по типам повреждений: открытые переломы, рубящие и колющие ранения — увязывается с типами оружия, бытовавшего в скифское время: чеканами, кинжалами, стрелами. Особый интерес представляет искусственная стертость зубов — коренных, реже вторых предкоренных на многих черепах. Форма и интенсивность стертости этих зубов не соответствует стертости остальных зубов.

5. Краниологическая серия из Улангомского могильника, а также несколько черепов, опубликованных В.П.Алексеевым, относятся к европеоидной расе с незначительной монголоидной примесью. На палеоантропологических материалах улангомской серии установлено, что монголоидная примесь в женской группе была выражена несколько сильнее, чем в мужской. Кроме того, наметились и различия между сериями черепов из срубов и каменных ящиков: на черепах из каменных ящиков монголоидная примесь выражена немного сильнее, чем на черепах из срубов. Однако при этом следует учесть, что серия из каменных ящиков значительно менее представительна. В целом черепа

из могильника Улангом относятся к европеоидной расе с незначительной монголоидной примесью. По-видимому, в этом могильнике фиксируются начальные этапы процесса метисации.

6. Морфологический комплекс признаков европеоидных черепов из погребений скифского времени обнаруживают значительное сходство с черепами из погребений Баянхонгор, синхронных афанасьевской культуре. Черепа из этих погребений характеризуются резко выраженными чертами европеоидной расы и обнаруживают сходство с афанасьевскими сериями Алтая и Тувы, отличаясь от них очень низким лицом. Таким образом, на территории Западной Монголии в доскифское и скифское время была широко распространена европеоидная раса.

7. Сопоставление краниологической серии из Улангома с сериями черепов из могильников тагарской культуры и могильников скифского времени с территории Тувы и Алтая свидетельствуют об их значительной близости. Наибольшее сходство обнаруживается между сериями черепов из могильников Улангом, Уландрык и тагарской культуры. Серии черепов из Тувы и Горного Алтая отличаются от них немного больше выраженной монголоидной примесью.

8. В заключение нужно сказать, что палеоантропологические материалы несут очень большую информацию не только для антропологических, морфологических, генетических и палеомедицинских исследований, но они являются чрезвычайно информативным материалом и для исторических исследований.

Матвеев А.В.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕОГРАФИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Вопросы географии Азиатской Скифии и расселения на ее территории отдельных племенных групп, названия которых сохранили нам античные письменные источники, неоднократно обсуждались в отечественной и зарубежной литературе. Один из них — локализация Рипейских гор и обитавших около них исседонов и аримаспов — имеет, по всей вероятности, непосредственное отношение к западно-сибирской археологии.

Рипей или высокие безымянные горы, фигурирующие в контексте с исседонами и аримаспами у Геродота (IV, 23, 25), отождествлялись исследователями с различными горными системами — Уралом, Алтаем, Тянь-Шанем, Кавказом и даже Карпатами. На наш взгляд, своим рас-

положением более всего соответствует легендарному хребту Урал. В пользу этого свидетельствуют, в частности, результаты проведенного Г.М.Бонгард-Левиним и Э.А.Грантовским детального анализа античной литературной традиции, помещавшей Рипей не к востоку, а к северу от Скифии. Еще более убедительной делает данную точку зрения аргументированная концепция И.В.Куклиной, показавшей, что исконной Скифией в узком смысле этого слова должно считаться не Северное Причерноморье, а среднеазиатский регион.

Таким образом, искать исседонов и аримаспов, если, конечно, рассматривать последних вслед за Аристеом, впервые о них упомянувшим, как реальный народ, необходимо в степных и лесостепных районах к востоку от Урала. Этот вывод хорошо согласуется с указанием Геродота о том, что исседоны обитают напротив массагетов (I, 201), то есть на одном с ними меридиане, как это понимается многими исследователями. Подтверждается он и созвучием этнонима "исседоны" с названием протекающей здесь реки Исети — притока Тобола. Основанное на значительно более поздних данных Птолемеем размещение этого народа далеко на востоке (Восточный Туркестан, Киргизия, Тибет) для ранних этапов его истории вряд ли может быть признано верным.

Имеются ли основания для сопоставления исседонов и аримаспов с конкретными археологическими культурами данного региона? Увы, их очень немного. И в известных нам отрывках "Аримаспейи" Аристеев, который, по мнению Дж.Болтона, действительно в УП в. до н.э. совершил путешествие к исседонам, и в произведениях других античных авторов содержатся лишь очень скудные их этнографические характеристики. Поэтому приблизиться к решению поставленной задачи можно лишь сопоставляя данные Аристеев и Геродота о вытеснении исседонов с их территории аримаспами с данными о миграциях археологических культур в указанной области в эпоху Аристеев, то есть в УШ—УП вв. до н.э.

Отмеченный период был во многом переломным в истории племен юга Западной Сибири и сопредельных районов. Наступление железного века, сопровождающееся закономерными изменениями в хозяйстве, материальной культуре, социальных отношениях и идеологии населения, сделало его временем быстрых и мощных культурообразующих процессов. В восточной части западно-сибирской лесостепи на базе ирменской культуры эпохи поздней бронзы формируются несколько новых культур, в том числе большереченская на Северном Алтае (М.И.Грязнов) и саргатская в Барабе. Западнее, в Тоболо-Иртышском

междуречье, на базе так называемых бархатовских памятников (Красногорское городище на Исети, Кучум-Гора на Ишиме и так далее) складывается байтовская культура, к которой, по справедливому мнению Н.П.Матвеевой, следует отнести ранее выделенные В.Е.Стойновым и В.А.Могильниковым памятники носиловского и ивановско-байтовского типов. Ранние этапы последних культур изучены пока еще недостаточно для того, чтобы более или менее полно охарактеризовать особенности их хозяйства. На основании ряда косвенных данных можно предполагать, что оно носило комплексный характер, а господствующей его отраслью являлось скотоводство, возможно, полукочевое.

Это же самое время ознаменовалось проникновением в лесостепь по долинам Оби, Иртыша, Ишима и ряда других западно-сибирских рек, имеющих меридианальное направление, северного таяжского населения с так называемой крестовой керамикой. Процесс его слияния с местными племенами нашел свое отражение в формировании ряда гибридных культур, в которых северные и южные черты оказались переплетены очень тесно. К ним следует отнести завьяловскую культуру в Томском и Новосибирском Приобье (Т.Н.Троицкая), красноозерскую на Иртыше и Ишиме (М.Б.Абрамова и В.И.Стефанов).

Начертанная схема размещения культур раннескифского времени на интересующей нас территории не оставалась стабильной. Имеющиеся данные позволяют констатировать, что уже в рамках УШ-УП вв. до н.э. саргатские племена начинают продвижение на запад и вскоре появляются на Ишиме. Здесь, судя по материалам исследованного автором в 1984 г. Ефимовского городища, они вступают в контакт с местным красноозерским населением. Дальнейшие вехи продвижения саргатов на запад наметить пока трудно. Известно только, что не позднее У-ІУ вв. до н.э. они уже появляются в Притоболье, в том числе на Исети, где начинают смешиваться с носителями байтовской культуры (Красногорский I могильник, курган І7; Рафайловское городище, раскопки Н.П.Матвеевой).

Таким образом, для эпохи Аристея мы можем отметить на территории юга Западной Сибири два достаточно крупных миграционных потока. Первый, начавшийся еще в эпоху поздней бронзы, — это перемещение в лесостепь таяжских охотников и рыболовов с крестовой керамикой, второй — миграция на запад с территории Обь-Иртышья саргатского населения. Каков из них есть основания сопоставлять с нашествием аримаспов на исседонов? По всей видимости, только второй. В пользу этого свидетельствует ряд фактов. Во-первых, территория байтовской культуры более всего соответствует локализации исседо-

нов по данным письменных источников. Во-вторых, описание Аристе-ем аримаспов как народа богатого лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом применительно из двух отмеченных групп мигрирующего населения только к саргатским племенам. Необходимо отметить также, что оно в значительной степени соответствует ряду имеющихся иранских этимологий имени аримаспов — обладатели послушных (или степных диких) коней, друзья коней, прекрасноконные.

Таким образом, сопоставление миграции саргатской культуры на запад в раннескифское время с нашествием аримаспов на Исседонов может быть принято в качестве гипотезы. Оценить ее справедливость, надо думать, помогут дальнейшие исследования в урало-среднеазиатском регионе, где должен был проходить путь Аристея. И вполне вероятно, что тогда станет возможным детально проследить описанные им передвижения племен, начавшиеся у подножья Рипейских гор и закончившиеся появлением в Малой Азии кельмерийцев и скифов.

Матвеева Н.П.

О ЖЕРТВЕННЫХ КАМНЯХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЗАУРАЛЬЯ

Каменные фигурные плиты с головой барана из Зауралья стали известными с конца XIX в. В настоящее время их насчитывается 23 экземпляра, 20 из них найдены в бассейне рр. Исети и Тобола, по одному — в Поволжье, Нижнем Приобье, Иранском Азербайджане. Большинство плит являются случайными находками.

О них в литературе существует два мнения. П.А.Дмитриев, к которому присоединились К.В.Сальников (1952) и В.Е.Стойнов (1969), считал их жертвенниками и, сопоставляя с каменными блюдами из Приуралья, Приднепровья, Северного Причерноморья, относил к скифскому времени (Дмитриев, 1948). В.И.Мошинская на основании стилистического сходства объединяла их с каменной скульптурой Прииртышья эпохи бронзы (1976).

Трудность в определении культурной принадлежности и датировки этих жертвенников состояла в невозможности связать их с определенными археологическими памятниками. Новые материалы из раскопок в Среднем Притобье позволяют сделать некоторые шаги в этом направлении.

В 1970 г. Т.М.Потемкиной в саргатском могильнике IV—III в. до н.э. Шикаевка был найден овальный жертвенный камень, близкий к плитам с головой барана. В 1974 г. на распаханных курганах у с.Духовка на р.Исети местными жителями были найдены еще две пли-

ты. Позднее, в 1982 г. нами там была собрана саргатская керамика. Наконец в 1985 г. при раскопках кургана на Рафайловском городище в одной из ямок под его насыпью были обнаружены два камня: зашлифованный со всех сторон обломок крупного реалистично выполненного изображения и целый, схематичный, лишь по форме копирующий аналогичные жертвенники, без проработки деталей. Рафайловский курган по бронзовым трехгранным наконечникам с трехгранной внутренней втулкой, сводчатой головкой, ложками вдоль граней и олуценными вниз шипами, а также по округлой поперечно сжатой из глухого красного стекла бусине датируется IV—III вв. до н.э., по погребальному обряду и керамике относится к саргатской культуре.

П.А.Дмитриев разделял жертвенные камни на две группы: реалистичные и схематичные (1948). Новые находки позволяют уточнить его типологию. По степени проработки деталей скульптур можно выделить три группы жертвенных камней: реалистичные, стилизованные и схематичные. К первой относятся овальные плиты, увенчанные изображением головы барана с сильно выступающей мордой, рельефными закрученными рогами, глаза, ноздри, губы также показаны выпуклым рельефом. Головы высечены в верхних частях камня и кажутся приподнятыми. Ко второй группе могут быть отнесены менее реалистичные изображения. Головы на них высечены таким образом, что кажутся лежащими на земле, сливаются с верхней и нижней плоскостями камней. Рога трактованы в виде изогнутого на концах выпуклого валика, ноздри и глаза переданы бугорками. К третьей относятся плоские овальные камни с выступом. Они лишь по форме повторяют жертвенники с головой барана, но такие детали скульптуры как рога, глаза, ноздри, рот не проработаны. Именно в эту группу следует включить шикаевскую, рафайловскую, а также обильевскую плиты и камень № 331 из Курганского музея.

Различие в технике исполнения плиток обусловлено, на наш взгляд, не столько индивидуальными возможностями мастеров, как полагала В.И.Мошинская (1976), сколько временем их изготовления. Тот факт, что в IV—III вв. до н.э. продолжали еще употребляться разбитые, изношенные плиты с реалистичными изображениями, а изготавливались уже схематичные жертвенники, свидетельствует о том, что зооморфная каменная скульптура Зауралья развивалась так же, как и искусство лесостепной и степной полосы Евразии того времени, от ярких реалистических образов конкретных животных к стилизации и схематизации. Наиболее выразительные и реалистичные

жертвенники, таким образом, вероятно, следует относить к самому началу раннего железного века, а третья группа, упрощенные скаматичные камни, можно датировать IУ-III вв. до н.э. Плитки второй группы, очевидно, занимают промежуточное положение между ними.

Каменные жертвенники, увенчанные головой барана, распространены только в лесостепном Притоболье и не встречаются в других районах саргатской культуры. Можно предполагать, что они были атрибутами культа барана, характерного для племен предшествующей саргатской байтовской культуры и воспринятого мигрировавшим в Притоболье в V в. до н.э. саргатским населением.

Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Циб С.В.

С.И.РУДЕНКО И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АЛТАЯ

Для современного поколения советских археологов имя С.И.Руденко связано в первую очередь с раскопками ярких памятников раннего железного века в горах Алтая. Однако исследованием этой эпохи не ограничился вклад С.И.Руденко в развитие знаний о далеком прошлом горной части Алтайского края. Целью доклада является рассмотрение нескольких проблем, затронутых исследованиями этого замечательного ученого-эрудита, а также демонстрация современного состояния этих вопросов.

До сих пор по-настоящему полно не оценена роль С.И.Руденко в исследовании афанасьевской культуры Алтая. Действительно, считается, что основной вклад в изучение афанасьевской тематики на Алтае внесли Г.П.Сосновский, С.В.Киселев, Е.М.Берс и другие археологи. Кроме того, недавно было установлено, что самые первые афанасьевские погребения на Алтае были раскопаны еще задолго до начала исследовательской деятельности С.И.Руденко - в 1865 г. у с.Онгудай В.В.Радловым (Циб, 1984). Однако, раскопки Сергея Ивановича, проведенные в 1924 г. на могильнике Арагол, дали определенный импульс развитию этой проблемы и оказали значительное влияние на дальнейшие исследования афанасьевской культуры.

В 1924 г. в Восточном Алтае работала экспедиция Русского Музея под руководством С.И.Руденко, одной из задач которой были археолого-этнографические исследования в данном районе. Археологические раскопки производились на основании Открытого листа, выданного ГАИМК на имя руководителя экспедиции. После окончания работ был направлен в ГАИМК "Краткий отчет о раскопках С.И.Ру-

денко, произведенных им по поручению Русского Музея летом 1924 г. в Восточном Алтае" (Архив ЛОИА АН СССР, ф.2, оп.1, д.126, л.2,3); два экземпляра этого отчета остались в Русском Музее (сейчас они в секции рукописей ГМЭ, ф.2, оп.1, д.72, л.10,11; д.152, II,2). Дневники раскопок экспедиции вел научный сотрудник этнографического отдела ГМ А.Н.Глухов, в них помещалось описание раскопок и планы раскопанных сооружений, которые, к сожалению, из-за неудачного масштаба, не пригодны к воспроизведению (СР ГМЭ, ф.2, оп.1; д.159). Именно в ходе этих работ в урочище Арагол (Улаганский район Горно-Алтайской автономной области) и были раскопаны два афанасьевских погребальных сооружения.

Аналогов арагольским погребениям в то время не существовало (онгудайские материалы были неизвестны), поэтому, сам С.И.Руденко отнес их предположительно к эпохе неолита (Руденко, 1926); эта мысль первоначально получила поддержку (Грязнов, 1926). Хотя в ближайшее время эти погребения, а также 4 других, раскопанных в Араголе в 1929 г., были все же признаны афанасьевскими (Грязнов, 1930), в некоторых современных исследованиях до сих пор делаются попытки представить арагольские погребения стоящими где-то на грани перехода от неолита к энеолиту (Хлобоотина, 1972, 1975). Исследования афанасьевских могильников в последние годы показали, однако, что отсутствие инвентаря в могилах и их внешней "неолитический" вид не противоречат их афанасьевской принадлежности. Отсутствие оград в восточно-алтайских могильниках Арагол и Балыштуль объясняется их разрушением в недавнем прошлом. По всем другим показателям эти памятники идентичны центрально-алтайским могильникам Курота-2 и Ело-1, имея некоторые региональные особенности. Отличие всех этих могильников от основной группы алтайских афанасьевских памятников (Нижний Тимечин-1, Усть-Кули и другие) объясняется их относительной древностью.

В 1925 г. в устье р.Кокса С.И.Руденко раскопал еще несколько афанасьевских погребений. К сожалению, полевая документация и коллекция находок сейчас обнаружить не удалось. До нас дошла только информация о результатах научной обработки антропологических материалов из Усть-Коксы (Дебец, 1948; Алексеев, 1961). От основной серии алтайских черепов афанасьевской культуры усть-кокские материалы отличаются наличием определенных средиземноморских черт. Примечательно, что такие же особенности отмечаются и для некоторых черепов из позднего афанасьевского могильника Усть-Кули (Алексеев, 1961; Дремов, 1980). По всей видимости, группа

усть-коксинских и усть-кумских черепов отражает процессы этнических взаимодействий афанасьевцев и предгорных племен III-начала II тыс. до н.э., поскольку в зоне, прилегающей к горным районам, найдены типичные палеоевропейские черепа - Ординское, Раздутье (Дремов, 1981), а появление средиземноморской примеси в афанасьевском типе может быть объяснено влиянием предгорного алтайского населения - Усть-Иша, Иткуль (Дремов, 1980).

Как уже отмечалось, наиболее яркими страницами в археологических исследованиях С.И.Руденко стали знаменитые Пазырыкские курганы, которым ученый посвятил большинство своих публикаций. Скифское время Алтая - основополагающая тематика его работ. Не смотря на это в своих полевых изысканиях С.И.Руденко затронул практически все периоды древней истории Горного Алтая. Не являются исключением и памятники средневековья.

Так в 1924 г. (подробно об экспедиции и ее материалах см. настоящие тезисы) С.И.Руденко и А.Н.Глухов (псевдоним Л.Н.Глушкова) начали раскопки известного в настоящее время могильника Кудыргэ, ставшего в дальнейшем базой для создания первой классификации средневековых периодов истории племен Горного Алтая (Гаврилова, 1965). На данном могильнике ими было вскрыто II курганов. В 1925 г. А.Н.Глухов раскопал еще 10 могил и 6 оградок. Материалы этих исследований были опубликованы в двух работах: С.И.Руденко "Алтайская экспедиция ГИМ, этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг." и С.И.Руденко, А.Н.Глухов "Могильник Кудыргэ на Алтае". В них были опубликованы основные данные полевых работ, правильно установлена датировка и культурная принадлежность большинства раскопанных курганов, как раннетюркская. Позднее, правда, некоторые курганы, в основном из раскопок А.Н.Глухова в 1925 г., были отнесены А.А.Гавриловой к часовенногорскому типу могил и датированы XIII-XIV вв. н.э. (Гаврилова, 1965). Хочется отметить, что некоторые находки из этих могил относятся к категориям вещей аскизской культуры, а некоторые погребения мы склонны считать собственно аскизскими.

В выше названных работах впервые был описан и известный камень - валун с изображением "сцен коленопреклонения", получивший дальнейшее толкование в ряде работ советских и зарубежных исследователей (Кызласов, 1949, 1964; Киселев, 1951; Потапов, 1953; Гаврилова, 1965). В докладе делается попытка рассмотрения этой сцены, как отображение конкретных элементов погребального обряда и верований тюркских народов Южной Сибири. Интересна и костяная

накладка луки седла, описанная С.И.Руденко и А.Н.Глуховым. Стоит отметить, что они верно определили заимствованные (ирано-сасанидские) и местные черты изобразительного искусства, развивавшиеся здесь еще со скифского и гунно-сарматского времени. Несмотря на краткость и некоторые неточности, эти статьи были одними из первых по средневековой истории Алтая. Они писались тогда, когда эта история только начинала изучаться.

Наряду с изучением курганов С.И.Руденко исследовал и поминальные каменные оградки. В том же 1924 г. в урочище Мешайлык, вблизи урочища Арагол на р.Улаган (где С.И.Руденко были раскопаны афанасьевские погребальные сооружения) им были вскрыты 2 тюркские оградки (ГЭ-4243), которые, судя по отчету, исследователь датировал тем же временем, что и курганы Кудирга, он считал, что данные оградки, так же как и другие представляют собой поминальные комплексы горноалтайских тюрок. Несколько отличающуюся по конструкции от Мешайлыкской оградку раскопал С.И.Руденко в Сайлигемской степи на р.Кокоря (Архив ЛОИА, д. 126).

В 1925 г. работы были продолжены. Два кургана были вскрыты на могильнике Катанда II в Уймонской степи и 3 кургана на р.Юкса (ГЭ-4390, 4392). Позднее материалы этих погребений были отнесены А.А.Гавриловой к различным типам памятников Горного Алтая (кандандинский, сросткинский и так далее) (Гаврилова, 1965).

Список раскопанных памятников средневековья могут дополнить впускные могилы из Пазырыкских курганов № 5 и 6 исследованных С.И.Руденко и А.А.Гавриловой в 1949 г. (ГЭ-1687, 2063).

Хотелось бы отметить и такой факт. В 1925 г. директор Бийского краеведческого музея М.Д.Копытов открыл курганный могильник в окрестностях с.Сростки. С материалами своих раскопок он познакомил С.И.Руденко, который назначил начальником отряда М.Н.Комарову и поставил перед ней задачу — изучение данного памятника. В этом же году было исследовано II курганов, материалы которых вошли в отчет С.И.Руденко (ГЭ-4381). На их основе в дальнейшем была выделена сросткинская культура Алтая (Грязнов, 1930).

Несмотря на то, что вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности средневековых памятников Горного Алтая не нашли широкого освещения в работах С.И.Руденко, необходимо отметить его заслуги в создании основ источниковедческой базы по средневековой истории Алтая.

Зах В.А.

ЛИНЕВО-І - ПАМЯТНИК ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ

1. Поселение Линево-І находится в 2 км к северо-востоку от с.Заречное Тогучинского района Новосибирской области, справа и слева от дороги ведущей на луга. К северу от поселения расположено оз.Линево-старица р.Ини. Терраса в этом месте образует мыс. Жилищные западины находятся в основании этого мыса и тянутся вдоль озера цепочкой с запада на восток за исключением тех, которые разбросаны и находятся у краев террасы. На поселении отмечено 9 западин, все они имеют подпрямоугольную в плане форму.

2. Раскоп был заложен в юго-восточной части памятника и захватывал два жилища, размерами 20 x 12 м и 15 x 12 м. Вскрыто 500 кв.м. Как выяснилось, западина больших размеров относится к ирменской культуре, меньших - к переходному времени от бронзы к железу. В данном случае мы остановимся на последнем комплексе. Вскрытое жилище представляет собой землянку прямоугольной формы площадью около 80 кв.м, глубиной от материала 0,3-0,4 м с хорошо выраженным выходом в сторону старицы, размеры его 1,5 м в длину и 1,2 м в ширину. Стенки котлована отвесные, рядом с ними и в центре прослежены столбовые ямки. Интересно, что подобные ямки прослежены у выхода: вероятно столбы, стоящие в них, несли на себе конструкцию вроде навеса. В центре жилища обнаружено два очага, в первом находилась кладка из камней, глубина его от пола 0,45 м, второй, глубиной 0,15 м, прослежен в виде прокала. В нем найден втульчатый с листовидным пером бронзовый наконечник стрелы. У стенок и в хозяйственных ямах фиксировались прокалы.

3. В северной части раскопа в 0,5 м от угла жилища прослежен ирменский зольник, в связи с этим сделаны интересные стратиграфические наблюдения. Во-первых, две столбовые ямки, относящиеся к жилищу переходного времени перерезали золистые слои, содержащие большое количество костей животных и чисто ирменскую керамику. Во-вторых, на разрезе четко фиксируется перекрытие слоев золь материковым выкидом из жилища. Этот факт свидетельствует о более позднем времени существования жилища, чем зольника. В слоях над выкидом найдена керамика переходного времени и реалистично выполненная костяная фигурка животного, вероятнее всего, лося.

4. Керамический комплекс представлен фрагментами приблизительно от 160 сосудов. Посуда плоскодонной и круглодонной формы. Сосуды больших размеров имеют молчановские венчики (профили). В

тесте содержится примесь песка и мелко толченого камня. Орнамент покрывал верхнюю треть сосуда. Преобладает гребенчатая техника нанесения узора, это оттыски печатного штампа, создающие впечатление "змейки", прямо поставленного штампа, "гусенички". В технике прочерчивания выполнен двойной зигзаг, сетка, параллельные линии. Отпечатки креста сочетаются как с гребенчатым так и с прочерченным орнаментом. На некоторых сосудах присутствует двойной ряд "жемчужин".

5. В общих чертах, керамический комплекс Линево-I близок керамике памятников Завьялово-I,5 (Троицкая, 1981), но есть существенные различия как в посуде, так и в вещевом комплексе. В линевской керамике отсутствует геометризм, на завьяловской присутствуют треугольники, выполненные гребенкой и крестом. Отличается состав теста и облик посуды. В линевском жилище, на полу найдено большое количество скребков и отщепов из роговика. Различаются бронзовые наконечники стрел: в Завьялово-5 - с короткой втулкой и пером, приближающимся к ромбическому, в Линево-I - с относительно длинной втулкой и пером, по форме эти наконечники близки стрелам эпохи поздней бронзы и VIII-VII вв. до н.э. (Аванесова, 1975).

6. Материал памятника Линево-I хронологически предшествует завьяловским комплексам, и отражает первоначальный этап расселения племен с крестовой орнаментацией керамики в западной части Обь-Чулымского междуречья и Приобья. Относительно незначительное количество ирменских черт в орнаменте посуды (сетка, параллельные прочерченные линии, двойной ряд "жемчужин") свидетельствуют о первоначальных контактах ирменского и таяжного населения. По нашему мнению, основное большинство ирменских племен, к этому времени, покинули рассматриваемую территорию в связи с изменением природно-хозяйственных условий и притоком таяжного населения, мигрировав в Верхнее Приобье. На Оби и в Барабе известны памятники позднеирменского этапа, синхронные, на наш взгляд, линевскому комплексу, который мы предлагаем выделить в линевский этап завьяловской культуры. При дальнейшем своем продвижении к югу линевцы вступают уже в непосредственный контакт с позднеирменским населением. Предварительная датировка линевского этапа конец IX - VIII вв. до н.э. О нижней дате говорят стратиграфические данные, о верхней - керамический и вещевой материал.

Кочеев В.А.

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ КУРГАНОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРНОГО АЛТАЯ

Население Горного Алтая эпохи раннего железного века, оставившее памятники пазырической культуры, имело устойчивый комплекс вооружения, характерный для многих скотоводческих народов. Ассортимент предметов вооружения представлен находками луков и стрел, колчанов, кинжалов, чекамов и ятов. Некоторые вопросы, связанные с военным делом древних горно-алтайцев, уже освещались (Суразаков, 1979, Кубарев, 1981).

В погребальных комплексах VI-II вв. до н.э. Горного Алтая среди предметов вооружения довольно часты находки бронзовых и костяных наконечников стрел. Причем, основная масса этих находок сделана в последние годы и многие из них опубликованы. Как в больших, так и в малых курганах Горного Алтая число стрел с костяными наконечниками значительно превышает число стрел с бронзовыми. Этот факт свидетельствует и о менее развитом комплексе наконечников стрел Горного Алтая по сравнению с другими территориями и, возможно, отражает местные особенности горно-алтайских племен в вопросах военного дела.

Малочисленность предметов вооружения в курганах Горного Алтая в свое время объяснялась их похищением при ограблении курганов (Руденко, 1960), слабой вооруженностью населения, связанной с географическим положением Горного Алтая (Руденко, 1960), своеобразными культовыми запретами (Киселев, 1949). В последние годы в погребальных комплексах пазырической культуры находки предметов вооружения, в том числе стрел, являются наиболее массовыми.

Можно выделить две большие группы костяных наконечников стрел, ряд отделов и типов, что позволяет несколько расширить уже имеющую типологию горно-алтайских наконечников (Суразаков, 1979).

Учитывая то, что подавляющее большинство костяных наконечников связано в основном с погребениями воинов, можно считать, что эти наконечники стрел использовались не только как охотничьи (Руденко, 1960), но и как боевые. Тем более, имеются факты нахождения костяных наконечников стрел в телах погребенных, что также указывает на их использование в качестве боевых (Кубарев, Кочеев, 1983).

Костяные наконечники известны на огромной территории Евразии с эпохи неолита до этнографической современности. Рассматриваемые нами костяные наконечники происходят из датированных погребальных комплексов и на основании этого мы можем судить об излюбленных фор-

мах костяных наконечников в скифское время в Горном Алтае, об общих тенденциях и особенностях древнего горно-алтайского населения в вопросах военного дела.

Гальченко А.В., Киришин Ю.Ф.

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ХОЗЯЙСТВА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

Перед исследователями, занимающимися изучением памятников эпохи поздней бронзы, встает ряд проблем, связанных с генезисом и эволюцией археологических культур на территории лесостепного Алтая в указанное время. Особую трудность представляет период, называемый постабдроновским, а в некоторых случаях предприменским. Правильное понимание этих проблем чрезвычайно важно для решения вопроса о происхождении культуры раннего железного века в Верхнем Приобье и о ее компонентах.

Дискуссионным до сих пор является вопрос о еловской и ирменской культурах. Одни ученые считают их двумя этапами единой культуры: ранним еловским и поздним ирменским. Другие исследователи предлагают рассматривать их как две самостоятельные культуры, оказавшие в процессе эволюции сильное влияние друг на друга. Одним из авторов настоящих тезисов в лесостепном Верхнем Приобье была выделена корчажкинская культура эпохи поздней бронзы, по времени синхронная еловской в Томско-Нарымском Приобье (смотреть тезисы Ю.Ф.Киришина в настоящем сборнике). В данном случае также неизбежно встает вопрос: самостоятельные ли это две культуры (корчажкинская и ирменская) или это два этапа одной культуры, тем более, что совпадают и ареалы их распространения. Если принять точку зрения о единокультурности ирменской и предшествующей ей корчажжинской (или еловской по ряду авторов) культур, то все данные по памятникам этих культур будут характеризовать оставивший их этнос с единой хозяйственной деятельностью, а существующие различия будут нивелироваться средними, общими данными, либо будут в лучшем случае выступать как локальные, в худшем, как хронологические. Таким образом, получится культура со "сборной" хозяйственной деятельностью. Следовательно, вопросы социально-экономической жизни и идеологии будут неверно освещены.

Данные анализа остеологического материала из памятников поздней бронзы лесостепного Верхнего Приобья подтверждают пра-

вомерность второй точки зрения. В исследуемое время на данной территории какое-то время существовали племена с двумя отличными друг от друга хозяйственными типами.

Племена ирменской культуры имели развитое производящее хозяйство с ярко выраженной скотоводческой его направленностью. На поселении Быково III кости домашних животных составили 98,1%, Быково I - 89,9% и Речкуново III - 84%. Причем намечается тенденция в изменении состава стада в пользу увеличения доли лошади в нем. На поселении Быково I она составляет 23,3%, Быково III - 30,1% и Речкуново III - 36,2%. По-видимому, с этим процессом связан и культ коня у этих племен.

Если сравнивать состав стада ирменских племен с составом стад других синхронных культур, то следует отметить значительную близость по этому признаку племен "валиковой керамики" и чутских племен Ферганы, то есть к типично скотоводческим племенам поздней бронзы. Качественный анализ остеологического материала из ирменских поселений свидетельствует о схожести скота у ирменцев со скотом племен "валиковой керамики". Наибольшее сходство демонстрируют копытные фаланги, которые имели хрящевые разрастания по краю кости. Подобные разрастания могли быть вызваны тем, что скот много передвигался, либо тем, что он использовался как тягловое животное, либо тем, что в это время происходили какие-то климатические изменения, вызвавшие изменения грунта.

На поселениях Быково III (Алтайский край) и Кротово I8 (Новосибирская область) обнаружены кости ослы. Костные остатки ослы по данным остеологического анализа из памятников синхронных культур на территории СССР отмечены у чутского населения Ферганы (Заднепровский, 1978). В целом состав стада чутских племен близок ирменскому. Основным отличием является отсутствие на ирменских поселениях костных остатков верблюда. Костные остатки верблюда найдены В.С.Удодовым на поселении племен валиковой керамики Новоильинка (Хабарский район Алтайского края). Обнаруженные на ирменских поселениях костные остатки собаки, позволяют сделать вывод, что они были крупноголовые с мощными челюстями, с крупными хищническими зубами, то есть это были собаки стоящие ближе к овчароидному пастушескому типу собак. При сравнении костных остатков собак "ирменцев" и "валиковцев" обнаруживается поразительная схожесть.

Таким образом, данные анализа остеологического материала из ирменских памятников свидетельствуют о наибольшей близости

хозяйственного типа ирменских племен хозяйственному типу племен валиковой керамики Восточного Казахстана. Учитывая и сходство археологического материала можно предположить возможность участия культуры племен валиковой керамики в формировании ирменской культуры (Кирхшин, 1985). Можно предположить, что наличие в ирменском стаде компонентов южной фауны связано с этими племенами. По-видимому, в исследуемое время между населением различных районов, но с одинаковыми хозяйственными типами могли существовать долговременные культурные и торговые связи.

Иная картина наблюдается на поселениях корчажинской культуры. Здесь хорошо прослеживается комплексность хозяйства. Наличие навыков развитого скотоводства сочетается с преобладанием охотничье-рыболовческого уклада. Так на поселении Костенкова избушка в слоях, относящихся к корчажинской культуре, домашние животные составляют 31,1%, а дикие 68,9%, причем крупные мясные животные 50,1%, а пушные 18,8%. Костенкова избушка, видимо, летнее поселение, здесь нет долговременных жилищ. На поселении Корчажка У, где имелись долговременные жилища полуземляночного типа, доля домашних животных составила 53,3%, а диких 46,7% и все они являлись костными остатками лося. Причем четко прослеживается охотничья специализация корчажинских племен. Из мясных животных охотились преимущественно на лося. На поселении Корчажка У, как уже отмечалось, 46,7% от общего количества костей, к тому же лось был единственным объектом охоты, на поселении Костенкова избушка кости лося от всех определяемых костей составили 45,4%, от всех диких 65,8%, а от всех мясных животных 90,6%. Это наглядно иллюстрирует значение лося как объекта охоты в жизни корчажинцев. На поселении Корчажка У были встречены зубы лошади с характерной стертостью, которая свидетельствует о применении узда. Видимо, лошадь использовалась как верховое животное и применялась для загонной охоты на лося в летне-осенний период до залегания глубокого снега. В пользу этого предположения говорит и количество костей лошади. Так на Корчажке У лошадь от всех домашних животных составляет 75%, а на Костенковой избушке 49%. Развитая пушная охота, возможно, свидетельствует о наличии торговых (меновых) связей с соседними племенами. Была развита рыбная ловля, о чем свидетельствуют костные остатки и орудия рыбной ловли. Прослеживаются ярко выраженные культы бобра, лося, медведя (Гальченко, Кирхшин, 1982). Костные остатки собак, обнаруженные на поселениях корчажинской культуры, принадлежат некруп-

ным собакам, по-видимому, древним лайкоидам, охотничьего типа собакам. Таким образом, для хозяйства корчажкинцев характерна комплексность с преобладанием лошади среди домашних животных и лося как главного объекта охоты среди диких животных. Такой тип хозяйства близок елунинской культуре эпохи ранней бронзы.

Полученные материалы с ряда поселений свидетельствуют об определенной синхронности ирменских и корчажкинских памятников. Сейчас пока трудно сказать складывается ли ирменская культура на базе корчажкинской под влиянием пришлых племен, носителей воротничковой керамики, или ирменцы появились здесь уже в сформировавшемся виде, возможно, проникая сюда в весенне-летний период со стадами скота из соседних районов. Для лесостепного Алтая характерны временные сезонные (летние) стоянки ирменцев, в то время как для Новосибирского Приобья долговременные крупные поселки (Ирмень, Милованово). Эти проникновения не приводили к вытеснению местного населения, как было в Новосибирском и Томском Приобье. Разные типы хозяйства позволяли корчажкинцам и ирменцам сосуществовать, контактируя между собой. Это постоянное взаимодействие в эпоху финальной бронзы и в переходное от бронзы к железу время привело к формированию культуры раннего железного века большебереченской.

Шамшин А.Б.

ПОСЕЛЕНИЕ МЫЛЬНИКОВО – ПАМЯТНИК ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА

Переходный период от эпохи бронзы к эпохе железа является очень важным для познания целого ряда проблем: сложения культур скифского типа, формирования в степях кочевого хозяйства, утверждения развитой социальной структуры общества на стадии военной демократии и других. Не осталось в стороне от этих процессов и лесостепное Барнаульско-Бийское Приобье, однако, до недавнего времени эпоха эта была изучена здесь крайне недостаточно. По существу единственным опубликованным материалом по указанному периоду оставались находки М.П.Грязнова у с.Большая Речка (Чаузово) (Грязнов, 1956). За прошедшее время раскопывались и новые памятники этой эпохи: Бобровский могильник (Э.М.Медникова), Елунинское культовое место (К.Ф.Киряшин), поселение Мыльниково (А.Б.Шамшин), однако, материалы их пока не опубликованы. В тоже время некоторые из них столь оригинальны (поселение Мыльниково), что позволяют не только по-новому подойти к выяснению культурной принадлежности и датировке данно-

го памятника, но и поставить ряд вопросов в целом по переходному периоду.

Поселение Мыльниково находится в Первомайском районе Алтайского края на месте бывшей деревни Мыльниково, на правом берегу Оби, на берегу Обской протоки. Рядом проходит кромка бора. Памятник был открыт А.Д.Сергеевым в 1954 г., которым тогда же были проведены на нем небольшие разведочные раскопки. Поселение Мыльниково упомянуто М.П.Грязновым в числе памятников большереченского этапа Большереченской культуры (Грязнов, 1956). Нами вскрыто на поселении более 200 кв.м.

Памятник аварийный и разрушается строящимися садовыми домиками. Раскопано частично разрушенное гаражом жилище. Культурный слой поселения отличается значительной плотностью находок и большой мощностью, достигающей в жилище вместе с перекрывающим его сверху русским слоем 1,4 м. В культурном слое встречено три одновременных ему могилы. В результате раскопок найдены: бронзовые нож и втульчатый наконечник стрелы, костяные изделия (наконечники стрел, проколки, гарпуны и другие) и большое количество керамики, в том числе более двадцати развалов и целых сосудов. Наиболее яркой чертой керамического комплекса Мыльниковского поселения являются его сильные позднебронзовые традиции, причем, что интересно, прежде всего корчажкинские, а не ирменские. По бронзовому наконечнику стрелы и ножу памятник датируется УШ-УІ вв. до н.э., однако, судя по характерной керамике, видимо, правильнее датировать его 2-й половиной УШ-УІІ вв. до н.э.

Нам представляется, что материалы поселения Мыльниково являются результатом дальнейшего развития местной корчажкинской культурной традиции, уже смешавшейся с ирменской и постепенно "поглощающей" последнюю. Судя по полученным находкам, поселение Мыльниково вряд ли можно в полной мере отнести к большереченскому этапу большереченской культуры, как это делал М.П.Грязнов.

Еще в 1956 г. М.П.Грязновым было отмечено, что большереченский этап большереченской культуры складывается на позднебронзовой основе, что подтверждается преемственностью погребального обряда, инвентаря и типа хозяйства (Грязнов, 1956). В то же время он считал, что отличия достаточно существенны. На Ближних Елбанах, например, встречается либо большереченская, либо карасукокая керамика. Переходных форм нет (Грязнов, 1956). Материалы поселения Мыльниково вносят определенные коррективы в это положение. Здесь обнаружена керамика, отражающая процессы перехода позднебронзовой (корчажкинско-ирменской) традиций в большереченскую. Известны

подобные материалы и в Новосибирской области (поселения Кротово I6, I7, Мереть II, городище Ивановка III в Новосибирском Приобье, поселение Туруновка IV в Барабе (Молодин, Колонцов, 1984).

В 1979 г. В.И.Молодяным были выделены так называемые позднерменские памятники, отличные от ирменских и соединяющие в себе как черты последних, так и памятников большереченского этапа (Молодин, 1979). Позднерменский этап на Верхней Оби он датирует концом VIII-началом VII вв. до н.э. В.И.Молодин отмечает, что на разной территории судьбы позднерменского населения были различны. На Верхней Оби этот этап, видимо, эволюционировал в большереченский этап большереченской культуры (Барнаульское Приобье). Таким образом, позднерменский этап явился здесь промежуточным в эволюционно-генетической линии ирмень - поздняя ирмень - большереченский этап (Молодин, 1984). В Новосибирском Приобье этот процесс был нарушен приходом северного таежного населения, принесшего крестовую орнаментацию в керамике. Здесь складывается культура завьяловского типа (Троицкая, 1979, Молодин, 1984). Незначительное продвижение "крестовиков"-таежников фиксируется и в Барнаульско-Бийском Приобье, судя по материалам Ближних Елбан, Мыльниково и других памятников. Однако это продвижение было в значительной степени уже ослабленным. В свете вышеизложенного правильнее, видимо, будет относить памятники типа Мыльниково не к большереченскому этапу, а к особому периоду финальной бронзы (в отличие от поздней бронзы,- корчажки и ирмени), датировав его 2-й половиной VIII-VII вв. до н.э. Скорее всего жизнь на поселении Мыльниково не закончилась в кратковременный период финальной бронзы, а продолжалась и когда на Верхней Оби существовал уже большереченский этап большереченской культуры.

Кубарев В.Д.

О ЛОКАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА АЛТАЕ

В настоящее время особый интерес вызывает вопрос о выявлении культурно-генетических связей между энеолитическими памятниками Алтая и других регионов Южной Сибири. Открытия ряда уникальных захоронений в каменных ящиках Кузмского могильника позволяют сопоставить их с погребениями развитого этапа окуневской культуры Среднего Енисея (Хлобыстина, 1975). Кузмские погребения демонстрируют также момент соотношения афанасьевских и окуневских захоронений. Судя по их взаимному расположению хронологический разрыв между ни-

ми был незначителен. Совершенно идентичная ситуация наблюдается и в одном из курганов Каракола, исследованных автором летом 1985 г.

Курган № 2 (диаметр насыпи 19 м, высота не более 0,5 м), сооруженный на вершине невысокого холма, содержал одно (центральное) погребение женщины с ребенком в грунтовой яме и три впускных погребения мужчин в каменных ящиках, установленных почти на уровне древней поверхности. Основное погребение принадлежит носителям афанасьевской культуры (восточная ориентация, скорченный костяк женщины и дно ямы посыпаны ярко красной охрой, в ногах костяк ребенка и небольшой керамический сосуд с шаровидным туловом и характерным орнаментом).

Впускные погребения в каменных ящиках располагались в южной половине кургана, как бы окружая со всех сторон центральное. Они, вероятно, одновременно погребальным комплексам окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Об этом свидетельствуют и типичный для окуневцев погребальный обряд (небольшие - "укороченные" каменные ящики в неглубоких ямах, западная ориентация, наличие следов красной и черной краски на черепах и отсутствие сопроводительного инвентаря и тому подобное), но самое главное - присутствие рисунков на отдельных плитах каменных ящиков. Выполненные выбивкой, гравировкой, протиркой, красной и черной красками, они разнообразны по сюжетам и стилю. Судя по их расположению и многослойности, когда одни рисунки перекрыты другими, представляется возможным выделить несколько хронологических пластов. Одними из первых были нанесены без сомнения изображения лося, головы лося (неолит), затем поверх них глубоко вырезаны или выбиты рисунки доокуневского (афанасьевского?) периода. К ним, возможно, относятся чашечные углубления, изображения птицы, шагающего человека с лучами-перьями вокруг головы и другие. К собственно окуневским можно отнести примитивные эскизные гравировки тончайшими линиями и рисунки, выполненные краской. Особенно редкой и потому удивительной представляется серия зооантропоморфных фигур, нанесенных сочетанием красной и черной красок на внутренних сторонах каменного ящика погребения № 2. Их стилевое единство, вхождение в законченную композицию, а также единая техника исполнения - все эти моменты опять же свидетельствуют о монокультурности и одновременности создания каракольских полихромных рисунков. Бесспорным является и то, что все они непосредственно связаны с погребением и имели какое-то определенное, может быть оградительное значение, как, например, еще одна характернейшая деталь погребений Каракола - узкая полоса темно-красной охры,

нанесенная по верхнему (внутреннему) краю двух каменных ящиков кургана № 2.

Безусловно, уникальные погребальные комплексы Каракола заслуживают самого пристального рассмотрения не только как своеобразные изобразительные памятники культуры палеометалла, но и как свидетельство прямых контактов энеолитического населения Алтая с родственными племенами восточных провинций Южной Сибири.

Шамшин А.Б., Навротский П.И.
КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК РОГОЗИКА I

Могильник находится на пашне в 3 км к северо-западу от с.Рогозика Павловского района. Он был открыт в 1980 г. А.Б.Шамшиным, которым при обследовании выявлено 26 курганных насыпей. Вследствие интенсивной распашки в настоящее время часть курганов разрушается. В 1985 г. проведены аварийные раскопки могильника экспедицией Алтайского государственного университета. Вскрыто 12 курганов диаметром от 11 до 30 м и высотой 0,3-0,5 м. К раннему железному веку относятся 9 курганов (№№ 11,12,13,16,17,18,19,23,24), 2 - к сросткинской культуре (№№ 10,15) и один не имел могил под насыпью (№ 21).

Количество погребений в курганах раннего железного века от 2 до 18. Общим является наличие центральной могилы (в кургане 18 - две). Остальные расположены вокруг нее, причем по-разному: в части курганов по замкнутому кольцу (в кургане 16 - два кольца; одно сделано до сооружения насыпи, второе образовывали впускные могилы), в других - по спирали. Захоронения произведены в грунтовых ямах прямоугольной, подпрямоугольной и овальной формы, глубиной до 3 м от дневной поверхности. Погребальная камера, как правило, имела перекрытие в 1-5 слоев. Однослойные перекрытия преимущественно продольные. В многослойных верхние продольные накаты бревен и жердей держались на положенных поперек могилы горбылях или плахах. Часто под перекрытием встречалась обкладка могил в виде рамы из бревен, горбылей, плах. Во всех случаях погребенные уложены на спине вытянуто. Выделять преобладающую ориентировку не имеет смысла в связи с круговым расположением могильных ям. Центральные же могилы во всех курганах разграблены полностью. Захоронения одиночные, лишь в трех случаях похоронено по два умерших. В могилах отмечено наличие жертвенной пищи в виде частей туш козы, барана, лошади, положенных в головах погребенного.

Курганы были ограблены и поэтому часть вещей, возможно, выну-

та из могилы или сдвинута с места. Определенно можно сказать, что сосуды, в том случае, когда они ставились в могилу, располагались в ногах слева от погребенного (в кургане 9, могила 6 - два сосуда рядом). В одном из захоронений найден железный чекан около правой руки. Ручка его отсутствует, видимо, она была деревянной. На левой руке - железные остатки обкладки щита. В одном случае в могилу была положена стрела с костяным наконечником. Прочий погребальный инвентарь представлен каменными курильницами, украшениями, железными ножами, пряслицами.

Курильницы различных форм (прямоугольные с закругленными краями, округлые), сделаны из серого камня. Одна курильница из красного камня - ладьевидная. Встречена курильница на поддоне. Частой находкой являются пряслица: плоские (керамические и каменные), конусовидные, трапецевидные, биконические усеченные (все последние - глиняные). Иногда пряслица украшались орнаментом в виде расположенных по кругу ямок.

Бусы нескольких групп и видов:

- меловые (трубочки - пронизки, круглые, бочонкообразные);
- пастовые (кольцевидные, шаровые) различных цветов: зеленые, синие, голубые, молочные-белые;
- костяная маленькая круглая бусина;
- бронзовая цилиндрическая пронизка, скрученная из фольги;
- золотые: мелкие гофрированные пронизки из крученного листа фольги, крупная бочонковидная бусина и крупная цилиндрическая пронизка.

Из других украшений можно выделить золотую спиралевидную проволочную и бронзовые проволочные серьги, наборные подвески из бронзовой проволоки и бусин, золотые пластинчатые нашивки (гладкие и с тиснением), булавку из железа, обернутую золотой фольгой и шаровой головкой, бронзовый перстень.

Из железа сделаны найденные в кургане 18 обломок кольчатых удиц, ножи различной формы, чекан, обкладка ножен, обкладка щита. Кроме того из-за плохой сохранности часть железных изделий невозможно определить.

В кургане 16 найдена костяная игральница с тонкой бронзовой иглой. Наконечник стрелы костяной черешковой плоской двуплощадной, единственный на все погребение.

В могилах обнаружены свидетельства культа огня и солнца. Это меловая подсыпка, обожженные перекрытия, угли в могилах, угли и охра в курильницах, бронзовый соларный знак в виде колеса со ступицами, лежавший в курильнице.

Раскопанные курганы дают некоторые сведения о социальном укладе и, частично, о занятиях оставившего их населения. Это были скотоводы, в стаде которых имелись овцы, козы, лошади. О социальном расслоении говорят различия в погребальном инвентаре. В некоторых могилах он полностью отсутствует. Находки предметов вооружения свидетельствуют о напряженных взаимоотношениях с другими племенами.

Материалы данного могильника имеют важное значение в интерпретации истории племен, населявших лесостепное Верхнее Приобье в эпоху раннего железа. Особенности погребального обряда и инвентарь позволяют предварительно датировать рассмотренные курганы IУ-II вв. до н.э.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ С.И.РУДЕНКО, НАПИСАННЫХ
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЙ В ГОРНОМ АЛТАЕ :

1. Погребение человека каменного века в восточном Алтае. - Природа, 1926, № 5-6, с.108-109.
2. Алтайская экспедиция. - В кн.: Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. (Государственный Русский музей). Л., 1926, с.61-78.
3. Могильник Кудыргэ на Алтае. - Материалы по этнографии, т.3, вып.2. Л., 1927, с.37-52. (В соавторстве с А.Н.Глуховым).
4. К палеоантропологии южного Алтая. - В кн.: Казаки. Л., 1930, с.137-148.
5. "Скифское погребение восточного Алтая. - Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, с.25-31.
6. Скифская проблема и алтайские находки. - Известия АН СССР, 1944, № 6. Серия истории и философии, т.1, с.266-275.
7. Второй Пазырыкский курган. - Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948, - 64 с.
8. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. - Советская археология, 1949, т.XI, с.261-270.
9. Древнейшая "скифская" татуировка. - Советская этнография, 1949, № 3, с.133-143.
10. Искусство скифов Алтая. - М.: Изд-во Гос. музея изобр. искусств им. А.С.Пушкина, 1949, - 91 с. (В соавторстве с Н.М.Руденко).
11. Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов. - КСИИМК, 1949, вып.26, с.97-109.
12. Раскопки пазырыкской группы курганов. - КСИИМК, 1950, вып.32, с.11-25.
13. К древней истории Горного Алтая. - Вопросы истории, 1950, № 2, с.155-159.
14. Пятый Пазырыкский курган. - КСИИМК, 1951, вып.37, с.106-116.
15. Сокровища Пазырыкских курганов. - В кн.: По следам древних культур. М., 1951, с.113-142.
16. Башадарские курганы. - Тезисы докладов на сессии Отделе-

ния истории и философии и пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1946-1950 гг. М., 1951, с.49-51.

17. Башадарские курганы. - КСИИМК, 1952, вып.45, с.30-39.

18. Горноалтайские находки и скифы. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - 268 с.

19. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 402 с.

20. Сокровища Горного Алтая. - Нева, 1955, № 4, с.134-140.

21. О датировке горноалтайских курганов. - Вопросы истории, 1955, № II, с.120-123.

22. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок. - Советская археология, 1957, т. XXVII, с.301-306.

23. О чем поведали курганы. - Наука и жизнь, 1958, № 10, с.23-25.

24. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. - В кн.: Палеолит и неолит СССР, т.4. М.; Л., 1960, с.104-125.

25. Рецензия: Древнее искусство Алтая. Текст М.П.Грязнова, фотографии А.Булгакова. Изд-во Гос. Эрмитажа. Л., 1958. - Советская археология, 1960, № I, с.312-315.

26. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - 359 с.

27. Алтай и его древние обитатели. - Чтения памяти Льва Семеновича Берга. IV-VII. 1956-1959. М.; Л., 1960, с.60-74.

28. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). - М.: Искусство, 1961. - 68 с.

29. Предисловие. - В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963, с.3-5.

30. О работе радиоуглеродной лаборатории Института Археологии АН СССР. - В кн.: Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1964, с.17-19.

31. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. - М.: Искусство, 1968. - 136 с.

32. Искусство Алтая и Южной Сибири в скифское время. - В кн.: история искусств народов СССР, т.1. М., 1971, с.255-275.

33. Der Zweite Kurgan von Pazyryk. Arbeitsergebnisse der expedition des Instituts für Gesichte der materiellen Kultur der Academie der Wissenschaften der UdSSR v.j.1947. - Berlin, 1951, 96 S.

34. I grifoni custodi dell oro.-Realta sovietica,1957, 6, Nuova serie,2,pp.28-29, 6 photo.

35. The Mythological Eagle, the Gryphon, the Winged Lion, and the Wolf in the Art of Northern Nomads.-Artibus Asiae,1958, vol.21,2,pp.101-122,Artibus Asiae publishers.Ascona,Switzerland.

36. The Treve of Pazyryk Horizon.-A Magazine of the Arts. N.Y.,january,1960,pp.110-112.

37. The Ust-Kanskaja Paleolithic Cave Site Siberia.- American Antiquity,1961,vol.27,2,pp.203-215.

38. Gold-Guarding Griffins. Southern Siberia in Scythian times.-A Magazine of the Arts.N.Y.,1965,128 p.

39. Frozen tombs of Siberia. The Pazyryk burial of Iron Age horsemen.-Berkeley Los-Angeles univ. of California Press.1970, XXXVI.-340 p.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

БОРОДАЕВ В.Б. С.И.Руденко и Алтай.	3-9
ДОЛУХАНОВ П.М. С.И.Руденко и развитие естественно-научных методов в археологии.	9-10
САВИНОВ Д.Г. Скифские курганы Узунтала.	10-13
БАЛОНОВ Ф.Р. Смысловая структура изображений на Пазырыкском ворсовом ковре.	13-15
КИРЕЕВ С.М. Новые памятники эпохи раннего железа в предгорьях Алтая.	16-18
МОЛОДИН В.И. К изучению поселенческих комплексов эпохи раннего железного века Горного Алтая.	18-20
ШУЛЬГА П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI-II вв. до н.э.	20-23
СУРАЗАКОВ А.С. К семантике изображений на Батадарском саркофаге.	23-26
ЧЛЕНОВА Н.Д. Алтайский звериный стиль и орнамент.	26-29
МОГИЛЬНИКОВ В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время.	29-32
УМАНСКИЙ А.П. К вопросу о периодизации большебереченской культуры	32-36
АЛЕХИН Ю.П. Лесостепной Алтай в скифское время (V-I вв. до н.э.	36-38
БОРОДАЕВ В.Б., КАДИКОВ Б.Х. Находки у поселка Иогач на Талецком озере	38-40
ХУДИКОВ Ю.С. Херексури и оленные камни	40-43
СУНЧУТАШЕВ Я.И. О некоторых петроглифах Хакассии	43-44
КУЗНЕЦОВА Т.М. Об одной особенности древних ограблений могил	45-46
БОКОВЕНКО Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана	46-48
НОВГОРОДОВА Э.А. Звериный стиль Монголии	48-50
МАЛОЛЕТКО А.М., ОРЛОВА Л.А. Климат Алтая в скифскую эпоху.	50-52
БОБРОВ В.В., ДОБЯНСКИЙ В.Н. О восточной границе большебереченской культуры	52-54
БОРОДОВСКИЙ А.П. Культурно-хронологические связи изображений на бронзовом зеркале из курганный группы Быстровка-I	54-56
КУЗНЕЦОВА Э.Ф. Спектральный анализ состава	

бронз предскифского и раннескифского периода Верхнего Прииртышья.	57-59
КУЛЕЗНИН А.М. О механических свойствах тагарских кинжалов	59-60
ДОБРАЖИКО Н.Д., ЧУЛХОВ Н.А. Об индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры Северного Причерноморья (к происхождению элементов скифской культуры в различных районах Евразии).	60-62
ЖИГАЛОВ Р.Б. К вопросу о памятниках гумаровского типа в Восточной Европе (древнейший скифский курган из Южного Приуралья)	62-64
МАРТИНОВА Г.С., НОБГОРОДЧЕНКОВА И.В. Раскопки поселения Лачиново-II	64-65
ТРОИЦКАЯ Т.Н. Некоторые особенности погребального обряда лесостепных племен в конце I тыс.до н.э.	66-67
СИДОРОВ Е.А. Поселения большереченской культуры в Новосибирском Приобье	68-70
НАЛОМЕТКО А.М. Топонимика "скифских" районов Алтая.	70-75
КИРКИШИН Ю.Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке	75-79
СТЕПАНОВА Н.Ф. Кузнецкий тип памятников УШ-VI вв.до н.э.	79-81
СТЕРИЖИН А.М. Опыт реконструкции древнего населения лесостепного Алтая по фрагментам бедренной кости человека	81-83
МАМОНОВА Н.Н. Скифы Западной Монголии по данным палеоантропологии	83-85
МАТВЕЕВ А.В. К проблеме этногеографии Западно-Сибирской лесостепи в скифскую эпоху	85-88
МАТВЕЕВА Н.П. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья	88-90
МАМАДАКОВ Ю.Т., НЕВЕРОВ С.В., ЦЫБ С.В. С.И.Руденко и некоторые проблемы древней истории Алтая	90-93
САХ В.А. Линево-I - памятник переходного времени от бронзы к железу	94-95
РОЩЕВ В.А. Костяные наконечники стрел из курганов раннего железного века Горного Алтая	96-97
ГАЛЫЧЕНКО А.В., КИРКИШИН Ю.Ф. К вопросу о типах хозяйства в эпоху поздней бронзы в лесостепном Верхнем Приобье	97-100
КАМШИН А.Б. Поселение Мыльниково - памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа.	100-102

КУБАРЕВ В.Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае.	I02-I04
ШАМШИН А.Б., НАВРОТСКИЙ П.И. Курганный могильник Рогозиха-I	I04-I06
Список печатных работ С.И. Руденко, написанных по материалам его исследований в Горном Алтае	I07-I08

Подписано к печати 29.01.86 АГ 00010.

Формат 60x90/16

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл.-печ.л. 5,2 Уч.-изд.

Тираж 300 экз. Заказ 84-86.

Цена I р.

Лаборатория множительной техники Алтайского госуниверситета:
г. Барнаул, ул. Димитрова, 66